

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

М Е М У А Р Ы

Альберт Праун

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

ВОСПОМИНАНИЯ ОФИЦЕРА-СВЯЗИСТА ОБ УПРАВЛЕНИИ
ВОЙСКАМИ В ВОЕННЫХ КАМПАНИЯХ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

1939—1945

За линией фронта. Мемуары

Альберт Праун

**От солдата до генерала.
Воспоминания офицера-
связиста об управлении
войсками в военных кампаниях
Третьего рейха. 1939—1945**

«Центрполиграф»

УДК 94(4)"1939/1945"
ББК 63.3(4)62

Праун А.

От солдата до генерала. Воспоминания офицера-связиста об управлении войсками в военных кампаниях Третьего рейха. 1939—1945 / А. Праун — «Центрполиграф», — (За линией фронта. Мемуары)

ISBN 978-5-9524-5271-8

Автор воспоминаний – ветеран двух мировых войн начал свою службу простым солдатом в 1913 г. в телеграфном батальоне в Мюнхене и закончил ее в Реймсе в чине генерала, в должности начальника связи сухопутных войск, когда в мае 1945 г. был арестован и отправлен в лагерь для военнопленных. Наряду с описанием событий на европейском фронте Праун отмечает важнейшее значение средств связи для успешных военных действий. Самым подробным образом он рассматривает различные виды связи, новые изобретения в этой области и сложности их внедрения в условиях войны. Особое внимание автор уделяет фронтовым будням немецкого солдата. Заканчивая воспоминания, генерал Праун делится своими переживаниями, вызванными новой катастрофой, постигшей германское оружие, и негодованием по поводу «несправедливого» процесса в Нюрнберге. В приложении представлены карты, схемы и приказы командования по соединениям связи времен Второй мировой войны.

УДК 94(4)"1939/1945"
ББК 63.3(4)62

ISBN 978-5-9524-5271-8

© Праун А.
© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	7
Мир и война, 1913-1918 гг.	8
Фанен-юнкер 1913-1914 гг.	8
На первой мировой войне – фенрих и лейтенант, 1914-1916 гг.	12
Верден – Аргон – Сомма-Ла-Басе, 1916 г.	21
В штабе 6-й армии, 1917 г.	26
На Восточном фронте, 1917 г.	30
Командир подразделения связи дивизии, 1918 г.	33
Между двумя мировыми войнами 1918-1939 гг.	36
Нюрнберг, 1919 г.	36
Берлин, 1919 г.	38
Нюрнберг-Фюрт, 1919-1920 гг.	41
Мюнхен, 1920-1922 гг.	43
Кассель, 1922-1923 гг.	46
Штутгарт, 1923-1924 гг.	49
Мюнхен, 1924-1931 гг.	52
Восточная Пруссия, 1931-1933 гг.	64
Берлин, 1933-1935 гг.	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Альберт Праун
От солдата до генерала. Воспоминания
офицера-связиста об управлении
войсками в военных кампаниях
Третьего рейха. 1939 – 1945

Albert Praun

Soldat in der Telegraphen- und Nachrichtentruppe

ВОСПОМИНАНИЯ ОФИЦЕРА-СВЯЗИСТА ОБ УПРАВЛЕНИИ ВОЙСКАМИ В
ВОЕННЫХ КАМПАНИЯХ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА
1939-1945

Серия «За линией фронта. Мемуары» выпускается с 2002 года

Разработка серийного оформления художника И.А. Озерова

Предисловие

Судьба распорядилась так, что все мои 32 года армейской службы были отданы немецким войскам связи. Начав простым фанен-юнкером, я стал ветераном этих войск, генералом. Переворот в технике и искусстве управления войсками, произошедший за годы двух мировых войн, придал первостепенное значение частям связи. Именно военным связистам, бескорыстным в своем стремлении вдохнуть жизнь в только что сложившийся организм, взрастить его и дать ему созреть, посвящается моя книга воспоминаний. В не меньшей степени она касается и всех тех отважных бойцов других родов войск, которые сражались под моим началом во Второй мировой войне в 262, 129 и 277-й пехотных дивизиях. Она посвящается всем моим соратникам и товарищам на фронте и на Родине. Мои дети и внуки из моего рассказа о тревожной истории одного поколения могут сделать важный вывод, что солдаты, исполняя свою зачастую неблагодарную задачу – защищать от внешних и внутренних врагов постоянно меняющиеся правительства, были людьми, со всеми своими недостатками и положительными сторонами, которые присущи тому народу, из которого они вышли.

Мои книги и первоначальные записи были утеряны. Причиной этого был плен. Поэтому я должен просить читателя извинить меня за неточность изложения отдельных событий, которые подчас складываются в грубую мозаику. Я должен быть благодарен случаю, что сохранились моя переписка с женой и краткие военные заметки и карты.

Мир и война, 1913-1918 гг.

Фанен-юнкер 1913-1914 гг.

Моя жизнь до армии была короткой, и завершилась она в 1913 г. в Мюнхене праздником «Октоберфест». Под яркими лучами солнца, что лились с голубого баварского неба, я стоял в толпе восторженных и радостных мюнхенцев, мужчин и женщин, и деревенских жителей, приехавших в город на праздник с предгорий Альп, и наблюдал за торжественным прибытием отца нации принца-регента Людвига с супругой. В шестиконном экипаже, которым управляли фореиторы в ливреях, сидел в мундире генерал-фельдмаршала Верховный главнокомандующий своей армией. Затем следовали экипажи принцев и принцесс; среди них был генерал от кавалерии принц Альфонс в зелено-белом мундире 7-го полка легкой кавалерии, которого народ приветствовал с особым ликованием. После проезда представителей династии Виттельсбахов все устремились на Луг Терезы (Терезиенвизе), где посетителей ожидали наполненные пивом пол-литровые кружки, жареный цыпленок и рыба, запеченная на углях, где можно было прокатиться на карусели и пострелять из арбалета или посетить сельскохозяйственную выставку. Затем на большой арене состоялись скачки сельских наездников. Повсюду встречались военные в ярких мундирах: голубые носили солдаты пехоты и тяжелой кавалерии, темно-синие – артиллеристы, саперы и обозные, зеленые – уланы и кавалеристы легкой кавалерии. Это была живописная картина сытого мира, феодальной демократии, где никто не думал о войне.

1 октября 1913 г., когда мне еще не исполнилось 19 лет, я поступил фанен-юнкером в Королевский Баварский 1-й телеграфный батальон в Мюнхене. Прежде за телеграфную связь отвечали инженерные войска. С 1901 г. в составе Инженерного корпуса в Баварии уже существовало самостоятельное телеграфное подразделение.

В связи с новыми задачами постоянно возрастала его численность, и отдельная телеграфная рота за несколько лет выросла до 2 батальонов с 7 подразделениями. В 1910 г. в новых казармах на Лазаретштрассе, 7 в Мюнхене были размещены 3 телеграфные роты, отделение конной тяги 1-го телеграфного батальона, 2 роты радиосвязи и кавалерийско-телеграфная школа 2-го телеграфного батальона.

Нам, курсантам Райну и мне, и двадцати вольноопределяющимся-одногодичникам, призванным в один день с нами, пришлось первые шесть недель усиленно заниматься строевой подготовкой. Подъем был в 4 часа утра, к 5 часам необходимо было напоить, накормить и вычистить лошадей, в шесть – быть в манеже. Спустя какое-то время после такой усиленной подготовки мы столь успешно освоили такие ее элементы, как подход к командиру и отдавание чести, что нам было разрешено уходить в увольнительную в город. Мы гордились своей формой: темно-синей с красным кантом и черным воротником с белыми петлицами, длинной саблей, шпорами и кивером, который надевали в торжественных случаях. Для увольнительной полагались белые перчатки.

К одногодичникам-вольноопределяющимся – некоторые из них, как и мы, два курсанта, окончили среднюю школу, другие уже имели высшее образование – присоединились в ноябре новобранцы, призываемые на два года. Они уже имели профессию и почти все были вольноопределяющимися; еще до призыва в армию они могли выбрать для себя воинскую часть и гарнизон. После основной подготовки одногодичники и мы, юнкера, были распределены по ротам. Мы продолжили обучение, не прекращая ежедневно исполнять обязанности на конюшне. Я попал в 3-ю роту, где новобранцев обучал обер-фенрих Ринекер. Редко появлялся старший лейтенант Хельвиг, часто – комроты капитан Дрекслер.

Он строго следил за дисциплиной и порядком. Его человеческие качества открылись мне не сразу. В течение дня у нас не было ни минуты отдыха. Много времени отнимала караульная служба и стояние на посту у ворот казармы, а также и ночное дежурство по конюшне. В Рождество 1913 г. началась подготовка к параду в честь дня рождения короля 7 января. Командир батальона майор Неес приказал сформировать конный взвод из одностаничников, юнкеров и унтер-офицеров. Все были в огромных кавалерийских сапогах со шпорами, несли длинную изогнутую артиллерийскую саблю. Острие сабли было направлено на левый глаз находившегося справа в строю кавалериста. Во время прохождения торжественного марша существовала опасность повредить глаза кавалериста, в случае если конь споткнется. И тут вмешался с отеческой заботой майор Неес. Мы должны были пройти торжественным маршем на Кёнигсплац перед нашим королем в пехотных сапогах и вооруженные карабинами вместо сабель. Это был первый праздничный день для 19-летних солдат. Кружила легкая поземка, и престарелый государь в генеральском шлеме с бело-голубым плюмажем и в золотых очках, казалось, пристально смотрел каждому в глаза.

В январе завершилось индивидуальное обучение, и в день рождения кайзера 27 января 1914 г. юнкера были произведены в унтер-офицеры. Не существовало никаких общественных обязанностей. Оба командира были молодыми парнями. Мы, курсанты, должны были в сопровождении Ринекера делать визиты к четырем офицерам обоих батальонов в семейной обстановке. Когда мы являлись в парадной форме к офицерскому обеду, командиры рот уже сидели с сослуживцами за бокалом вина, который они выпивали после утренней прогулки верхом и занятий чисто канцелярскими делами, прежде чем немного вздремнуть в полдень. Во второй половине дня они редко посещали казарму.

Райн, фенрих Фрич из 2-го батальона и я сидели среди нижних чинов за офицерским столом, председательствовал за которым мой дядя, в то время бывший адъютантом старшего лейтенанта Хаубса из 1-го батальона. Приходил зачастую к обеду и майор Неес. После окончания обеда, встав из-за стола и щелкнув каблуками, мы покидали собрание. У нас еще оставалось четверть часа на то, чтобы немного прилечь, прежде чем продолжить исполнение своих обязанностей.

Техническая подготовка была слабой. «Телеграфия» в телеграфном батальоне в 1910 г. уступила место телефонной связи. В роте еще существовал целый учебный зал, заполненный сияющими желтой медью аппаратами Морзе, которыми так и не воспользовались. Армейские и полевые телефоны были массивные, выдавшие виды ящики, обращение с которыми не требовало особых знаний. О том, как соединять концы оголенного провода, знали только в теории. Нам приходилось без электромонтажных кошек взбираться на телеграфный столб. Подвесные изоляторы не использовались вовсе, в учебной программе о них ничего не говорилось.

В «депо» унтер-офицер объяснял нам, как загружать «транспортное средство для телефонных аппаратов», затем мы разматывали, крутя ручку, учебный кабель, и нам показывали, как его надо чинить. Экономии на всем. К полевому снаряжению нельзя было даже прикоснуться. Неоднократно используемый учебный кабель рвался на каждом километре. Постоянные починки вели к плохой слышимости во время связи. Мы приступили к прокладке полевого кабеля сначала на территории казармы, затем вне ее – по Внешней Дахауэрштрассе в городском квартале Герн и вдоль въездной аллеи дворца Нимфенбург. На деревьях устанавливали некое подобие «вилки» для провода, а на крышах его крепили на деревянных крючьях вдоль кровельных лотков. Через каждый километр мы проверяли связь. По трубам, проложенным в земле, прокладывались исключительно однопроводные линии вместе с обратной линией. Приходилось попотеть, чтобы обеспечить нормальную слышимость. Солдат инженерных войск напоминал рождественского Деда Мороза: на спине приспособление для переноски грузов, весь увешан армейскими телефонными аппаратами, из-

под кивера торчат наушники, на каблуке жестяная пластина-заземление. Все это снаряжение было настолько искусственно, что никогда так и не нашло применения в полевых условиях.

Особенно тяжелыми были работы по установке опор на открытой местности. Приходилось много бегать, когда лошади на рысях разматывали полевой кабель с намоточной катушки. Мне, как унтер-офицеру, капитан Дрекслер подчинил отделение связи, сформированное из одногодичников роты. Мы обучались вместе в одно и то же время, и я был с ними на «ты». Благодаря взаимопониманию мне удавалось поддерживать дисциплину не только в присутствии командира роты. Было сложно заставить верховую лошадь двигаться в нужном направлении. В короткие минуты отдыха мы наблюдали, как радисты устанавливали для антенн телескопические мачты на распорках с противовесами. У них было больше практики в работе с аппаратами Морзе по сравнению с нами; мы учились обращаться только с зуммером, чтобы при отсутствии голосовой связи с его помощью передать сообщение. На войне это так и не нашло применения. С кем радисты должны были установить связь, знали мы так же мало, как и о предназначении наших линий связи.

В перерывах между основными занятиями каждые две недели капитан Дрекслер командировал меня к унтер-офицерам роты и в канцелярию. Здесь сидели ротный фельдфебель Келлер и ротный писарь. Служебные обязанности военнослужащих на каждый день заносились в письменном виде в книгу приказов и зачитывались во время построения. В роте не было пишущей машинки. Каждые десять дней Келлер выплачивал каждому военнослужащему – от вице-фельдфебеля до новобранца включительно – пару-другую марок или несколько пфеннигов наличными. Делал он это во время устраиваемой специально по этому поводу проверки. Никаких квитанций не выписывалось. Обязательно присутствовавший при этом капитан спрашивал каждого до того, как раздавалась команда «разойдись», все ли было выплачено правильно. Бюрократизм тогда был ограничен до минимума. Каждый знал причитающуюся ему сумму.

От кладовщика на вещевом складе я узнал, как правильно по уставу хранить военную форму и постельное белье. Офицер артиллерийско-технической службы Хубер научил обращению с карабинами, пистолетами и штыками, показал, как заносить результаты стрельб в специальную книгу. Каптенармус рассказал о солдатском пайке, мыле и обтирочных концах, метлах и другом имуществе.

Солдат 1-го телеграфного батальона в те времена, когда связисты не составляли особый род войск, называли саперами. Ну а солдат 2-го батальона – радистами.

Офицерский корпус, за исключением его самых молодых представителей, сформировался в инженерных частях и испытывал к ним привязанность. Их поведению было присуще честолюбие. Офицеры стремились подражать в этом пехоте, которая в столице Баварии была представлена тремя бравыми полками. Закончилась строевая подготовка смотром стоявшей в сомкнутых рядах роты на Обервизенфельде. Капитан Дрекслер на коне появился перед строем с поднятой саблей. К роте приблизилась кавалькада всадников, среди них были командир батальона майор Неес, инспектор железных дорог и телеграфа полковник Клееман, шеф Королевского Баварского корпуса инженерных войск его превосходительство генерал-лейтенант фон Брут.

Затем настала очередь технических учений: сооружение линий связи на местности и организация службы эксплуатации телефонной связи. Они были на время прерваны весенним парадом мюнхенского гарнизона на Обервизенфельде в присутствии короля. Он двигался вдоль пестрого строя военных в экипаже, а затем принимал торжественный парад.

Наши солдаты инженерных войск сидели в повозках, запряженных четверкой лошадей. Прохождение на рысях всадников и запряженных повозок с солдатами сопровождалось страшным грохотом. За нами шел 2-й батальон с тяжелыми и легкими радиостанциями, часть радистов была на конях. Все были в пышных и красочных мундирах мирного времени.

Плюмаж на шлемах у кавалеристов был белый, у артиллеристов – красный, у солдат обоза – черный. Мундиры были голубые, зеленые и темно-синие. Сверкали сабли, приплясывали великолепные кони, ликовали зрители. Никто не думал о том, что минует всего несколько недель и в мире разразится война и что блистательные войска участвовали в мирном параде в последний раз.

Кругозор юного солдата – с 1 июля фенриха – еще не выходил за рамки отделения, взвода, роты. Те знания, что одноклассники и фанен-юнкеры получили благодаря лейтенанту Фогту, ограничивались основами тактики и знания оружия. О том, что телеграфные подразделения могут принять участие в боевых действиях, мы не имели представления. Осенью 1914 г. я продолжил обучение в военной школе. Продолжительная тяжелая война заменила собой школу и всю теорию.

На первой мировой войне – фенрих и лейтенант, 1914-1916 гг.

Объявленная в августе 1914 г. мобилизация была восторженно встречена жителями Мюнхена. Они повсюду находили шпионов, били оконные стекла и верили, что вода в исправном водопроводе отравлена. Добровольцы наводнили казармы, резервисты уходили в армию. Мобилизация проходила без осложнений. Солдаты 2-го телеграфного батальона, с переносными радиостанциями в защитной форме стального цвета, первыми выдвинулись к французской границе. Мюнхенский пехотный полк под музыку оркестра проследовал к вокзалу. Наша 3-я рота по объездным улицам, в плохом обмундировании, без оружия и средств передвижения маршировала в направлении деревни Унзерхеррн близ Ингольштадта.

Там, в просторных казематах крепости, уже было подготовлено серое обмундирование, оружие, приборы, средства передвижения. К нашему разочарованию, вместо привычных киверов были шлемы в серых чехлах. Погоны были с красным кантом, как у саперов, в отличие от серой формы войск связи, которую мы теперь носили. На красной повязке на рукаве было написано «Телеграфный батальон 3-го корпуса». Благодаря резервистам новое подразделение достигло штатного расписания военного времени. Крестьяне поставили нам лошадей. Те привыкли тянуть за собой плуг или небольшую повозку, подчиняясь простым командам «Н-но!» и «Пошла!». Теперь же предстояло запрячь их четвериком и приучать к седлу. Пожалуй, это было самым сложным моментом нашей подготовки к войне.

Наконец наш корпусный телеграфный батальон с 5 телеграфными взводами и приданными 4 строительными подразделениями был готов к выступлению. Командиром 1-го взвода был лейтенант Хельвиг, 2-го – лейтенант Ринекер, 3-го – лейтенант резерва Биркхофер, 4-го – лейтенант резерва Пальм, 5-го – лейтенант ландвера Стефан. Я, будучи фенрихом, был назначен вахмистром 5-го взвода. Штаб батальона имел капитана медицинской службы и капитана ветеринарной службы и еще 2 офицеров связи. Одним из них был лейтенант Килиани, в чьей ответственности были два покрашенных в желтый цвет почтовых дилижанса, используемые для транспортировки нашего величайшего технического достижения того времени – коммутатора с десятью клапанами, предназначенного для связи с вышестоящим штабом. Капитану полагался автомобиль – белый лимузин, которым прежде владел князь фон Турн-унд-Таксис из Регенсбурга. Шофер, владелец пивоварни на Кармелитенхофс в Регенсбурге, унтер-офицер Бергмюллер в целях маскировки выкрасил автомобиль в зеленый цвет.

8 августа 1914 г. наш железнодорожный состав переезжал по мосту через Рейн близ Хагенау (Агно) под песню «Стража на Рейне». На всем протяжении пути на каждой остановке девушки с цветами приветствовали бойцов, не звавших, что их ожидает впереди. Нам приходили на память кровавые эпизоды последней войны против французов 1870 – 1871 гг.

Нас удивило, что в немецкой Лотарингии¹ приветливые девушки в Ремелахе, где мы были на постое, говорили только по-французски. Нам было далеко до них с нашим школьным французским. Мы находились южнее Меца, конкретной задачи нам не было поставлено, и наша часть выдвинулась в направлении Фалькенберга. Затем 20 августа 6-я армия пошла в наступление в западном направлении. Завязались бои в Лотарингии, и под напором французов наши войска отступили на свою территорию. Под палящими лучами солнца мы продвигались вперед шаг за шагом к кровавому полю битвы, сопровождаемые грохотавшими залпами тяжелых орудий нашего корпуса. Наибольшие потери понесли пулеметчики.

¹ Отторгнутой, как и Эльзас, от Франции в 1871 г. (Здесь и далее примеч. ред.)

Погибло много младших офицеров, которые шли в атаку, выхватив саблю и с биноклем на ремне, они служили идеальной целью. Мы видели, как вдаль в небе появлялись облака от разрывов шрапнели, и слышали глухие раскаты артиллерийского огня и треск пулеметов.

На следующий день я получил наконец первое самостоятельное задание: проложить полевой кабель между штабом 3-го армейского корпуса в Шато-Сален и выдвинувшимся вперед штабом 3-й армии в Дьёз. Карту местности мне не дали, капитан Дрекслер разрешил мне посмотреть его карту. Взвод понес первые потери, и я остался самым молодым среди двадцати бойцов, в основном резервистов. Деревни опустели, «лотарингские леса» были труднопроходимы из-за подлеска. Здесь шли бои накануне. Первые убитые, которых я увидел, молодые немцы и французы, лежали повсюду между деревьями и на дороге. Жуткий вид! На всем пути до Дьё-за в 15 км нам не встретился ни один человек. Подвешивание кабеля на деревьях и столбах, что нами было отработано в Мюнхене, вечером 21 августа было закончено. Связь между корпусом и армией была в полном порядке. Я передал командование лейтенанту Ленеру из моего батальона, который был командиром моторизованного взвода связи в армейском телеграфном подразделении. На следующее утро я увидел нашего главнокомандующего генерал-полковника кронпринца Рупрехта Баварского на утренней прогулке верхом. Я представился штаб-офицеру телеграфных частей майору Шелленбергеру, который в мирное время был командиром 2-го Баварского телеграфного батальона.

25 августа меня с моим полувзводом вызвали в Шато-Сален и командировали затем в Аракур. На лысых высотах вблизи немецко-французской границы мы встретили машины с солдатами, которые обратились к нам с настоятельным требованием повернуть назад: «Французы идут!» Этот мой первый переход границы так и остался в моих воспоминаниях связанным с чувством смутной паники, которой никак нельзя было поддаваться. В Аракуре, первой деревне с той стороны границы, необходимо было занять небольшой коммутиционный пункт, обозначаемый, как и все подобные пункты, бело-красным флагом (F-Flagge). Он находился между корпусом и дивизиями 3-го корпуса. Коммутатор стоял в гостиной на первом этаже небольшого замка, и тут же находилась операционная основного перевязочного пункта. Замковый парк был полон носилок с больными солдатами, наряду с ранеными и убитыми. Инспектор госпиталя в черных перчатках руководил в суматохе погребением умерших на краю парка. Расположенная рядом деревня напоминала лагерь Валленштейна²: монах-капуцин проповедовал на рыночной площади немногим слушателям. Рядом стреляла по противнику батарея 130-мм орудий (необычного китайского калибра). Слушатели из-за орудий наблюдали за полетом выстреливаемых снарядов. Повсюду стояли передки орудий и снабженные тросами машины. Все оживились, увидев аэроплан, и начали стрелять по нему из винтовок и револьверов, не подумав о том, вражеский он или наш.

У телефонного батальона совсем не было полевой кухни. Бойцы разбросанных на обширной территории взводов были вынуждены выпрашивать довольствие у полевых кухонь пехоты. Если таковых поблизости не было, солдатам приходилось ловить кур, забивать свинью или теленка.

Теперь мы прокладывали полевые кабели от штабов дивизий до штабов бригад. Я, сидя в седле, с чувством гордости доложил кавалькаде командиров 10-й Баварской пехотной бригады о готовности линии связи с 5-й Баварской пехотной дивизией.

Генерал изрыгнул ругательство, и весь штаб вместе с ним исчез в облаке пыли. Вероятно, ему самому было недостаточно ясно известно о расположении его полков, чтобы он

² Валленштейн, Вальдштейн Альбрехт Евсевич (1583 – 1634) – главнокомандующий войсками Священной Римской империи в Тридцатилетней войне 1618 – 1648 гг. По происхождению чешский дворянин. Зверски подавлял Чешское восстание 1618 – 1620 гг. Содержал наемную армию в основном за счет беспощадных реквизиций у мирного населения, которое в результате сокращалось в несколько раз. Убит группой офицеров.

мог проинформировать об этом офицеров штаба дивизии, так что сообщение о наличии телеграфной связи было весьма некстати. Мне удалось повторно найти штаб бригады только к вечеру в каком-то сарае, и теперь мое донесение не вызвало негативной реакции.

Под Нанси нас остановила крепостная артиллерия. Все атаки были отбиты с большими для нас потерями. Под вечер 7 сентября 14-й Баварский пехотный полк из Нюрнберга предпринял штурм деревни Ремервиль. Под разрывами шрапнели и французских осколочных снарядов продвигались за пехотой храбрый командир 9-й Баварской пехотной бригады генерал-майор Егер со своим небольшим штабом, а мы тянули провода к 5-й Баварской пехотной дивизии. Покинутая жителями деревня горела. Расположенная недалеко французская артиллерия обстреливала наших линейных монтеров на линии, которая шла по просматриваемой местности. Телефонную линию связи от пехотных полков к бригаде прокладывали группы бойцов пехоты. Богатый урожай фруктов в садах, бегавшая повсюду птица, ягнята и свиньи служили удовольствием для штаба бригады и двух моих отделений. В огромном винном подвале, который горел с одного угла, хранились сотни бутылок вина. По приказу генерала Егера я раздал значительное их количество пехотинцам. Наша артиллерия с закрытых позиций продолжала обстрел, перенося огонь дальше в тыл противника. Командиры с наблюдательных вышек-лестниц, расположенных у подножия холма, могли видеть, куда ложатся снаряды, и корректировали огонь. У них еще не было телеграфной связи с наблюдателями на передовой. Пехота залегла под сильным артиллерийским огнем французов на краю деревни. Помочь ей должен был взвод 10-го Баварского полка полевой артиллерии, который галопом выкатился на открытую огневую позицию. Очень скоро он был уничтожен артогнем.

Пришел приказ – выйти из боя и отойти. Мы свернули провод. Один километр кабеля был потерян. Было нелегко управиться с беспокойными необученными лошадьми и сохранить порядок под разрывами шрапнели.

Несколько дней отдыха в Меце дали возможность помыться и отоспаться. Мы не снимали своих мундиров все прошедшие недели. Выкладка фенриха состояла из тех скудных запасов, что были в его переметных сумках. Капитан Дрекслер заново сформировал наши взводы, группы и индивидуальные телеграфные точки с двумя-тремя бойцами, в составе которых мы воевали на протяжении последних недель, поставив новые задачи. Томимые жаждой солдаты, которые неделями пили одну только воду, обнаружили баварское пиво в гарнизоне 3-го Баварского полка.

Затем началось второе наступление 3-го Баварского корпуса. Путь пролегал по полям сражений войны 1870 – 1871 гг., отмеченных памятными знаками, после 44 лет мирного времени к полям новых битв. Передовые части наносили удар в направлении Вёвра и Кот-Лорен у Мааса, чтобы прорвать передовой рубеж обороны между небольшими городами Эпиналь и Туль. Лишь короткое время 5-й взвод находился при штабе корпуса и штабе телеграфного подразделения, где лейтенант Килиани заводил граммофон, ставил пластинку и слушал рождавшие тоску по дому «Спи, мой маленький принц, засыпай» и другие сентиментальные произведения.

Затем 5-й взвод вновь вошел в состав 5-й дивизии и ее бригад. Едва только наша колонна останавливалась на привал в какой-нибудь деревне, французская артиллерия наносила по ней на удивление точный удар. Подозревали, что в погребах тайно работал телефон или кто-то подавал условные знаки с помощью часов на башне. Мне – начальство считало меня в этом экспертом – было поручено выявить причину этих таинственных явлений. В результате расследования были обнаружены лишь тщательно спрятанные запасы вина, а вовсе не какая-то секретная техника. Башенные часы, бывшие без ухода, остановились. Объяснение всему этому было простым. Мы находились в укрепрайоне, где французы знали каждое удобное место для наблюдения и для огневой точки и каждую дистанцию.

В то время как 6-я Баварская дивизия атаковала Сен-Мийель и Фор-Кан-де-Ромен, 5-я Баварская дивизия на левом фланге продвигалась вперед по равнине Вёвр в обход заросших лесом высот Кот-Лорен. Серьезных боестолкновений не было, и я, стоя у полевого телефонного аппарата, поддерживал связь с корпусом. Рядом находились командир дивизии генерал-лейтенант фон Шох и начальник штаба. Я наблюдал на расстоянии нескольких километров за атакой немецкой пехоты, французами и за огнем нашей артиллерии, управляемой командиром бригады. Бои шли за Монсек и Апремон. И здесь наступление разворачивалось через густые леса, когда пришло сообщение об удачном форсировании Мааса 6-й Баварской дивизией и захвате Сен-Мийеля и Фор-Кан-де-Ромена.

Я был еще фенрихом, когда за мои действия на телефонной точке в Буксиере я получил Железный крест 2-й степени. Развернув голубую оберточную бумагу и достав крест, я продел его в петлицу мундира. Как обычно, я действовал самостоятельно, имея в подчинении всего несколько человек. В конце сентября 1914 г. капитан Дрекслер сообщил мне также по телефону о присвоении мне звания лейтенанта. Мой друг, командир 4-го взвода лейтенант Пальм, старший инженер на предприятии фирмы «Хартман и Браун» во Франкфурте-на-Майне, который был в два раза объемнее меня, одолжил мне по дружбе свой второй мундир, в котором я, имея не совсем представительный вид, предстал перед командиром дивизии.

Попытка частей 5-го корпуса расширить прорыв в оборонительной линии фронтов на участке Верден – Туль не удалась, они не смогли взять форт Тройон. Нам также не удалось овладеть фортом Лиувилль к югу от Фор-Кан-де-Ромен. Для огневой подготовки к нам в Буксерюль прибыли два орудия – австрийские 305-мм гаубицы производства заводов «Шкода», которые тянули мощные тягачи «Даймлер-Бенц». Так как они стреляли как наши 210-мм мортиры на гусеничном ходу, их можно было быстрее перевести в боевое положение, чем тяжелые немецкие орудия, для которых была необходима платформа. Наш 3-й взвод лейтенанта Биркхофера проложил линию связи к передовому наблюдательному посту австрийцев.

Когда передвижения наших войск приостановились, линии связи 4-го и 5-го взводов были проведены через штаб 9-й и 10-й Баварских пехотных бригад, в пехотные и артиллерийские полки. В сравнении с прошедшим этапом маневренной войны стала больше использоваться телефонная связь. Все поняли, что с ее помощью можно быстрее передавать приказы и сообщения.

В течение последних недель желтые сливы составляли основную часть нашего питания, а теперь созрели виноградные кисти на склонах холмов Лотарингии. Прохладными осенними утрами виноград был холодный и сладкий. Последствия были – при нехватке отхожих мест – весьма печальными. Для излечения дизентерии требовались несколько недель до полного восстановления работоспособности.

В октябре 1914 г. капитан Дрекслер взял меня на фронт дежурным по станции в штаб корпуса в Сен-Бенуа. Он хотел меня «немного воспитать» (во Второй мировой войне мою должность называли «начальник службы эксплуатации отделения связи»).

Командующий корпусом генерал кавалерии барон фон Гебзаттель квартировал при штабе, имел адъютантов и двух шоферов кайзеровского автомобильного корпуса. Эскадрон 2-го Баварского полка легкой кавалерии занимал пост у ворот замка. Подразделение связи располагалось на коммутационном пункте корпуса. Две линии связи были проложены к армейской группировке Штранца и на Мец, последнюю подключили к почтовой связи. Три линии связи шли вперед к трем дивизиям – 5-й, 6-й и Баварской резервной дивизии, находившейся между двумя первыми. Были подключены расположенные вблизи летная эскадрилья, командир обоза и колонны для подвоза боеприпасов. Абонентской связью пользовались начальник штаба, начальники оперативного управления и материально-технической части, а также разведки штаба. Адъютанты, врачи и другой штабной персонал не имели удобной связи. Они должны были звонить с коммутационного пункта как обычные пользователи.

Остальными средствами связи – прежде всего радиостанцией – корпус не располагал. Пожелания или приказы штаба корпуса, касавшиеся телефонной связи, обработчик информации передавал командиру соединения, части, подразделения. Когда было много работы, мы, два офицера штаба, Килиани и я, сменяли друг друга. Мы обслуживали, когда это было необходимо, сам коммутатор, старались установить нормальную связь и затем проверяли ее, при плохой связи посылали сообщения повторно. Это было почти нереально – суметь проложить протяженный провод в полевых условиях, принимавший голосовые сообщения далее 50 км. Однажды нас посетил директор этапного телеграфного управления почтовый советник доктор Люшен; его работники из государственного почтового управления протянули линию от немецкой границы до Сен-Бенуа, соединив ее с государственной почтовой сетью. Он продолжил нашу линию на важнейшем направлении до Сен-Мийеля. Качество связи улучшилось в несколько раз. Лейтенант Ауэ из армейского телеграфного подразделения следил из Сен-Мийеля за техническим обслуживанием линии связи. Мы сами не собирались использовать голый провод, найденный на французском посту, для наших целей. Отсутствовало должное понимание и образование. В условиях роста телеграфных соединений и подключений к ним больше не хватало мощности коммутаторов и телефонов. Мы захватили на посту новые аппараты, основанные на системе центральной батареи (ZB-apparate) вместо прежней системы местных батарей (ZB-apparate), и коммутаторы разных размеров. Во всех штабах тяжелым полевым аппаратам предпочли легкие телефоны с поста.

Дружественное отношение ко мне в штабе корпуса проявилось в выплате отложенного для меня лейтенантского содержания и денег на обмундирование. Начальник финансовой части достал из обитого железом ящика сумму в тысячу марок звонкой золотой монетой. Я сразу же отослал их полевой почтой родителям, которые вложили их в военный займ.

Небольшой штаб телеграфного подразделения вел свое обособленное существование в одном из крыльев замка. Капитан Дрекслер поддерживал с нами, молодыми подчиненными, дружеские отношения. Оба врача вместе с ним проявляли особенную заботу о нашем здоровье. Для физической разминки каждое утро мы совершали прогулку верхом. Мне часто выпадала честь совершать поездку с его королевским высочеством принцем Баварским Альфонсом. С 1905 г. он был генералом кавалерии и командующим 7-м Баварским полком легкой кавалерии, который входил в корпус. Сейчас он был гостем командующего. Оба его белых коня в целях маскировки были покрашены в защитный серый цвет. Поскольку краска была ядовита, наиболее чувствительные места на коже, например вокруг глаз, красить не стали, и они остались белыми. Кони поэтому были похожи на клоунов. На Рождество наше милое телефонное, можно сказать заочное, общение с работницами почты в Меце принесло свои плоды. Телефонистки соединили Килиани и меня с нашими родителями. 1 января 1915 г. мы задумались над тем, что бы такое особенное сделать, чтобы показать тесную связь между фронтом и штабом и нашу любовь к родине. В 12 часов дня все солдаты в дальних окопах должны были прокричать «Ура!», и тогда командовавший нами генерал, который к нам так и не приехал, услышал бы по телефонной связи это приветствие. Мне выпала честь подать генералу телефонную трубку. По причине каких-то неполадок на линии он не услышал ничего. Возможно, это был единственный раз, когда столь важная персона соприкоснулась с техникой, о которой генералы того времени были невысокого мнения. Большим разочарованием было для нас, телеграфистов, когда для встречи приехавшего в штаб корпуса короля Людвига III были выстроены только дежурные кавалеристы. Мы же могли и не появляться.

Для меня, 20-летнего лейтенанта, предстояли четыре месяца службы при штабе. Капитан Дрекслер проявил понимание и назначил меня командиром моего бывшего 5-го взвода 9-й Баварской пехотной бригады в Вуэнвиле. В небольшом штабе меня ожидал сердечный прием. Здесь была совсем другая обстановка. Генерал-майор Егер, неутомимый солдат, каж-

дый день проводил в окопах своих батальонов 14-го и 21-го Баварского пехотного полка и 20-го резервного батальона егерей, которые вели ожесточенные бои в Буа-Брюле. В мирное время Егер был командиром 11-го Баварского пехотного полка в Регенсбурге, где прошла моя юность. Его сын, подобно мне, принимал участие в юношеском туристическом движении Германии в предвоенные годы. Душой штаба бригады был адъютант в чине капитана барон фон Берхем.

В одном и том же доме находились и штаб бригады, и штаб 6-го Баварского полка полевой артиллерии, размещенный в Фюрте. Когда меня вызывали по телефону, будь то во время трапезы или после общения с коллегами, я действовал в качестве «начальника связи», соблюдая все пунктуально до мелочей. Я уяснял для себя сложившуюся обстановку и поддерживал необходимую связь до тех пор, пока не стихал сильный огонь на передовой, которая отстояла теперь на расстоянии 5 км, вместо прежних двадцати. Вполне могла возникнуть необходимость поднять по тревоге резервные части. Тогда в каждом подразделении треть боевого состава находилась в окопах, треть – в состоянии боевой готовности и еще треть отдыхала. В течение дня на фронте телеграфную связь – других средств связи еще не существовало – постоянно приходилось чинить. Количество проводов за время моего краткого отсутствия неизмеримо выросло. Каждая рота и батарея, каждый командир взвода были подключены к телеграфной сети. Все наблюдатели, корректировавшие огонь тяжелых орудий, имели связь со своими огневыми позициями. По окопам змеились дюжины проводов пехоты и артиллерии. При попадании снаряда сразу же возникала неразбериха в управлении войсками. Поэтому опробовали новые системы и обсудили их с офицерами связи. Провода стали укладывать на деревянные рейки и помечать жестяной биркой. Уже к батальону сходилось столько проводов, что требовался коммутатор. До войны это не было предусмотрено. Зуммер был только у армейских телефонов, для работы с ними были нужны наушники; для связи с вызываемой станцией были необходимы пароли. Командиру 1-го батальона 14-го Баварского пехотного полка в Апремоне пришлось в голову соединить все посты в окопах и резервные части в блиндажах электрическим звонком, доставку которого он организовал из Нюрнберга. Мои подчиненные смонтировали такие и подобные им установки.

Для защиты от осколков снарядов, камней и ударной волны был создан «бронированный кабель», который мы также проложили в окопах. Он был надежнее, чем полевой кабель, но чинить его при попадании было труднее. При постоянном тревожащем огне, под которым находился штаб бригады, часто происходили порывы кабеля; и потому возросла роль тех бойцов, которые занимались поиском места разрыва телеграфной линии. Днем и ночью они выполняли свой тяжелый долг, обеспечивая надежную связь для командования и своих товарищей. Телефонная связь между полевой и тяжелой артиллерией влияла на концентрацию огня. В мирное время об этом не позаботились. В частях тяжелой артиллерии еще с тех пор, когда она располагалась в казематах, использовались только громкоговорители. «Тяжелую артиллерию действующей армии» сделали маневренной, но не придали никакой телефонной связи, с помощью которой она могла связаться с другими родами войск, особенно легкой артиллерией. Теперь на фронте нам приходилось импровизировать. Это были небольшие самостоятельно решаемые технические задачи, благодаря которым я познакомился с каждым командиром, каждым капитаном роты или батареи. Они могли во многом помочь, что-то улучшить, встречали всегда заинтересованно. К тому же я изучил тактику пехоты и артиллерии на практических примерах. Особенно близко я сошелся с капитаном нашей саперной роты Реттером, два лейтенанта в которой, Бухман и Райнер, были моими школьными товарищами. Они показали свое новое оружие – самостоятельно изготовленные ручные гранаты и минометы, искусственные препятствия и штольни.

На пропитанной кровью лесной позиции в Буа-Брюле часто мы лежали лицом вниз на виду у врага, вдыхая ужасный трупный запах и пальцами осязая куски разлагающейся

плоти. Легче было привыкнуть к свисту пуль и пулеметным очередям, к артиллерийскому обстрелу, определяя после очередного выстрела, куда попадет снаряд.

Большая часть Вуэнвиля выгорела, сохранившаяся часть деревни находилась под ежедневным обстрелом французов. Огневые налеты были опасны, так как противник стрелял новыми бризантными снарядами, осколочное действие которых было более тяжелым, чем при огне скорострельных гаубиц. Один такой осколок задел мне руку, когда я поторопился, когда стихла стрельба, починить перебитый дивизионный провод. Противостолбнячный укол был более неприятен, чем само легкое ранение.

Я был самым молодым во взводе. Половина солдат была резервистами, часть из них были толковыми ремесленниками. Они образцово устанавливали связь и обеспечивали прокладку кабеля и без лишних слов выполняли свою работу. То, что во время наших ежедневных обходов окопов из разговоров я понял, как много значат для моих спутников воспоминания о семье, деле, доме и хозяйстве, было вполне понятным. Никогда не забуду, как я, молодой лейтенант, на кладбище в Сен-Мийеле над могилой первого убитого из моего взвода осколком осколочного снаряда ездового Ранфта, отца семейства, смог выдавить из себя лишь несколько незначущих слов.

Капитан Дрекслер находился в тылу за 20 км. С врачом и ветеринаром он посещал нас на протяжении двух недель для осмотра людей и лошадей и выслушивал наши немногочисленные просьбы. Я ощущал вместе с моими храбрыми солдатами заботу о нас штаба. Здесь на передовой не было никаких газет. Полевая почта приносила газеты десятидневной давности. Единственным источником свежих новостей были радиопередачи с Эйфелевой башни, откуда ежедневно передавали военные сводки по аппарату Морзе. Вахмистр моего взвода соорудил из опасной бритвы, карандаша и наушников детекторный приемник и отправлял принятый французский текст капитану фон Берхему, который сообщал нам на основании его последние новости. Соответствующих немецких новостей мы принять не могли. Да и книги были редки. Они означали для и так небольшой посылки, даже офицерской, лишний вес. Оставалось только собраться вечером на тарок (карточная игра), гостями нашими были или принц Альфонс, или командующий 6-го Баварского полка полевой артиллерии принц Фердинанд фон Бурбон, герцог Калабрийский, тесть нашего короля.

Усиливающийся артобстрел со стороны Вуэнвиля вынудил перенести бригадный коммутатор в подвал, который мы делили вместе с беспокойными крысами.

Однажды в мае 1915 г. из Берлина приехал почтовый советник Арендт с двумя жестяными ящиками. В них были катодные трубки размером с кулак, при помощи которых можно было значительно улучшить связь. Вместе со своими саперами я проложил под землей на следующую ночь как можно ближе к французским окопам десять кабелей. В Буа-Брюле они находились на расстоянии 10–15 м от немецких окопов, некоторые подкопы прошли по нейтральной полосе на 5 м в направлении врага. Здесь под землей мы заложили электрические штепсельные вилки с заземляющим контактом, некоторые из них заземлили, подсоединив к проволочному ограждению. Десять подводов заканчивались в одном «держателе». Когда Арендт на следующее утро в землянке командира взвода включил свой опытный аппарат, мы через наши подземные кабели услышали, словно это происходило в соседней комнате, как французский капитан разговаривал с подчиненным лейтенантом и сообщал ему о полученном разрешении провести отпуск в Париже. Целый день мы прослушивали разговоры об увольнении, оборудовании позиции, наблюдениях за противником. Это был потрясающий технический успех, которого ждало тактическое использование. Арендта попросили оставить здесь свой аппарат, чтобы сразу использовать его в целях разведки. Он обещал вскоре поставить точно такой же, запаковал его и отбыл. Прошло полгода, прежде чем я снова смог работать с этим изобретением. Тем временем мы сами пытались вести прослушивание без усилителя. Было довольно странно, что слежавшиеся пласты земли на плодородной сугли-

нистой почве равнины Вёвр не давали никакого результата, в то время как сухая лесная почва в местности Кот, пронизанная многочисленными корнями, давала возможность без электрической связи и усилителя слушать вражеские разговоры.

Летом 1915 г. 9-я Баварская пехотная бригада заняла позиции западнее в Буа-д'Айи. Лес был полностью посечен снарядами, велась минная война. По обеим сторонам фронта копали штольни под вражеские позиции, куда закладывали мины и взрывали. Образовавшуюся воронку тут же занимали. Постоянно прислушиваться к стуку со стороны противника и по возможности предупредить его действия – на это требовались большие нервы. Штаб бригады переехал в дом, занимаемый командиром конных егерей в Сен-Мийеле, их казармы располагались на краю местечка на переднем крае. Мой небольшой коммутатор находился в доме привратника, который делил его с какой-то престарелой дамой и ее внучкой, отдыхавшими здесь летом на даче и застигнутыми войной. В западной части городка жили оставшиеся три тысячи жителей, а рядом с ними квартировали части 6-го и 11-го Баварских пехотных полков и артиллеристы, которые заняли город и форт. В 11-м полку я встретил моих школьных друзей Лоренца, Франка и Баумана. Они повезли меня в Кан-де-Ромен, где Франк и его подразделение пулеметчиков отбили атаку на свои позиции. В кинотеатре Сен-Мийеля показывали старые фильмы с участием Чарли Чаплина. Мы часто засиживались в кафе «Лотарингский двор» или в нашем расположении во время затишья между боями. Телефонное подразделение 12-й Баварской бригады пехоты, которая располагалась по обоим берегам Мааса, обслуживало наш 3-й взвод под командованием лейтенанта Биркхофера. Приходил также лейтенант Ауэ, отвечавший за прокладку голого провода. Мы были довольны, как работает связь нашего штаба, поддерживаются в должном состоянии провода и улучшается связь на переднем крае обороны. Наша скромная техника еще не получила распространения. Миновал год спокойной позиционной войны в сотрудничестве с добрыми друзьями.

Перемены случились зимой 1915/16 г. – была образована группа Арендта, подчиненная лично мне. Она была великолепно оснащена. Кроме известного аппарата и усилителей, мы получили переводчика с французского языка, небольшой трехместный автомобиль «Опель-Малютка» на четырех колесах и шофера. С его помощью мы должны были как можно быстрее передавать последние разведанные в штаб, расположенный в Сен-Бенуа. К сожалению, их было не так много. Французы тем временем осознали как полезность для противника, так и опасность для них подобной «прослушки» и ввели строгие правила для телефонных переговоров. Наши попытки получить какой-нибудь результат в подкопах на глубине 20 м под французскими позициями в Буа-д'Айи или на берегу Мааса не привели к успеху. К скромному результату привела попытка на плацдарме у Шовонкура на другом берегу Мааса. Здесь окопы пролегли на расстоянии 300 м друг от друга. Ночные патрули смогли переместить телефонные кабели ближе к французским окопам. При этом мы обнаружили схожие с нашими проводами кабели противника и размотали их. Зимой 1914/15 г. французы предприняли здесь безуспешную атаку против 6-го Баварского пехотного полка. Трупы перед позициями посыпали известью. Меня охватило странное чувство, когда я, вжимаясь в землю под ослепительными сигнальными ракетами французов, лежал среди побелевших костей павших бойцов, которые всего лишь год назад были плотью и кровью и надеялись так же, как и мы. Наша самая лучшая телефонная линия пролегла вблизи наблюдательного поста на позиции тяжелых орудий французской батареи. У него было задание давать сигнал обстреливать в разное время дня мост через Маас. Мы слышали, как французский артиллерист докладывал о готовности открыть огонь по мосту, и мы могли теперь вовремя предупредить караул на мосту и перекрыть по нему движение. Мы услышали пристрелку батареи, и нам было уже известно, сколько экономно используемых снарядов будет выпущено по мосту. Потом обстрел закончился, и пришло телефонное подтверждение от противника. Движение могло быть восстановлено. Французы, подобно нам, ввели «опасную зону», которая протя-

гивалась на расстояние до 3 км в тыл от переднего края. В ее пределах только в исключительных обстоятельствах можно было пользоваться телефоном. Иногда капитан Дрекслер, который теперь был еще дальше от нас, разрешал мне с моими товарищами съездить на «малютке» в Мец, отдохнуть и развлечься. Шофер понимал, что в свободные часы он должен научить меня водить. Поскольку у меня не было прав, я мог учиться искусству вождения только в отсутствие начальства.

Нас потрясла смерть отечески относившегося к нам полковника Драусника, командира 19-го Баварского пехотного полка, который за день до своей смерти 28 февраля 1916 г. командовал бригадой вместо раненого генерал-майора Егера. Словно предчувствуя свою гибель, он решил сфотографироваться на общем снимке.

Верден – Аргон – Сомма-Ла-Басе, 1916 г.

Мирная жизнь в Сен-Мийеле закончилась в конце февраля 1916 г., когда до нашего слуха донеслись глухие раскаты артиллерийской подготовки, предварявшей наступление на Верден. Две напуганные женщины обратились ко мне с вопросом: «Месье Альберт, что там происходит?» – «Мы наступаем на Верден!» – «Вы никогда его не получите, *мы* выиграем войну!» Потом они громко молились всю ночь за победу Франции. Вера двух истощенных от голода женщин, которые вот уже два года не имели никаких вестей от своих родных, заставляла задуматься и давала повод для сравнения. Была ли у наших соотечественников, которые почти не обращали внимания на войну, подобная вера в нашу победу?

В начале июля 1916 г. мне, в составе передовой команды телефонного батальона 3-го Баварского корпуса, было приказано обеспечить функционирование телефонной связи в 1-м Баварском корпусе под Верденом. Я доложил о себе командиру капитану Берлингу, главному почтовому советнику.

Он сообщил о тяжелых боях за форт Дуомон, где не было никакой возможности поддерживать нормальную телефонную связь под жестоким артиллерийским огнем. Работа связистов в отсутствие технических средств была связана с большими потерями, и полученные сведения были неточными.

Капитан Берлинг вспомнил о гелиографических и ацетилено-кислородных сигнальных приборах, с помощью которых в 1914 г. баварская кавалерийская дивизия была выведена на полевые позиции, и выписал их из Мюнхена. Он выслал вперед два отряда, чтобы они установили сигнальную связь из Дуомона с батальоном. Солдаты, тащившие тяжелый штатив и лампу 25 см в диаметре, были уничтожены огнем противника на передней линии, не успев передать по азбуке Морзе свое первое сообщение. От повторной бесполезной попытки отказались. Берлинг объехал со мной коммутационные пункты в корпусе, дивизии и артиллерийских частях. Везде висели мотки полевого кабеля, который подсоединялся к новым полевым коммутаторам с клапанами. Их называли «шкафы Аммона» по фамилии полковника Аммона. Они имели множество кнопок и различных приспособлений, дававших возможность для перехвата переговоров и параллельного подключения. Старое выражение «На войне много значит даже простой успех» при таких технических средствах было забыто. Насыщенность средствами связи, с одной стороны, и недочеты – с другой, выявили такое же парадоксальное взаимоотношение, как между кишевшими людьми бесчисленными штабами и зияющей пустотой на полях битв.

Мы подошли ко второму или, возможно, уже третьему акту одного из самых кровавых сражений этой войны. Генерал фон Фалькенхайн взял быка за рога – решил атаковать французов на самой неприступной позиции. Решающего успеха собирались добиться, «выкачав кровь» из противника. После четырех месяцев непрерывных атак были взяты укрепленные позиции и форты, однако до основной твердыни – Вердена было еще очень далеко. Первое, что видели прибывавшие солдаты, – это тысячи белых крестов на кладбищах в городках Романь и Азан. Мимо них в сторону фронта в батальонных колоннах маршировали или передвигались на грузовых автомобилях в новых мундирах солдаты, впервые надевшие металлические шлемы и противогазы. Навстречу им возвращались с позиций грязные, предельно уставшие бойцы. Отважный немецкий солдат послушно бросался в атаку против таких же храбрых французских солдат, которые решали здесь судьбу войны.

3-й Баварский корпус не принимал участия в Верденском сражении. Здесь была задействована только 6-я Баварская пехотная дивизия. В ее состав входили два взвода телеграфного батальона – мой 5-й и 3-й под командованием старшего лейтенанта Миттельбергера. Он оставался со своим взводом при штабе дивизии. Мой взвод подчинялся 12-й Баварской

пехотной бригаде, имевшей один коммутационный пункт и связанной телеграфной линией с фортом Дуомон. 50 человек моего взвода и 50 солдат пехоты, выполнявшие обязанности линейных электромонтеров, обслуживали два коммутационных пункта и однопроводную линию связи длиной около 5 км, связывавшую нас через Брюль и Асуль с фортом. Провод чинили сотни раз, и каждый день приходилось все делать заново. Связь была хуже некуда. Линейные электромонтеры, расположенные через каждые 200 м, лежали в воронках, грязные и небритые, на голой земле. Они разогревали мясные консервы на открытом огне, разожженном с помощью пороха, добытого из разбросанных кругом французских картузных зарядов. Во взводе было 14 вьючных животных – лошаков и пони. Ни одно транспортное средство не могло преодолеть зону обстрела перед фортом. В ранние утренние часы постоянный артиллерийский огонь ненадолго стихал. Я проходил мимо и видел следы ночного жертвоприношения – свежие могилы, взорвавшиеся и сгоревшие зарядные ящики, искаленные мертвые кони; санитары выносили раненых. Голая вершина форта напоминала лунный пейзаж. Узкая тропа вела вдоль краев огромной воронки-кратера, образовавшейся от взрыва снаряда самого большого 420-мм калибра того времени. Единственный используемый вход во внутренние, связанные разветвленными коридорами помещения был обращен в сторону противника. Последний с оборудованной в поле огневой позиции каждую минуту делал один выстрел. Необходимо было дождаться в укрытии следующего выстрела, а затем буквально одним прыжком преодолеть расстояние до входа. Внизу из-за плохого освещения царил полумрак, километровые коридоры пролегли между бетонированными помещениями, которые не мог пробить ни один тяжелый снаряд. Тяжелые орудия легко разбивали в мелкое крошево кирпичную кладку в Кан-де-Ромен. В Дуомоне находился в резерве целый пехотный полк. Во всех подразделениях царил напряженный суета. Жуткое впечатление оставляли помещения, выложенные кирпичом, в которых лежали трупы погибших от огнеметов солдат с почерневшими лицами. В течение нескольких дней в форте не было ни одного бойца, а французы так и не заметили этого.

При помощи нашего коммутатора были подключены все абоненты форта, была установлена связь с постами наблюдения, штабами, перевязочными пунктами, комендантами. В тыл был проложен только тонкий провод, полевой телефонной связи с воевавшими впереди форта батальонами Альпийского корпуса, 6-го и 11-го Баварских пехотных полков больше не было. Предполье беспрерывно перепыхивала французская артиллерия. Вестовой, как и во времена отсутствия любой технической связи, оставался единственным связующим звеном с батальоном и ротой. Наша связь с бригадой и дивизией постоянно обрывалась. Нам приходилось вызывать бригаду и дивизию по телефону из штольни «Орфей», когда зачастую можно было говорить с фортом всего в течение нескольких минут. Мы попытались впервые установить здесь на важнейшем участке у Дуомона беспроволочную связь с тылом. В блиндаже заработала переносная радиостанция, антенна которой была выведена в смотровую щель. В дивизию передавали сообщения по аппарату Морзе. Сигнальная группа располагалась в бронированной орудийной башне. Ствол орудия был направлен на лежавший в тылу, на расстоянии 3 км, Шапитре-Вальд. Замок орудия был вынут, луч света проходил через его ствол. Командир крепости должен был выбрать один из трех способов для связи с тылом. Бригада и дивизия должны были решить тот же самый вопрос, только для передачи приказов в направлении переднего края. Отсутствовало обобщающее заключение по этим «средствам связи», несмотря на то что сами телеграфные подразделения ими пользовались.

С наблюдательного пункта свободно просматривались тылы Фруад-Тер, где сражались 11-я Баварская пехотная бригада – 10-й и 13-й Баварские пехотные полки. Можно было видеть в зоне обстрела в направлении на Верден, который мы так и не смогли взять, развалины Флери, далее возвышавшийся слева форт Во, за который велись ожесточенные бои. Мне показали ниже по местности склады боеприпасов форта, которые французы захватили

в контратаке предыдущей ночью. Вероятно, при этом попала в плен рота 11-го Баварского пехотного полка с капитаном Ринекером, братом моего друга, вместе с саперным взводом нашего друга Франка. Потеря товарища из нашего круга ощущалась болезненно. Лоренц и Бауман, после того, как они приняли участие в деле на передовой, теперь находились в резерве поблизости от штольни «Орфей». Они рассказали об ожесточенном бое, о своей атаке, которую не смогла поддержать артиллерия, потому что у наблюдателей на передовой не было связи с огневыми позициями.

Я должен был думать о том, как обеспечить связь в тылу; при этом возникало невообразимое количество проблем. Как установить связь между главным штабом и артиллерийскими частями, которые вели огонь из тысячи орудий, расходуя при этом множество боеприпасов, и в то же время не могли реально помочь пехоте; несмотря на все свои героические усилия, она не могла добиться решающего успеха. Было много организаторской деятельности, но за этим было мало дела. Разногласия стоили крови лучших людей, все еще боеспособных дивизий и полков. Необходимость заменить новым полевым кабелем 5 км сотни раз перебитой линии связи, этой дающей жизнь нашим частям пуповины, встречало со стороны снабженцев упорное нежелание отказаться от экономии: «Если мы так будем транжирить ресурсы, мы проиграем войну».

Для меня было полной неожиданностью, когда на целую неделю я был командирован из-под Вердена в Берлин на «курсы Арендта». На берлинцев война, как казалось, никак не повлияла. Жили и любили, как и в мирное время. Когда мы вместе с двумя товарищами по корпусу явились в комендатуру на Унтер-ден-Линден, нам вручили список «запрещенных для посещения заведений». Он был нам проводником в первый вечер, когда мы начали наше пребывание здесь с чистого листа. Выбор, предоставленный бойцам Вердена, был в одно и то же время и отталкивающим, и отрадным. Мы не углублялись особо в список.

Теорию прослушивания, которая теперь вошла в практику, до Вердена не применяли. Почтовый советник Арендт обещал, что предоставит мне два конечных усилителя для обеспечения связи в Дуомоне, как только продвинется по службе и ему удастся преодолеть бюрократизм. Понятно, что последнее было невыполнимо.

Между тем наша измотанная в боях и понесшая большие потери дивизия была отведена на отдых. Артиллерия и мой взвод остались на позициях. Между батареями проложили бронированный кабель. Затем последние части 3-го Баварского корпуса сменил 5-й корпус. Как-то раз я сидел вечером за стаканом рома, в котором не было недостатка, вместе с лейтенантом, замещавшим меня. Он рассказывал: «Я поляк. Мне несколько не интересна война между немцами и французами. После войны у нас снова будет независимая Польша». Меня потрясли слова этого лейтенанта, который носил прусский мундир.

После Вердена мы разместились на позициях близ высоты Вокуа на возвышенности Аргон. Они были прекрасно оборудованы, телефонная сеть проложена продуманно. Вряд ли можно было что-то улучшить. Телефонная связь работала так же, как и повсюду. Несколько недель спустя дивизия погрузилась в железнодорожные вагоны. В эшелоне мой взвод оказался вместе с пулеметной ротой 11-го Баварского пехотного полка, и я встретил своих друзей Лоренца и Баумана. Мы надеялись после того, как отвоевали свое на Западе в позиционной войне – о которой говорили, что «на Востоке сражаются храбрые, на Западе стоят пожарные», – оказаться на новом театре военных действий. Мы подумывали о Румынии, которая отказала нам в прежней дружбе и даже объявила нам войну. Наше желание не исполнилось. Мы ехали в направлении Соммы, где англичане перешли в мощное наступление³.

³ Наступление на фронте 2-й германской армии генерала фон Белова начали 6-я французская и 4-я английская армии (командующие генералы Файоль и Роулинсон; общее командование – французский генерал Фоне), в дальнейшем в бой были брошены 10-я французская армия генерала Мишле и 5-я английская армия генерала Гафа, а немцы, увеличив свои силы, разделили свою 2-ю армию на 1-ю армию фон Белова и 2-ю армию Гальвица. В последовавшей «мясорубке» на Сомме

При высадке из вагонов я увидел своего друга Лоренца в последний раз. Получив новое назначение, он пропал без вести. Огонь войны пожрал его.

Саперов моего взвода вместе с полевым кабелем и телефонными аппаратами погрузили в товарные вагоны. Лошади и автомобили медленно двинулись следом. Мы должны были оборудовать боевую позицию для 6-й Баварской дивизии и подключить к ней все ближайшие линии связи. Когда Миттельбергер принял нашу работу, 5-й взвод отправился вслед за 12-й Баварской пехотной бригадой к деревне Барстр. Мы еще только подходили, а местные жители, погрузив свой скудный скраб на ручные тележки, быстро уходили. Нам еще не раз приходилось наблюдать эту ужасную картину на Западном и Восточном фронтах и, наконец, у себя на родине.

В нескольких километрах западнее со стороны англичан поднималась черная стена артиллерийского огня, бушевавшего и гремевшего безостановочно. Мы спустились в подвалы деревенских домов и провели там две недели, а наверху все постепенно превращалось в груды камня и щебня. Под непрекращавшимся огнем по площадям наша связь прокладывалась по местности, к которой раньше был подведен для соединения сети с тылом только голый незащищенный провод. Теперь мы были вынуждены мириться с этой почтовой техникой, которую мы прежде презирали. Чтобы поддерживать постоянную связь между дивизией и бригадой, нам приходилось влезать на телеграфные столбы, натягивать и соединять проволоку. Находиться наверху, когда вокруг вблизи гремели взрывы, было не совсем приятно. Перед нами в Ле-Транслуа находился бригадный блиндаж. Мы прибыли как раз тогда, когда генерал-майор Мель с 12-й Баварской бригадой сменил генерал-майора Егера, командира 9-й Баварской пехотной бригады. Оба были награждены баварским Военным орденом Макса Йозефа за личную доблесть. Выдвинувшись впереди бригады, мой взвод поддерживал полевые кабели между пехотной бригадой и артиллерией, которые постоянно перебивали. На местах угрожаемого прорыва английских войск происходила концентрация «ударных дивизий». Участок фронта, занимаемый дивизией, сократился до 2 км. Генерал-майор фон Мель не обращал никакого внимания на положение дел в Ле-Транслуа. Он неожиданно перенес свой штаб на 8 км по фронту вправо в Бапом. Миттельбергер рычал в телефонную трубку, что я должен побудить бригаду расположиться за их участком фронта. Это было хорошо в теории, а требовать генерал-майору у лейтенанта – это было слишком. Расторопный Хубер проложил ночью линию телефонной связи из Ле-Транслуа в Бапом, она проходила параллельно фронту, и ее особенно часто перебивали, но бригада вновь получила связь с дивизией и полками.

На Сомме мне были подчинены шесть групп сигнальщиков. Они попытались заменить поврежденные телефонные линии вспомогательными лампами, которые передавали донесения с помощью световых сигналов (по азбуке Морзе). На равнинной местности лампы разместили за стогами соломы.

Обновленная дивизия, пройдя маршем через Камбре, прибыла на позицию к северу от Ла-Басе, где не велось активных военных действий. По прошествии долгих месяцев 5-я и 6-я Баварские дивизии снова стали соседями, находясь

под командованием штаба 3-го Баварского корпуса. Однако армейский корпус больше не представлял собой единой тактической единицы, вместо него действовали несколько самостоятельных пехотных дивизий, объединявших различные виды войск. Вследствие этого нарушилось единство внутри телефонного подразделения. Хотя и не было явных перемен, мы почувствовали, что в большей степени относимся к дивизии, чем к 5-му корпусу. Мой взвод вновь стал действовать в составе 6-го и 11-го Баварских пехотных полков 12-й пехотной бригады. Наши позиции из-за высокого уровня грунтовых вод были приподняты над землей на высоком кирпичном фундаменте. Я получил приказ готовить светосигнальщиков для пехоты и артиллерии. Мне очень помог в этом деле ефрейтор, который, служа в Юго-

Западной Африке, был сигнальщиком и отвечал за работу гелиографа. Он обучил командиров настолько хорошо, что к концу 1916 г. они уже могли обслуживать средние и малые светосигнальные аппараты, поставленные во взводы, роты и батальоны, на пункты наблюдения и огневые позиции. Миттельбергер уехал, и я получил под свое начало оба телефонных взвода 6-й Баварской пехотной дивизии. Штаб был настроен не столь дружелюбно, как штаб 9-й бригады. В то время как мои подчиненные разбирались с коммутатором дивизии, я отбыл во 2-й эшелон штаба, где меня приветливо встретили как самого младшего по возрасту. В штабе были: комендант майор резерва Крисс, главный врач и одновременно дивизионный врач доктор Хауэншильд, военный судья Эммингер, который, будучи депутатом рейхстага, во время его заседаний отлучался в Берлин, и его замещал капитан резерва Гюртнер из 11-го полка, позднее ставший рейхсминистром юстиции. Это были люди с богатым жизненным опытом, имевшие, кроме службы, множество интересов, и вовсе не солдафоны. Мы были потрясены «мирной резолюцией» рейхстага и сочли ее жестом недопустимой слабости. Но мы отвергали и несправедливые требования пангерманистов, прежде всего к тем территориям, которыми мы не владели.

У меня был только один служебный автомобиль для поездок на фронт к моему взводу в Маркие, но в первую очередь я ехал на коммутационный пункт дивизии. Нам также предстояло испытать в деле светосигнальные приборы воздушного сообщения. Их крепили на стальном шлеме так, чтобы визир располагался на уровне глаз, и затем направляли прибор на аэроплан или аэростат. Одна эскадрилья предоставила в наше распоряжение самолет. Однако угловая скорость была столь велика, что ни самолет, ни наземный пункт наблюдения невозможно было обнаружить при помощи светового сигнала. Я поднялся днем на привязном аэростате на высоту около 500 м. Перед фронтом в лучах солнца были видны тысячи танцующих огоньков. Я повторил подъем ночью. Несмотря на светомаскировку, мерцал близлежащий город Лилль и тысячи огней Армантьера. За линией фронта виднелись светящиеся точки сотен автомобилей и домов. Отдаленные огни, видимо связанные с телефонной линией, отключить было нельзя.

При обходе передовой наш дивизионный командир генерал-майор фон Киршбаум попал под вражеский обстрел. Приподнятые над землей позиции были уязвимы для огня противника. Моя сотня бойцов безукоризненно несла свою службу, как и в Сен-Мийеле, обслуживала коммутатор и исполняла обязанности линейных электромонтеров, прокладывала новые телефонные линии в окопах, работала светосигнальщиками и с аппаратами связи, хотя каждый из них после двух лет войны был сыт ею по горло.

В штабе 6-й армии, 1917 г.

На рубеже 1916 – 1917 гг. без моего участия и совершенно неожиданно в моем служебном положении произошли изменения. Капитан Дрекслер, который думал дальше, чем я, счел для меня необходимым поработать в штабе и научиться армейской деловой переписке. Оказавшись в штабе 6-й армии в Дуэ, я почувствовал себя глубоко несчастным. В штабе работали сотни офицеров. Я доложил о своем прибытии командующему в чине генерал-полковника фон Фалькенхаузену. Рядом стоял утонченный ротмистр-улан; это был барон фон Рихтгофен, боевой летчик, которого легко узнавали в полете по красному аэроплану. На Сомме он обеспечивал для нас чистое небо. У него уж точно, как и у меня, не было необходимости сидеть за письменным столом.

Обязанности штабного офицера для особых поручений, находившегося в распоряжении армейских командиров телефонных подразделений, были столь же многочисленны, сколь и скучны: личные дела унтер-офицеров и рядового состава, горы бумаг от судебных исполнителей и телефонных сообщений, которые мы должны были обработать, сидя в ледяных просторных комнатах роскошной виллы.

Надо было не только уметь читать и писать, но и понимать, что скрывалось за тем или иным словом профессионального жаргона военной администрации. Командующий армейскими телефонными подразделениями, вялый и безжизненный, и адъютант, старательный и эгоцентричный, не делали ничего, чтобы я быстрее вошел в курс дела. Они не нашли для меня простого человеческого слова и давать мне указания по работе считали излишним. Поэтому я старался без их помощи выполнять наилучшим образом свои служебные обязанности. Высшее армейское командование с того самого времени, когда оно было сформировано баварским кронпринцем Рупрехтом, состояло в основном из баварцев. Один вечер в неделю посвящался игре в кегли, многие ровесники прекрасно сдружились друг с другом. Я опять был самым младшим по званию. Наряду с командирами армейских телефонных подразделений, которым подчинялись телефонные переговорные пункты, был представлен и командир армейских частей радиосвязи майор Прюгель. В случае если кто-нибудь из них отсутствовал, другой мог подменить его. На фронте отсутствовала радиосвязь. Ко многим проволочным линиям связи проще было подключить телефон. Армейское подразделение радистов в Рубе обслуживало радиосвязь на наших кораблях и кораблях наших союзников в Атлантике и в Средиземном море. Командование подводного флота в Брюгге имело прямую телеграфную связь. Радисты передавали в штаб перехваченные у противника сведения. Успехи подразделения Арендта оценивались до сих пор столь высоко, что их в армии называли «группы Арендта». Они подчинялись моему другу старшему лейтенанту Биркхоферу. Несмотря на то что получаемые сведения вследствие введения «опасной зоны» были фрагментарны и случайны, они с уверенностью свидетельствовали об одном: границы между британским и французским фронтом менялись, что позволяло судить о намерениях противника.

Когда в 1917 г. на фронте 6-й армии появилась португальская дивизия, подразделение Арендта определило ее местоположение сутки спустя.

Южнее всех расположенный армейский корпус, 12-й Саксонский, принял участие в «маневре Гинденбурга» вместе с дислоцированной на левом фланге 1-й армией. Армия, участвовавшая в битве на Сомме, оставила простреливаемую и сильно разрушенную местность и отошла на укрепленные бетонированные позиции, построенные гражданской строительной фирмой. Всего один раз за три месяца мне удалось уговорить командира телефонных частей армии оторваться от письменного стола и вместе со мной проинспектировать

этот корпус. Его неповоротливость имела лишь одно преимущество: он не смог взобраться на верховую лошадь, и мне можно было также обойтись без полагающейся по штату лошади.

В ожидании весеннего наступления противника командование армии перенесло штаб-квартиру из Дуэ в Турне, Бельгия. Это был небольшой хорошо сохранившийся город с величественным собором. На Пасху 1917 г. началось британское наступление у Арраса. Впервые примененные в бою танки⁴ прорвали фронт и углубились на нашу территорию. 6-я армия, командование которой задолго до этого предсказывало наступление, испытывала нехватку резервов и боеприпасов. Высшее командование отреагировало на это своеобразно. Оно сменило не командующего армией, ответственного за своих подчиненных, а начальника штаба генерал-майора фон Нагеля и начальника оперативного отдела штаба полковника фон Ксиландера. Их места заняли «важные шишки абвера» – генерал-майор фон Лоссберг и его начальник оперативного отдела полковник фон Платен. Я, дежурный офицер, должен был вручить открытую телеграмму об этом фон Ксиландеру. В тот же день после полудня оба новых командира уже прибыли из 1-й армии.

Все изменилось. Лоссберг взял с собой с фронта на Сомме, где он успешно держал оборону, большую часть своего штаба, с которым он сработался. Множество баварцев, занимавших посты при штабе, сразу ушли. Среди них был мой командир в мирное время полковник Неес, командовавший саперными частями 6-й армии. Лоссберг сменил даже командира телефонных частей 6-й армии майора Зонтага, который лег на операцию по удалению аппендицита, в его отсутствие. Рабочий день командования армии начинался рано – в 7 часов утра. Полковник фон Платен докладывал Лоссбергу утренние донесения по корпусу, штаб-офицер авиаторов – о результатах воздушной разведки, и командир подразделений радиосвязи армии – о сводках армии противника. На основе этих донесений проверялось, верны ли были сообщения, поступающие от наших корпусов, обо всех происшествиях – количество пленных и т. и. Дежурный офицер в соседней комнате должен был наблюдать за работой аппаратов Хьюза – вновь появившейся «телеграфии», то есть телетайпной связи с корпусами, которую обслуживали работники Тылового телеграфного управления. Беда, если какой-нибудь корпус сильно запаздывал с донесением!

Солдаты не были обучены обращаться со столь сложной техникой. Около 8 часов после «утреннего разбора» поступала телефонная сводка начальника штаба первому генерал-квартирмейстеру Верховного главнокомандования генералу Людендорфу⁵. В это время из штабов всех армий к нему в Ставку Верховного главнокомандования стекались по почтовой связи донесения. Дежурный офицер вызывал связиста, но не мог сам с помощью коммутатора прослушать сообщение. Лишь время спустя, когда техника связи была отработана, донесение приходило непосредственно возглавлявшему армейскую группировку кронпринцу Рупрехту. Дежурный офицер устанавливал для него связь с генералом фон Кулем.

В течение дня дежурный офицер был обязан сообщать отставшим солдатам о местонахождении их подразделений, сведения о которых он брал из неких тайных списков.

В какой мере злоупотребляли его доверием мошенники, говорить не приходится. Когда около 2 часов утра полковник Платен оканчивал все свои дела, он неизменно давал поручение дежурному офицеру: «Звоните каждый час на наблюдательный пункт армии и запрашивайте об обстановке! Если вас обходят и справа и слева – доложите обо всем мне!» Для того чтобы избежать лишних формальностей по службе, а возможно, также и из-за недоверия, на каждом рубеже обороны корпуса – их насчитывалось от шести до восьми – присутствовал

⁴ Танки впервые были применены в ходе сражения на Сомме 15 сентября у деревни Флёр, затем 25 и 26 сентября (у Геденкура), 13 и 14 ноября.

⁵ Генерал Э. Людендорф (1865 – 1937), будучи непосредственным помощником фельдмаршала П. Гинденбурга (который с августа 1916 г. был начальником Генерального штаба, фактически главнокомандующим), с августа 1916 г. фактически руководил действиями всех вооруженных сил Германии.

на командном пункте полка офицер командования армии, имевший непосредственную телефонную связь со штабом армии. В его обязанности входило докладывать о перемещениях войск, начавшемся артиллерийском обстреле или других необычных действиях. «Дежурными офицерами» были самые молодые офицеры штаба. Мне приходилось дежурить один-два раза в неделю.

27 марта 1917 г. командовавший 3-м Баварским корпусом генерал наградил меня Железным крестом 1-й степени. Капитан Дрекслер представил меня к награде за проявленное моим взводом мужество под Верденом и на Сомме. Офицер командования армии, единственный, кто поздравлял меня, вручил мне коробочку с наградой. Я гордился ей, будучи одним из немногих так высоко отмеченных офицеров штаба.

О том, что идет война, мы вспоминали только тогда, когда вражеские самолеты сбрасывали ночью бомбы на Турне, а в ответ били наши зенитки. Баварского майора на посту командира телефонных частей армии сменил майор Мюллер родом из Пруссии. В мирное время он был офицером транспортного подразделения из гарнизона Кёльна, и это был мой первый, но не последний начальник, уроженец Северной Германии. Мюллер совсем по-другому взялся за дело, нежели его предшественник. Каждый день он был на фронте, лично ознакомился со всеми рубежами обороны. Выявлял самых инициативных военнослужащих, выяснял для себя их взаимоотношения на фронте, их пожелания. За письменным столом его можно было увидеть только вечером после ужина. Из 60 – 80 донесений за моей подписью он отклонял вначале половину, потому что мой стиль или мои предложения ему не нравились. В итоге я был еще больше привязан к моему столу. Вино и симпатичные девушки не могли подавить мое стремление быть на фронте среди солдат. Я просил майора Мюллера о моем переводе в авиачасти или в пехоту, сначала в разговоре, потом подал письменный рапорт. Но заменить меня было некем.

Адъютант командира телефонных частей был привязан к своему месту так же, как и его прежний начальник. Это давало то преимущество, что он сам не ездил по требованию в Ставку Верховного главнокомандования, а посылал меня. Его величество германский кайзер находился в Бад-Кройцнахе, в его окрестностях я увидел загородный дом, в котором работали генерал-фельдмаршал фон Гинденбург и генерал Людендорф. В отеле «Кауценбург» я доложил о своем прибытии начальнику полевого телеграфа генерал-майору Гессе, который ранее был начальником Генерального штаба 9-й победоносной армии генерала Фалькенхайна⁶ в Румынии и награжден там орденом «За заслуги» («Pour le Mérite»)⁷. Меня сердечно приветствовали полковник Шелленбергер, начальник подразделения военного телеграфа, майор Тон, капитан Русвурм, старший лейтенант Бойттель. Я встретил капитана Карла Шмида из баварцев, вернувшегося с Палестинского фронта. Я просил его взять меня с собой в Турцию, но отсутствие «опыта службы в тропиках» и опасность дизентерии не позволили осуществить мое намерение.

В планы командования входило преобразование телеграфных войск в войска связи, которые назывались так с 1917 г. Эта задача основывалась на памятной записке старшего лейтенанта Талера, написанной им на основании полученного боевого опыта. Основной ее целью было передать все средства связи в подчинение командирам войск связи, вместо существовавших прежде командиров телефонных подразделений и подразделений радиосвязи. Одновременно оперативные части связи в армии были усилены, Тыловое телеграфное управление преобразовывалось во 2-й армейский телеграфный батальон, его гражданские

⁶ Генерал Э. Фалькенхайн (1861 – 1922), который с сентября 1914 г. по август 1916 г. являлся начальником Генерального штаба, после стратегических неудач был в августе 1916 г. заменен Гинденбургом и назначен командующим 9-й армией. Позже воевал в Турции, где командовал группой армий «Ф».

⁷ «З а з л у г и» – орден, бывший высшей военной наградой Пруссии до конца Первой мировой войны (с 1740 по 1918 г., с 1810 г. вручался только военным).

служащие переводились на военную службу. Отныне преимущественно местные корпуса получили собственные телефонные подразделения и подразделения радиосвязи, соответственно то же произошло и в дивизии. Весь процесс реформирования должен был занять несколько месяцев и проводиться этап за этапом. Одновременно с этими организационными изменениями происходило изменение структуры дивизии. Дивизии, прежде имевшие в своем составе две пехотные бригады и одну артиллерийскую бригаду, становились трехуровневыми: три полка пехоты под командованием одного пехотного командира, один артиллерийский полк с приданными артиллерийскими частями усиления под командованием офицера-артиллериста. Наряду с этим были сформированы новые дивизии, более маневренные, хотя и уступающие по мощи предыдущим.

Неоднократно первый генерал-квартирмейстер генерал Людендорф в поезде особого назначения появлялся в Турне. Бывшие наготове телефонные кабели и телетайпы сразу же подключались, когда Людендорф прибывал на фронт и передвигался по ходам сообщения в сопровождении штаб-офицеров. Беда, если что-то не ладилось! Командование Генерального штаба придавало расхлябанному течению строевой жизни резкий ритм, который малоподвижные престарелые генералы, зачастую дворянского происхождения, не способны были воспринять.

Не существовало никакого «командного принципа». К сожалению, после неоднократных роковых ошибок на начальном этапе войны созданные большими усилиями в ходе позиционной войны действительно выдающиеся средства телеграфной и телетайпной связи стали причиной того, что командиры на передовых позициях утратили инициативу. Получив возможность сделать срочный звонок в штаб, вместо того чтобы самим проявить ответственность и принять решение, они ждали приказа, как им действовать дальше.

Один раз летом 1917 г. командующего армии в Турне посетил германский кайзер. Я видел, как он ехал по оцепленной улице мимо домов с закрытыми окнами. Поскольку Вильгельм II самоустранился от командования, о нем больше никто не говорил. Те единственные командиры, от которых мы еще ожидали, что они приведут нас к победе, были Гинденбург и Людендорф.

На Восточном фронте, 1917 г.

Мои настойчивые попытки уйти со штабной работы наконец-то удались. Помогло письмо, отправленное в Баварский инженерный корпус в Мюнхене. В октябре меня перевели на Восток в 14-ю Баварскую пехотную дивизию на должность командира сдвоенного телефонного взвода. Я пересек всю Германию, проехал через Берлин и Восточную Пруссию и закончил свое путешествие в Митаве, Курляндия. Здесь заканчивалась железная дорога. Грузовик проехал мимо недавно взятых русских позиций. Вражеские телефонные линии из ржавой железной проволоки были проложены через «бутылочное горлышко». В Риге мост через Западную Двину (Даугаву) был взорван. 14-я Баварская дивизия, которая 1 сентября 1917 г. форсировала под Икскюлем 400-метровой ширины реку, располагалась всего лишь в 15 км северо-восточнее Риги, где протекали реки Большой и Малый Эгель (Лиела-Югла и Маза-Югла). В штабе меня встретили: командир дивизии генерал-лейтенант фон Раушенбергер, кузены начальник штаба майор фон Ярайс и адъютант и тоже майор Ярайс, который перед войной был начальником Кавалерийско-телеграфной школы. Встреча была прохладной. Мой предшественник был отправлен на родину по причине того, что «не участвовал» в коротких маневренных боях в последние недели. Несмотря на это, я начал свою службу в штабе дивизии. Командиры сдвоенных телеграфных взводов были опытные и умелые: лейтенант резерва Лангет в моем возрасте и более старый лейтенант ландвера Нот советовались со мной, чтобы выяснить причины неполадок и ликвидировать досадные сбои в работе.

С целью формирования и усиления дивизионного подразделения телеграфной связи перед наступлением он был пополнен двумя взводами из запаса: эксплуатационным взводом и взводом сигнальщиков. Эксплуатационный взвод состоял из годных для несения гарнизонной службы пехотинцев и артиллеристов, которые вплоть до этого дня не имели никакой подготовки в службе эксплуатации. Они не могли установить нормальную связь, даже используя правильно подготовленный провод. Взвод сигнальщиков состоял из почтовых секретарей общей службы; несмотря на свою специальность, они мало что понимали в знаках аппарата Морзе. Так что наладить необходимую светосигнальную связь не получилось. Мой предшественник из добрых побуждений сразу же их задействовал. Дивизия была отведена на пару дней на отдых в старый немецкий ганзейский город Ригу⁸. У меня появилось дотоле не испытанное чувство, когда прибалтийские немцы, гостеприимно нас принимавшие, приветствовали нас как освободителей. Нас восхищали ренессансные строения времени расцвета Ганзы; огорчало только отсутствие алкоголя, запрещенного русскими⁹, но мы покупали папиросы и конфеты со сладкой начинкой. Облик красиво одетых дам, в высоких красных сапожках из юфти, радовал взгляд. Только вот ночью нас одолевали городские клопы. Телефонная связь от штаба дивизии до полковых штабов поддерживалась с помощью проводов городского трамвая. Нас обучали этому в мирное время в теории, но мы никогда не пробовали осуществить это на практике. Большинство латышского населения было настроено враждебно. Мы посетили кладбище на краю города с недавно появившимися могилами жертв большевизма. Мой младший брат Тео, ему на то время было 8 лет, во время Второй мировой войны обретет здесь место последнего упокоения.

Затем весь сдвоенный взвод погрузили на паром и переправили через Даугаву и затем в железнодорожных вагонах перебазировали восточнее на 50 км. В середине леса инже-

⁸ Рига возникла на месте древнего поселения ливов. В 1200 г. немецкие крестоносцы захватили это поселение ливов и основали здесь крепость – опорный пункт для дальнейшей колонизации. В Средние века Рига входила в Ганзейский союз. В 1710 г. взята русскими войсками, с 1721 г. официально в составе Российской империи.

⁹ С началом Первой мировой войны был введен сухой закон.

нерные части построили погрузочную платформу в длину всего состава. Под ней земля была плотная и сухая. Я оставил под платформой – в довольно беспокойном месте – оба новых необученных взвода с довольствием. В начавшемся спустя несколько дней наступлении на Якобштадт (Екабпилс) участвовать они, понятно, не смогли. Предупредительная мера оправдала себя великолепно. Оба взвода самоотверженно прокладывали провода и обслуживали немногие коммутаторы. Используя линию связи с выдвинутым вперед корпусом, они нарастили ее с началом наступления, и она соединила дивизию с полками. Штаб дивизии в первый день наступления в течение 14 часов занимал прочное положение. Это была замечательная школа тактики. Затем неожиданно пошел дождь и лил двое суток без остановки. Песчаные дороги просто исчезли, не было видно орудийных колес. Саперы вырубали кусты и деревья по обеим сторонам дороги и бросали их в заполненные водой ямы. Лошади ломали в них кости и тонули. Очередные орудия проезжали прямо по ним. Это была первая распутица, которую я пережил. Еще многие ожидали меня впереди.

В конце октября 1917 г. эшелоны 14-й Баварской пехотной дивизии отправились с берегов Даугавы через Польшу в Галицию. После Брусиловского прорыва¹⁰ контрнаступление немецких и австрийских войск в восточной части австрийских коронных земель, Галиции с городом Тарнополь, который русские занимали несколько лет, позволило вернуть этот район¹¹. В окопах восточнее города шла вялая позиционная война, и, соответственно, у связистов было мало работы. Теперь в небольшой деревне вблизи Тарнополя шло систематическое обучение двух взводов. В сельской местности жили русины, в городах – поляки и евреи. Опрятные русины красили каждую неделю свои дома в разный цвет. Пышущие здоровьем девушки носили расшитые блузки, короткие юбки и высокие сапожки. Они пели песни вечером и в воскресные дни. Евреи, которые говорили на понятном нам идиш, были опытными переводчиками с обоих языков.

Главкомандующий генерал-фельдмаршал принц Леопольд Баварский посетил дивизию на ее позициях. Холодный восточный ветер развеивал его седую бороду. Я должен был представить ему в блиндаже телефонистов, светосигнальщиков, рассказать о нашем взаимодействии с авиаторами, показать почтовых голубей. После обеда состоялось прохождение батальона торжественным маршем во главе с командующим армией австрийским генерал-полковником фон Бём-Эрмолли, за ним шли командиры 1-го Королевского прусского корпуса и наш штаб дивизии.

Русская революция привела к прекращению огня на фронте. Русские пригласили нас посетить их окопы. Они рассказывали с чувством глубокого удовлетворения, что их генерал сейчас работает на полевой кухне. Приходило множество немецких военнопленных, которых мы отправляли на родину, не имея ни малейшего понятия об их коммунистических взглядах. В Тарнополе мы видели православные церкви со священниками в праздничных облачениях и коленопреклоненных верующих. Когда возникал подходящий повод, в казино отмечали событие «ершом», состоявшим в равных долях из подогретого красного вина и коньяка.

Один раз штаб дивизии посетил баварский полевой епископ, будущий кардинал Фаульхабер, со своим викарием, будущим епископом Регенсбурга. Приезжали депутаты баварского ландтага, чтобы посмотреть на военные действия. После трех лет войны с наступлением перемирия можно было свободно вздохнуть. Сколько времени могло это продолжаться?

¹⁰ Брусиловский прорыв – знаменитое наступление русского Юго-Западного фронта под командованием генерала А. Брусилова с 22 мая (4 июня) по конец июля (начало августа) 1916 г.

¹¹ Контрнаступление немцев и австрийцев в июле 1917 г. произошло после июньского наступления русских войск, вначале успешного, но потом угасшего под напором антивоенной пропаганды, разлагавшей войска.

В середине декабря 1917 г. сдвоенный телеграфный взвод вместе с дивизией погрузился в вагоны и неделю спустя, проехав через всю Германию, прибыл в Ретель в Шампани. Мы прибыли 24 декабря, насквозь продрогшие, и провели печальный сочельник без открыток-поздравлений от наших родных, без подарков и без рождественской елки, которая во всех прежних встречах Рождества на войне напоминала нам о доме.

Позиционная война на Западе продолжалась. Холодными и сырыми были окопы, отрытые в глинисто-меловой почве, где мы прокладывали телефонные кабели, удлиняли их и чинили. Нашим соседом была 1-я Баварская пехотная дивизия, где служил мой дядя Хаубс, командир подразделений связи. Капитан резерва Люст, командир связистов 14-й Баварской дивизии, прибыл позднее. В 1-й Баварской дивизии уже было подразделение радистов. Фон Хаубс, после сообщения о связи в Шампани, заронил во мне мысль о необходимости радиосвязи и самообразования по учебнику в желтой обложке доктора Фукса «Радиотехника».

Командир подразделения связи дивизии, 1918 г.

В феврале 1918 г. я стал командиром подразделения связи 1-й Баварской дивизии ландвера в городе Дьёзе, Лотарингия. Эта дивизия уже четвертый год занимала здесь надежно оборудованные позиции и не вела активных боевых действий. Штаб дивизии был размещен в городке Шато-Сален. В мирное время здесь был расквартирован гарнизон прусского 138-го пехотного полка и 3-го Баварского полка легкой кавалерии. Городок был чистый и уютный; его жители охотнее говорили на французском языке, чем на немецком. У меня было особое преимущество, так как начальник штаба капитан Глёлке и начальник материально-технической части штаба дивизии капитан Петри служили прежде в Баварском телеграфном батальоне и длительное время, подобно мне, в частях связи. Но они не вмешивались в мои дела. Командиром дивизии был генерал-лейтенант Эдер, бывший грозный комендант крепости Ингольштадт.

Мне подчинялось подразделение телеграфной связи дивизии под командованием лейтенанта Вагнера, позднее лейтенанта Шнайдера, перешедшего в подразделение радиостов лейтенанта Лойбла. В моем распоряжении были также четыре передвижные голубятни и собаки связи. Моей обязанностью было обеспечивать связь между частями и поставку необходимых для этого аппаратов связи. Мой адъютант Альт был лейтенантом, как и я. Связь на широком участке фронта играла важную роль. Мне помогали освоиться в моей должности два из трех офицеров связи полка – Райзингер и Штурм, мои товарищи по училищу в Регенсбурге. Кроме надежной телефонной связи, была подготовлена светосигнальная сеть, для которой Вагнер возвел особой конструкции бетонные бункеры, одновременно предназначенные также для пунктов наблюдения дивизии. Их обзорные щели поворачивались на 360 градусов, что также давало возможность пользоваться светосигнальной связью по всем направлениям. Вход в бункеры был под землей. Друг над другом располагались два этажа укрытия, предназначенные для телефонной и светосигнальной связи. Места вылета почтовых голубей, оборудованные поблизости от командиров рот на передней линии, станции связи, находившиеся недалеко от штаба дивизии, собаки для связи между ротами и батальоном стали здесь привычным делом. Устройство для выбрасывания кабеля и минометные мины были готовы для боевых действий.

Весной 1918 г. на этом фронте, имевшем второстепенное значение, началось оживленное движение, только позже стало известно, что это был отвлекающий маневр. Наряду с другими действующими дивизиями в нашем тылу в Дьёзе расположилась 10-я Баварская пехотная дивизия, в телефонном подразделении которой служил мой брат лейтенант Эдуард. Гинденбург принял в Дьёзе грандиозный парад. Поблизости в Саарбурге (Сарбуре) тренировались первые немецкие танковые части. Были продемонстрированы трофейные английские танки Марк V и неуклюжие немецкие A7 V. На участок фронта дивизии ландвера был подвезен голый провод, который использовали для прокладки линий связи в направлении противника. В дивизию, кроме уже имевшегося подразделения радиосвязи, было добавлено еще одно. Оба действовали согласно подготовленному в Генштабе плану, с целью создать видимость большой загруженности сети и подготовки к наступлению. Позволил ли противник себя обмануть, поверив в серьезность этих приготовлений, сказать трудно. Во всяком случае Великая битва во Франции началась совсем в другом месте. На нашем участке фронта снова наступило затишье, лишь изредка нарушаемое вылазками врага или действиями нашей штурмовой роты, состоявшей из добровольцев полка. Каждая операция готовилась отважным ротным капитаном Шмидтом на учебных макетах на местности. Порядок действий каждого подразделения отрабатывался десятки раз. Почти все неожиданные вылазки заканчивались успешно, и каждый раз брали пленного, чтобы получить сведения о

расположении частей противника. Как-то раз штурмовая рота удерживала вражеский окоп в течение суток. Мы установили с ней телефонную связь с помощью метателя кабеля, посредством которого к роте был переброшен провод через нейтральную полосу. Еще меньше нравились специальные гранаты, в которые, как в капсулу, помещались письменные донесения и выстреливались с помощью гранатомета. Снаряд было трудно обнаружить, и к тому же он был сильно раскален. Лето 1918 г. прошло, можно сказать, в мирных заботах. Приказы и распоряжения поступали по телефонному аппарату и в той опасной зоне, где раньше связь была запрещена. Радисты были настроены на прием, несмотря на то что противник не нападал и линия связи не была перебита. Собаки связи, несмотря на артиллерийский огонь, храбро бегали взад и вперед, почтовые голуби быстро летели к штабу дивизии. Новизна заключалась в приемных радиостанциях, которые прослушивали радиосообщения французских самолетов-корректировщиков. Авиаторы нажимали на ключ неуверенно и неловко, координаты предполагаемых целей, которые они передавали, сразу же наносились на трофейную карту. Чаще всего речь шла об огневых позициях артиллерии, по телефону быстро предупреждали артиллеристов об опасности, так что они могли вовремя подготовиться. Было само собой разумеющимся, что все эти средства связи и ее организация входили в компетенцию командира подразделений связи дивизии. Должно было пройти 17 лет, прежде чем я снова занял тот же пост, а тогда был еще лейтенантом, а в апреле 1918 г. – обер-лейтенантом.

Мне всегда приходилось сначала заниматься практическими делами, а потом изучать теорию. В октябре 1918 г. я был командирован в школу связистов Шпандау-Рулебен на курсы командиров подразделений связи дивизии. Школьная скамья была для меня непривычна, но полезна, особенно что касалось радиосвязи. Лекции о технике связи и радиосвязи показали мне, сколько требовалось сил и средств, чтобы обеспечить фронт современными средствами связи.

Новым изобретением был сложный в устройстве недемпфированный радиоаппарат, который уже поступал на фронт. Мы рассматривали световые телефоны с селеновыми элементами, которые должны были выпускаться серийно. Почтовые голуби несли на себе миниатюрные камеры. Мы слышали о предпринимаемых попытках использовать для передачи сообщений пчел. Мы обзрели мощные антенны и машины радиостанции в Науэне, ее длинные волны в первый раз обошли всю Землю. На главном почтамте в Берлине мы видели поступающие от Запада до Востока телетайпные сообщения, передаваемые с помощью быстродействующих телеграфных устройств Хьюза и Сименса по неизолированным проводам связи. В то время она была проложена через Балканы в Константинополь и до Ближнего Востока и далее до Палестинского фронта. Мы прочитали бегущие строки телетайпа, сообщавшие о взятии Дамаска англичанами.

Берлин был уже не тот, каким я увидел его в 1916 г. Бросались в глаза множество плохо одетых солдат, у которых был совсем не военный вид. Случайно на Унтер-ден-Линден я наблюдал за въездом в город отпущенного на свободу Либкнехта. Впереди редкой толпы были конные полицейские усачи в синем, в островерхих шлемах, за ними шел Либкнехт. Навстречу ему устремилась ревущая толпа. Говорили о «Спартаке», дезертирах, мятежах и революции.

Для меня это осталось незабываемым воспоминанием, когда 10 ноября 1918 г. командир дивизии генерал-лейтенант Эдер надломленным голосом сообщил своему штабу, тем самым и мне, о падении монархии и беспрепятственном бегстве кайзера, об отказе от трона всех союзных монархов, среди них нашего короля Людвига III, которому мы клялись в верности. Глубокое потрясение вызвали условия перемирия, требовавшие безоговорочной капитуляции и оставления Эльзаса и Лотарингии, которых враг не смог захватить в бою, которые мы стойко удерживали на протяжении четырех лет в войне за Родину.

Мы слышали о солдатских советах и революции на Родине. Было ли для нас, природных монархистов, разочарование большим, чем для нас, как солдат? Мы присягали на знамени нашему королю, но мы сражались не за него, а за наше отечество, чьими символами были кайзер и король. Мы сражались больше четырех лет, видели смерть наших лучших товарищей и похоронили их в чужой земле. Что сделала Родина, которую мы защитили, что сделали монархи и их правительства для того, чтобы выиграть войну? Мы чувствовали, что измена была в тылу. Были ли все те резервы, которыми располагал германский рейх, использованы и задействованы? Теперь мы должны были сдать без боя «землю рейха» – Эльзас и Лотарингию. Соблюдая порядок, мы оставляли Дьёз и видели, как наши квартирные хозяйки и девушки вывешивали трехцветные флаги, готовясь к праздничной встрече французских войск. По понтонному мосту мы перешли Рейн у Хагенау (Агно), почти в том самом месте, где в августе 1914 г. начали продвижение на Запад.

После этого, заболев гриппом, я оказался в лазарете в Раштатте; многие из тех, кто уцелел под вражеским огнем, умерли здесь. Еще не совсем здоровый, я вернулся в дивизию в свою часть, стоявшую в Пфорцхайме. Зажиточный хозяин квартиры настойчиво уговаривал меня отправиться в Мюнхен и убить Эйснера¹². В столице молодые офицеры запасных частей и штабов бездействовали из страха «лишиться пенсии», ни один чиновник королевского дома и военного министерства не осмелился выступить в поддержку престарелого короля. Никто не мог принять решение о вызове в город подразделений Баварского корпуса, расквартированного в его окрестностях; все это говорило о том, что было уже поздно противостоять распаду, предательству и мятежу и восстановить порядок.

Наши солдаты хотели домой. В основном это были молодые призывники. Когда мы в одной вюртембергской деревне ждали прибытия транспорта, солдаты, направлявшиеся домой, стали вести себя слишком шумно, мешая ночному отдыху командира дивизии. Он отдал приказ подразделениям связи, недооценив обстановку, отправляться дальше пешим маршем. Впервые возникло взаимонепонимание и недовольство. Солдаты отказались идти маршем несколько недель в зимнее время. Генерал Эдер с тяжелым сердцем был вынужден отменить приказ. Нас демобилизовали в полевой церкви под Мюнхеном, и мы сдали лошадей, оружие и аппараты на сборном пункте.

Война завершилась, все окончилось поражением и катастрофой.

Была пройдена часть жизненного пути. Мнимое благополучие мирного времени с его напряженной учебой, сформировавшей солдата, сменилось кровавыми годами военных лет. Юноша под ответственным руководством своих командиров повзрослел и стал мужчиной. Я знал, что половина моих школьных товарищей погибла, мне все чаще приходилось стоять на краю свежерытой могилы. Несмотря на все жертвенные усилия, отечество стояло на пороге анархии. Где теперь было место солдата? Оставался ли вообще таковой?

¹² Эйснер Курт (1867 – 1919) – глава республиканского правительства, образовавшегося в ноябре 1918 г. в Баварии после свержения монархии. Представитель «независимцев». 21 февраля 1919 г. был убит монархистом графом Арко-Валеем.

Между двумя мировыми войнами 1918-1939 гг.

Нюрнберг, 1919 г.

В начале 1919 г. я стал начальником паспортного отдела 3-го батальона связи в Нюрнберге. Я должен был расписываться на документах демобилизовавшихся призывников. Рядом с моей стояла подпись члена солдатского комитета. Но их отсутствие продолжалось недолго, так как французский гарнизон в Пфальце отсылал людей обратно, и они, с дважды зарегистрированными документами, конечно, хотели оказаться дома. Президиум нашего солдатского комитета маршировал вместе с батальоном, четко держа строй, в направлении штаба, чтобы участвовать в митинге протеста против коммунистов. Нам, младшим офицерам, не подобало уstraняться от этого мероприятия, оставляя солдат без командиров. Боязливый командир батальона упрашивал нас: «Только постарайтесь поладить с солдатами!» Он направил меня в Союз офицеров, сложившийся на общности интересов и сформированный из представителей всех воинских частей Нюрнберга, которых мне не было возможности увидеть. Здесь задавал тон капитан Хайсс из 14-го Баварского пехотного полка, которого я знал как храброго командира батальона по делу у Буа-Брюле. Он был основателем «Флага рейха». Что представляет собой политика, которая опьяняет длительное время все умы? Я пришел на собрание всех партий. В партии «независимцев» (представителем которой был глава республиканского правительства Эйсер) я снял свой галстук и заменил его красным платком. Я разочаровался в борьбе всех против всех, с вечными скандалами и руганью. Затем меня захватила мысль расстаться с моей ненужной профессией. Доктор Забель из Коммерческого училища преподавал бухгалтерию, коммерческий счет и другие подобные предметы. Ответственный работник по кадрам рекомендовал в качестве самых перспективных профессию теолога и дантиста. Обе не вдохновили меня. Старые офицеры нашего рода войск имели разностороннее техническое образование. Три года они были учениками Военно-технической академии в Берлине или Артиллерийского и инженерного училища в Мюнхене. Теперь их дипломы нигде в Германии не имели гражданского признания.

Из Берлина пришел приказ снять погоны. Офицеров теперь узнавали по синей нарукавной нашивке. Везде, где было возможно, мы ходили в гражданской одежде. На военной службе для многих новых призывников не хватало оружия, лошадей, транспортных средств, технических приборов. Мы, офицеры, обедали в ресторане в Гросройте (район Нюрнберга). Вечерами мы, я и капитан Ланг из 6-го Баварского пехотного полка, мой военный товарищ, чаще всего проводили время в небольшом винном погребе или в одной из многих «рыбных кухонь», появившихся в огромном количестве в Нюрнберге. В «кафешках» при сумеречном свете по вечерам распивали вино и кофе. В сравнении с Берлином или Мюнхеном, где царил дух исполненной ненависти гражданской войны, Нюрнберг отличала умеренность. Сознательные рабочие шли на свои предприятия, толпа не играла никакой роли.

Для меня было полной неожиданностью, когда я, пребывая в неопределенности о своем будущем, получил назначение в Берлин на должность «баварского офицера-связиста в Управлении по поставкам приборов связи». Подобного назначения я и представить себе не мог и терялся в догадках. У баварского военного министра в Мюнхене я ничего не разузнал. Здесь, в здании министерства, появились люди, у которых были другие заботы после провозглашения Советской республики. В переднем крыле здания на Людвигштрассе всем заправлял матрос Эгльхофер, в заднем крыле, выходящем на Шёнфельдштрассе, офицеры министерства просиживали за канцелярскими столами положенные им часы. В инспекционном учреждении инженерного корпуса один офицер-сапер в высоком чине сказал мне: «Мы сде-

лали в ноябре то, что теперь нам придется еще раз переделать!» Официальная связь Мюнхена с внешним миром все еще не действовала. Меня забрасывали вопросами о баварском правительстве, которое просто исчезло из Мюнхена, не озаботясь положением его чиновников и офицеров. Генерал-майор Кёберле и майор Лутц поручили мне, вместо поездки в Берлин, отправиться в Северную Баварию и попытаться найти там правительство и убедить его вернуться обратно. На главном вокзале Мюнхена была очень напряженная обстановка. На лестнице перед платформами стоял тяжелый пулемет привокзального патруля. Когда большая толпа народа ринулась вперед, поверх голов была дана очередь по стене над главным входом. Появились тут же агитаторы и заорали: «Выступим против неприкрытого насилия!» Они сами благоразумно оставались под защитой стены, в то время как напуганные пассажиры, прежде всего женщины, хотевшие покинуть город, устремились к кассам. Предъявив свое предписание о поездке в Берлин, я приобрел билет до Нюрнберга, где мой друг Фрич через своих знакомых узнал о том, что правительство находится в Бамберге. Там, в замке я встретил трех штаб-офицеров, приехавших сюда самостоятельно, не известив об этом военное министерство. Затем появился баварский премьер-министр Хофман, учитель и социал-демократ из Пфальца, вместе со своими коллегами министрами. Сам военный министр Шнеппенхорст пожал мне руку своей искалеченной вследствие несчастного случая рукой. На мой вопрос, будет ли и дальше министр работать под руководством Эгльхофера, был получен отрицательный ответ. На следующий вопрос, должны ли офицеры войти в баварский добровольческий корпус фон Эппа, сформированный в Ордруфе, он решительно отказался отвечать. Баварцы наведут порядок без помощи Северной Германии. Следует считать, что служащие министерства находятся в отпуске. Эти сведения, которые я должен был передать мюнхенцам, были просто ни о чем. Обстановка в Мюнхене, незадолго перед моим возвращением, становилась все более неопределенной. Я еще застал работников министерства, которые были вынуждены считаться с угрозой ареста, в своих квартирах. Затем я обеспечил их билетами, приобретя их в нескольких кассах по своему документу, и наконец-то и сам отправился в столицу рейха.

Берлин, 1919 г.

На Ленинерплатц, в конце Курфюрстендамм, я представился капитану Плегеру, в ведении которого были приборы связи. Я стал адъютантом вместо обер-лейтенанта Штамма, который перешел в полицию. В сравнении с армией ее роль была важнее, и восстановилась она быстрее. Плегер был на удивление работоспособным и полным актуальных идей. Он заявил мне, что, занимаясь поставкой приборов, я должен принимать во внимание интересы баварской телефонной индустрии. Но из этого ничего не вышло, потому что на смену ей пришло нечто новое. Перед войной и после появилось множество приборов связи. В казармах Шёнеберга на меня свалилось много скучной канцелярской работы. На обед в столовой подавали невкусное блюдо – капустные листья в теплой воде. Вечером за Плегером заходила молодая жена, и каждый раз он был занят. Он просил меня пойти с ней в кондитерскую и подождать его, пока он не придет. Плегер был служащим в международном экспедиционном корпусе во время «боксерского восстания»¹³ в Китае в 1900 г. на строительстве телеграфной линии Тяньцзинь – Пекин. Воспоминание о высказывании английского адмирала Сеймура – «Немцы – на фронт!»¹⁴ – было частью его рассказов в его китайской комнате, наполненной шелковой вышивкой, бронзовыми божками и вырезанными из бумаги светильниками.

Из моей мебелированной комнаты на втором заднем дворе открывался печальный вид на кусочек неба. Дома назывались «садовыми»; они стояли там, где раньше был сад. Ночью лестничная клетка и кухня кишели черными тараканами.

Казначей высылал из Нюрнберга мое содержание очень нерегулярно, и в конце недели, обедая в «народной кухне», куда приходили люди неимущие, я мог позволить себе только шпинат и капусту. Важнее для меня было выкроить денег на театр, который я посещал почти ежедневно. Любимыми авторами были Ведекинд, Зудерман, Ибсен, Стриндберг и другие драматурги-реалисты. Посещал Оперный и Государственный драматический театр, слушал оперетту с Фритци Массари, смотрел комедийные пьесы с Паленбергом и «Тетка Чарлея» с Гуидо Тилыпером. Наконец, я старался расширить свои знания с помощью «культурно-просветительских фильмов», в которых сам доктор Магнус Хиршфельд выступал за отмену 175-го и 218-го параграфов уголовного закона. Они были так же малоинтересны, как и яркие ревью, в которых под страусиными перьями и блестящей мишурой просвечивало обнаженное тело. Я видел, как боксировал чемпион Германии в тяжелом весе Отто Флинт. За спринтерской гонкой наблюдать было интереснее, когда случались массовые «завалы», и потом их разбирали, приводя в порядок спицы и кости. Гонка за лидером за мощным мотоциклом круг за кругом была успокаивающей. Лошадиные скачки, прежде привилегия кавалеристов, потеряла спортивный интерес; все вращалось теперь вокруг сделанных ставок.

На каждом углу продавали американские сигареты, шоколад и подобные им товары, которые привозили через «дыру на Западе», то есть беспрошленно. Нескончаемая череда процессов спекулянтов, в которых были замешаны чиновники, в основном восточные иммигранты, не могли убедить всех в том, что новые времена будут лучше старых. Вечером я пошел на лекции в Высшее коммерческое училище, обучение в котором, несмотря на угрозы доктора Забея, я так и не смог продолжить. Я брал уроки печатания на машинке и

¹³ «Боксерское восстание» – ихэтуаньское восстание в Северном Китае в 1899 – 1901 гг., начатое тайным обществом Ихэцзоань («Кулак во имя справедливости и согласия»). Подавлено войсковыми контингентами Германии, Японии, Великобритании, США, Франции, России, Италии и Австро-Венгрии.

¹⁴ Вице-адмирал Сеймур во главе отряда союзников (2300 человек) в июне 1900 г. пытался пробиться к Пекину, где европейцы, американцы и японцы отбивались от полчищ китайцев в здании британской миссии. Сеймуру, несмотря на героизм его людей, в частности немцев, пробиться не удалось. Пекин был взят 14 августа 1900 г. международными силами (40 тыс.).

занимался каллиграфией, хотя и без явного успеха. Попытка заняться политикой также ни к чему не привела. Мне мало импонировало общение с руководителем-коммунистом, который все еще носил мундир Генерального штаба, как и компанией благородных дам из Общества Луизы. Будучи участником добровольческой части при гвардейском кавалерийском корпусе, я хранил в шкафу винтовку 98¹⁵ с патронами. Каждую ночь со стороны районов Берлина Моабит и Веддинг доносилась стрельба. Местность вокруг Королевских конюшен из-за боев накануне Нового года была сильно разрушена.

Мне довелось наблюдать, как через Бранденбургские ворота проходил со своим небольшим отрядом колониальных войск отважный защитник Немецкой Восточной Африки генерал фон Леттов-Форбек. Только немногие среди зрителей отдавали должное их славным победам. Повседневная суета и торгашеский дух мешали признать их человеческое величие. В 1917 г. должны были доставить на дирижабле медикаменты, боеприпасы и другие необходимые вещи бойцам в Восточной Африке. Дирижабль, пролетая над Египтом, получил по радиосвязи непроверенное сообщение об их капитуляции и был преждевременно отозван назад. Это было наглядным примером принятого спонтанно ошибочного решения при отлично функционирующей связи. Дирижабль без остановки пролетел свыше 7000 км.

Учредительное собрание в Веймаре попросило солдат-ветеранов выделить охрану. Министр обороны Носке привел сплоченный боеспособный полк. Повсюду формировались добровольческие корпуса, чтобы вновь восстановить потерянный порядок. Фронтовики не хотели мириться с тем, что объединение «Спартак», ведомое коммунистами-инструкторами из России, захватило власть в столице страны. Задолго до того, как разразилась революция, в городе уже находились на нелегальном положении тысячи дезертиров. В Прибалтике против нашествия большевизма сражалась «Железная дивизия». Мы поддерживали необходимым оборудованием множество объединений, даже добровольческий корпус генерала Авалова-Бермондта, чьи офицеры в русской белой форме кирасиров напоминали опереточных персонажей. Находясь вдали от Мюнхена, я услышал о его освобождении от советской власти после тяжелых кровопролитных боев¹⁶.

Участвовали добровольцы из всех немецких областей. Правительство смотрело на их самопожертвование как само собой разумеющееся, об этом много не говорили.

Несмотря на горькую прелюдию – неслыханно жесткие условия перемирия и презрительный жест маршала Фоша, сделанный им в сторону немецких парламентаров в Компьеньском лесу, условия навязанного мирного договора были подобны взрыву бомбы. Где затерялись 14 пунктов американского президента Вильсона, закладывавших основу для установления мирных взаимоотношений между народами? Где осталось «право на самоопределение наций» при размежевании пограничных областей Германии, Австрии, Венгрии и Болгарии? Всеобщая воинская повинность была запрещена; Германии разрешалось иметь наемную армию в 100 тысяч военнослужащих с 12-годовалым сроком службы. Вместо 25 армейских корпусов формировались 7 пехотных и 3 кавалерийские дивизии. Запутанные формулировки по отдельным пунктам соглашения запрещали иметь все эффективные рода войск: тяжелую артиллерию, бронетанковые части, подводный флот, авиацию и противовоздушную оборону. Организация войск была прописана до последней запятой. На одном собрании, посвященном покорному принятию неслыханного диктата, я слышал страстные слова протеста депутата рейхстага Штреземана. На Унтер-ден-Линден я видел у подножия памятника Фридриху II Великому пепел сожженных французских знамен. Студенты захватили их в цейхгаузе, чтобы помешать их передаче. Среди тех, кому должны были вынести

¹⁵ Имеется в виду 7,92-мм винтовка Маузера образца 1898 г.

¹⁶ Так называемая Баварская Советская Республика существовала с 13 апреля по 1 мая 1919 г. До 5 мая шли уличные бои в Мюнхене, после чего 6,5 тыс. человек брошено в тюрьмы, многие руководящие деятели республики, такие как лидер местных коммунистов Е. Левине и множество рядовых участников, расстреляны.

обвинительный приговор в «военных преступлениях», был также генерал-лейтенант фон Егер, который в 1914 г. сжег якобы населенный пункт Ремервилль. Я предложил себя в качестве свидетеля, чтобы доказать его непричастность к этому делу, так как я находился при нем весь тот день. До рассмотрения дела не дошло. Но престарелый генерал, которого я часто встречал в Мюнхене, трогательно меня благодарил.

Плегер постарался спасти от передачи ценный прибор связи, прежде чем его окончательно опечатают. Согласно договору склад с аппаратами связи передавался гражданскому «Консорциуму и.». Военный персонал становился простыми служащими. За содержание штата и наем помещения было заплачено около 2 миллионов. Когда спустя несколько недель мы посетили эту контору в Тирпарке, она буквально кишела какими-то темными личностями, которые поставляли наш ценный прибор в Чехию, Польшу и Южную Америку и Восточную Азию. Я был сыт по горло этой коррупционной деятельностью, разочарован таким исходом начатого с добрыми намерениями дела и не захотел сменить мундир на такую должность. Также не могла меня привлечь перспектива давать моим товарищам спекулянтам советы в качестве банковского служащего в обмен на их ценные бумаги.

Летом 1919 г. в Груневальде состоялись спортивные армейские соревнования. Ежедневно я посещал их как зритель. Здесь еще господствовала атмосфера добровольного подчинения в противовес всеобщему духу неповиновения. В соревнованиях участвовали выдающиеся спортсмены, которые продолжали носить мундир, такие как немецкий десятиборец старший лейтенант фон Хальт, служивший прежде в баварском полку лейб-гвардии. В первый раз я видел тогдашнего победителя марша с полной выкладкой капитана Дитля. Было понятно, что дружественные соревнования быстро сплотили участников и зрителей.

Нюрнберг-Фюрт, 1919-1920 гг.

1 октября 1919 г. я прибыл в Фюрт в чине командующего ротой связи 24-й бригады рейхсвера, чей штаб располагался в Нюрнберге. Она относилась к так называемой «армии переходного типа» в 100 тысяч солдат. Подразделение было размещено в небольшой новой казарме, которая была выстроена специально для 3-го баварского батальона обоза инженерных войск. Среди солдат были и те, которые хотели остаться при своих прежних профессиях, и те, кто еще не нашел ничего лучшего. Солдатские советы исчезли. В нашем распоряжении имелись лошади, ручное огнестрельное оружие и квартиры. Занимающий постоянную должность в качестве начальника роты сидел в министерстве в Берлине и был лично неизвестен. Командиры менялись каждые две недели: Дрекслер, Шлее, барон фон Хартлиб, барон фон Ов-Вахендорф, Оберхойсер. Командирами роты были постоянно мой друг Фритч и я. Фритч возглавлял в роте радиоподразделение, я – телефонное. И при этом не было и речи ни о рациях, ни о телефонных аппаратах. Поскольку и то и другое отсутствовало. Я знал об ужасном состоянии складов, которые были просто разворованы. Хельферрих ополчился на главного хранителя оборудования, когда я написал рапорт о хищении аппаратов связи. Он спровоцировал лавину.

Я был вызван к майору Шуберту при группе командования рейхсвера в Мюнхене, затем к капитану Фогту, адъютанту инспектора войск связи в Берлине, и повсюду начальство просило меня держать рот на замке. Мы продолжали играть роль солдат связи, не имея никаких средств связи. Необходимо было снова формировать роты, представлявшие собой закрытые дисциплинированные сообщества. Мы были в этом предоставлены сами себе. Сначала каждая рота организовала первенство по футболу, ведущими игроками были командиры рот. Поэтому игры были слишком официальными. Фрич и я передали функции капитанов более подходящим для этого игрокам. Затем мы приступили к занятиям легкой атлетикой. Тренером был ефрейтор, который занимался в клубе тяжелой атлетикой. Он проводил соревнования по плану, проявляя грамотный подход к делу, так что шансы участников на победу были невелики. Мы отказались от бега на стометровую дистанцию и марша с полной выкладкой, которые больше подходили для тренировок пехоты, и сосредоточились на непривычных спортивных соревнованиях. Мы стали лучшей в бригаде командой в перетягивании каната и беге патрульных подразделений на 3000 м. Продолжились занятия, начатые еще в Баварии, по бросанию гранаты в цель. Бег на 3000 м с тремя сопровождающими проводил я сам. Мы занимались бегом по пересеченной лесной местности сначала в спортивных костюмах, затем в форме, в походном снаряжении пехотинца. На армейском чемпионате в 1920 г., и тоже на стадионе, в Груневальде, нас было четверо. В перетягивании каната мы уступили крепким баварским парням. В бросании гранаты и беге на 3000 м мы смогли занять призовые места. Обещание привести к победе трех человек команды стало тяжелым бременем для командира патрульных подразделений, который под приветственные крики своих товарищей все же прошел третьим круг почета.

В Фюрте мы искали для нашего духового оркестра коней белого цвета, на которых не было спроса, и нашли целых четырнадцать. Музыканты получили приказ громко протрубить. Когда нюрнбергские мальчишки закричали «А вот и четырнадцатая!» и наш музыкальный взвод превратился, как и было прежде, в капеллу пехотного полка, мы были довольны. Мы проводили полевые учения, выезжая в направлении Херсбрукка и Эрлангена, устраивали стрельбы и квартировали, и хозяйские дочери танцевали с нами.

Весной 1920 г. налаженная созидательная работа была прервана Капповским путчем. Незадолго до этого Нюрнберг посетил генерал фон Леттов-Форбек, командир прусской бригады рейхсвера. Он говорил о помощи Немецкой Восточной Африке. В его честь войска

были выстроены для парада, нелюбимые синие нашивки были сняты и заменены прежними офицерскими знаками отличия и погонами. Сейчас генералы Лютвиц и фон Леттов-Форбек встали на сторону Каппа, роль которого и его друзей в событиях так и осталась до конца невыясненной. Генерал фон Мель вывел баварскую бригаду рейхсвера из-под удара, однако забастовка генералов вспыхнула и здесь. Мы взяли под контроль почтовые телеграфные линии в Нюрнберге и окрестностях, чтобы ненадежные элементы не могли использовать их для связи с какими-либо учреждениями. У меня был подготовлен для этого головной убор и удостоверение главного смотрителя почты. В красном Фюрте нас забрасывали камнями и пивными бутылками с криком: «Собака Носке!» Майор Шлее заявился из Нюрнберга в гражданской меховой куртке, под которой он носил два турецких ордена и на портупее два больших пистолета. Во время войны он командовал большой радиостанцией «Османие» под Константинополем. Мы выдвинулись, чтобы взять казармы под защиту, в которой не было необходимости. Нюрнберг послал бронепоезд, за связь в котором отвечал я. У него были открытые наполовину грузовые вагоны, защищенные бетонными блоками, с бронированным локомотивом в центре состава. Впереди был прицеплен пустой вагон – в случае минирования пути взорвался бы он один. Вооружение бронепоезда состояло из 88-мм зенитной пушки, которую имели на вооружении подлодки, из минометов, тяжелых и легких пулеметов. Был выделен один пехотный взвод в качестве маневренной штурмовой группы. Мы поддерживали телефонную связь с командирами всех вагонов, для связи с гарнизоном у нас была радиостанция, с частями вне поезда – светосигнальные аппараты, с Нюрнбергом – почтовые голуби. В первом испытании бронепоезда, совершившего рейс в Бургленгенфельд, Ваккерсдорф в округе Швандорф-ин-Байерн и Зульцбах-Розенберг в округе Амберг, я принимал участие еще осенью 1919 г., когда наши орудия во взаимодействии с пехотой и артиллерией должны были показать противнику нашу силу. Тогда операция против коммунистов закончилась без стрельбы. Теперь бронепоезд получил приказ отправиться в Саксонию. Хоф был первой нашей остановкой в пути, там мы стояли целую неделю и читали ежедневно в газетах об «акциях» коммунистического главаря Макса Хёльца в Плауэне и Фалькенштайне, о том, как он шантажировал и поджигал имения зажиточных текстильных фабрикантов. Мы должны были дожидаться подхода пехоты и выступить с ними вместе, стараясь не попасть в засаду. При освобождении Мюнхена такой же, но только открытый сверху бронепоезд был закидан с моста гранатами, и команда понесла большие потери. Затем мы стояли в бездействии у вокзала в Плауэне, ночью двигались через Рудные горы, чтобы задержать Хёльца в Айбенштокке. Передвигаясь не по железной дороге, он был маневреннее нас и, перейдя чехословацкую границу, направился в Россию. В Фалькенштайне мы стояли три недели на вокзале и спрашивали себя, зачем мы здесь находимся – может, для того, чтобы зажиточные горожане, которые позволяли делать с собой что угодно, не понесли материального убытка? В Баварии с целью дать отпор всякому сброду крестьяне и городские жители объединились в союзы, которые обеспечивали населению безопасность и сохранность имущества. В 1919 – 1920 гг. повсюду в Германии вспыхивали восстания. Солдаты, защищавшие прежде страну от внешнего врага, должны были теперь – неблагодарное занятие – исполнять полицейские функции в гражданской войне против собственного народа.

В конце лета 1920 г. генерал фон Мель посетил расквартированные в Нюрнберге и Фюрте части, которые должны были влиться в наемную армию. Я вошел в комиссию, занимающуюся отбором офицеров для баварской полиции. Многие мои доблестные товарищи хотели в ней служить, потому что согласно Версальскому договору не могли остаться в рейхсвере из-за ограниченного в него набора.

Мюнхен, 1920-1922 гг.

1 октября 1920 г. 7-й (Баварский) батальон связи расположился в наших старых казармах на Лазаретштрассе, 7 в Мюнхене. В штабе состояли майор Шуберт, командир; майор Прюгель, капитан Руст и адъютант старший лейтенант Рейн. 1-й ротой связи со взводом почтовых голубей командовал мой дядя капитан Хаубс, 2-й ротой со взводом радио-разведки – капитан Петри. Фритч и я были старшими офицерами роты, но на более низкой должности, чем в прошлый год. В роту пришло большое пополнение, среди молодых офицеров – Клейншрот, Хальдер, Мюсбах, Винтер, к ним вскоре присоединились Зеемюллер, Эттнер, Зеллинг, Кнабль, Маултч и Фукс. Началась будничная служба мирного времени. Весь наш богатый боевой опыт, который мы получили в своей специальности, быстро заставили забыть. На офицерских занятиях мы изучали тактику по учебнику 1900 г., который нам представил майор Прюгель, и при этом нас учили, что из тяжелой полевой гаубицы стреляют с платформы. Ему не пришлось пережить того, что выпало на нашу долю. Шуберт проявил большой интерес к моим спортивным занятиям, так как сам когда-то занимался спортивной гимнастикой. При каждом подходящем случае он делал стойку на руках, и казалось, что он только тем и занимается, что тренируется на брусках во дворе казармы. Я легко выполнял спортивные нормативы. По воскресеньям я тренировался с вахмистром Хубером или совершал пробежки.

Гораздо больший интерес, чем надоевшие занятия, вызывали наши тайные поездки. Мы прятали оружие, которое еще не было учтено контрольными комиссиями союзных держав. По ночам мы, молодые офицеры, одевшись похуже, загружали грузовики винтовками и пулеметами и вывозили их в сельские сараи или монастыри, тогда обычно их закрытые ворота широко раскрывались перед нами.

Организатором тайных складов оружия был капитан Рём. Иногда в казарме появлялись французские или итальянские офицеры, совали свой нос в списки личного состава и спрашивали об имеющемся оружии и почтовых голубях. Последние были на моем попечении. Чтобы наиболее полно выполнить все предписания Версальского мирного договора, все гарнизоны получили предписания о том, какие голубятни разрешалось держать. Больше всего голубей, оставшихся от прежних времен, было в крепости Ингольштадт. Они должны были вылетать с сообщениями в строго определенном порядке, связывая воедино все гарнизоны. Я хотел сам составлять планы и контролировать их обучение. Почтовая голубиная сеть должна была заменить телефонную сеть в случае саботажа. Моя должность имела то преимущество, что я располагал сведениями обо всех баварских гарнизонах, хотя имел смутные представления об их расходах. Голубями нужно было обмениваться каждые два дня, и лететь они должны были строго в одном направлении – только в свою голубятню. Мои солдаты были опытными голубятниками, старавшимися добиться наилучших результатов. Еще больший объем работы выполняли две переносные голубятни, которые должны были менять свое место каждые пять дней. Оставаясь надолго на одном месте, голуби привыкали к окружению и летели именно туда, а не возвращались в родную голубятню. Несмотря на все усилия, лошади могли перевезти подвижные голубятни только на 5 км.

У нас был один общий гарнизонный дом офицеров для всех воинских подразделений Мюнхена, он располагался в бывшем клубе 1-го Баварского пехотного полка на Винцерштрассе. В казармах лейб-гвардейского полка на Тюркенштрассе находилась полиция земли Бавария, с которой мы были в дружеских отношениях. Это особенно проявлялось во время осенних и весенних сезонов охоты. Участвовали в ней армейские кавалеристы, служащие полиции и гражданские лица в красных сюртуках. Руководителем охоты был принц Альфонс, который смело вверил себя полицейской лошади.

Во время проведения в Мюнхене традиционных праздников рядом с кронпринцем генерал-фельдмаршалом Рупрехтом Баварским был генерал Людендорф. Генерал посетил на Рождество 1920 г. связистов в погребке Лёвенбройкеллер, он говорил о больших достижениях войск связи и неоценимой помощи с их стороны для командования в мировой войне.

Укрепление экономики и стабилизация внутривойсковой обстановки вновь пробудили память о павших на войне. Были возведены памятники, которые были отражением искусства того времени и имевшихся в распоряжении скульпторов средств их исполнения. Торжество их открытия объединило выживших. На поле битвы 1806 г. под Йеной¹⁷ – будущим центром оптико-механического производства – «Памятник светосигнальщикам» напоминал о погибших солдатах этого рода войск.

На Казернхоф возле наших мюнхенских казарм в 1922 г. был возведен памятник из бетона в честь погибших солдат баварских частей связи. Ненависть ограниченного победителя и ослепление соотечественников привели к тому, что памятник в 1946 г. был взорван и осквернена память о наших мертвых. Достоинству столицы Баварии соответствует памятник, поставленный перед Музеем армии, в виде мощной каменной глыбы, под которой покоится мертвый боец. Автором его был немецкий скульптор Блеекер. Длительные обсуждения проекта единого немецкого монумента, посвященного павшим воинам, привели к различным предложениям и бесконечным спорам. На удивление простым решением стал в итоге небольшой храм памяти недалеко от цейхгауза, в прошлом замковая караульня в Берлине. Через отверстие в крыше внутрь льется солнечный свет, проникает сияние звезд, снег и дождь падают на Могилу Неизвестного Солдата.

Траурные мероприятия по случаю смерти короля и королевы, возвратившихся в свою резиденцию в 1921 г., были устроены со средневековой пышностью. Мне было поручено особое задание. Начало и окончание колокольного звона на отдельных колокольнях, время вступления многочисленных музыкальных капелл, певцов и хоров, само передвижение траурного шествия – все это мне предстояло регулировать.

Я должен был установить на церковных башнях, пропилеях и других наблюдательных пунктах телефонные подключения и светосигнальные устройства, работавшие по сложной схеме, которые координировали разрозненные действия и объединяли их в одно целое. Подходящие для этого радиоаппараты еще не были изобретены.

В программу одногодичной подготовки связистов входил марш-бросок на 250 км, с выходом в район учений дивизии на тренировочном полигоне Графенвёр. Отношение к нам со стороны хозяев, у которых мы останавливались на постой, было различным. Рабочие кирпичной фабрики в Эргольдсбахе, которые были последовательными социал-демократами, охотно вспоминали время своей службы. Нас плохо принимали зажиточные крестьяне в окрестностях Регенсбурга, у них не было для нас ни одного доброго слова. При въезде в города и большие деревни играл наш духовой оркестр, впереди шла лошадь с литаврами. В дни отдыха наши музыканты устраивали концерты. В Графенвёре часто бывал министр рейхсвера доктор Геслер, на посту бургомистра Регенсбурга и Нюрнберга он проявил себя как государственный служащий большого ума. Всегда изысканно одевавшийся, в котелке и с визиткой, он не искал встреч с нами, молодыми офицерами. Мы охотно предоставили ему право представлять наши интересы в рейхстаге.

Во время отпуска в 1921 г. я имел счастье познакомиться с будущей супругой, уроженкой Бремена. Не говоря уже о ее доброте и красоте, она обладала всеми качествами, которыми отличается человек, достойный любви.

¹⁷ Имеется в виду Йена-Ауэрштедтское сражение 14 октября 1806 г. между прусско-саксонскими войсками и армией Наполеона.

После наступления Нового, 1922 г. я отправился обучаться ходьбе на лыжах в Оберштауфен в Альгойских Альпах. Курс вел лейтенант Винтер, который, в свою очередь, обучался этому в Кемптене в батальоне горных стрелков. Это были счастливые недели, посвященные только спорту; со мной были десятка три солдат, бывших, как и я, новичками в ходьбе на лыжах. Вдали от казарменной дисциплины и железной дороги, по которой шло наше снабжение, на чистом воздухе и в легкий морозец мы тренировались на учебных горках, выходили в ближние и дальние маршруты по девственным снегам, сиявшим на солнце. Три недели закончились многодневной экскурсией в Рицлерн и незабываемым спуском с горы Высокий Ифен.

Кассель, 1922-1923 гг.

1 февраля 1922 г. меня перевели в Кассель. Прежде министерство рейхсвера направило запрос земельному коменданту о возможности перевода меня, простого старшего лейтенанта, в Гессен. Старший офицер подразделения связи во

2-м Генеральном командовании подполковник фон Майер, чьим адъютантом я становился, приветствовал меня вопросом, женат ли я или только собираюсь это сделать. Он произнес: «Женатые – только наполовину солдаты». Я был другого мнения. В нашем штабе были также полковник Морневег, который отвечал за работу стационарной радиостанции в деревне Нидерцверен (ныне в черте Касселя), и старший инспектор Вайраух, специалист по приборам связи. Мне, как связисту, и делать было особенно нечего. Поэтому кадровик передал мне горы личных дел. Тщательно поработав с ними, я должен был высказать свои предложения, кого из действующих офицеров и офицеров запаса следовало повысить в чине или наградить Железным крестом.

В Касселе кроме нашего штаба располагался также штаб 3-й кавалерийской дивизии и 16-й конный полк. Командир дивизии генерал-лейтенант фон Эшборн был настолько страстным наездником, что для всех заинтересованных офицеров Генерального командования и своего штаба ежедневно проводил занятия в офицерской конной школе. Впереди гарцевал его начальник штаба полковник фон Рундштедт, затем начальник оперативного отдела и начальник отдела материально-технического снабжения штаба, и последним был я, как самый младший. Для коней полагались переносные ясли, а нам – по большому стакану коньяка. Рундштедт поджидал меня перед препятствием, подогнув шенкеля, командовал и поправлял. Затем выпивал за наше здоровье. Прошло несколько дней, прежде чем он снова был с нами. Его привезли на деревенской подводе, его нога была в гипсе. Он расположился рядом с беговой дорожкой, лошади были распряжены. Обучение конной езде продолжилось. Осенние охоты, которые устраивал фон Эшборн в горной местности в окрестностях Касселя и в долине Фульды, были подлинной отрадой. Даже подполковник Майер принимал участие в конной охоте, прочих престарелых офицеров Генерального командования редко можно было увидеть верхом. Затем снова наступало краткое время работы, прерываемой в плохую погоду продолжительными беседами. Я изучал недавно вышедшую книгу «Сражение на Марне, 1914 год», автором которой был генерал фон Куль, и «Воспоминания о войне» Людендорфа и не нашел в обеих ничего о проблеме военной связи. Меня потрясли книги Эрнста Юнгера «В стальных грозах» и «Борьба как внутреннее переживание», которые возвышались до поэтики в описании душевного состояния храбрых молодых офицеров.

Фон Майер был одним из опытнейших и успешных практиков нашего рода войск. В свою бытность командиром армейских частей связи в 4-й армии он был награжден Гогенцоллернами орденом Саксен-Эрнестинского дома. Он рассказывал мне о зарождении телеграфных подразделений. Перед началом войны он был адъютантом генерального инспектора королевских прусских войск связи. Напрасны были его попытки разузнать в условиях развертывания и сосредоточения войск тактические соображения Генерального штаба и побудить его учитывать при постановке оперативных целей вопросы обучения связистов и снабжение их приборами связи. Его потряс отказ наладить систему связи в сражении на Марне в 1914 г.

Теперь приходилось все начинать сначала с имевшимися в нашем распоряжении ограниченными средствами и малыми силами. Фон Майер подготовил командно-штабное учение, в котором должны были принять участие 5-й (Вюртембергский) и 7-й (Баварский) батальоны связи на местности к югу от Ульма. Мы сравнили с нашими задачами, обогащенными опытом минувшей войны, цели, поставленные во время последних маневров теле-

графных частей перед войной. Мы рассмотрели, какие системы связи существовали в войсках, и постарались принять попутно во внимание их тактику и техническую часть. Что касается положения противника и передней линии, оценки действий и твердого командования частями, то таким большим учениям не хватало практики. Тем не менее они прошли без достойных упоминания разногласий, если принять во внимание различные точки зрения двух вспыльчивых командиров – майоров Мартини и Шуберта.

Учения были причиной того, что мой свадебный отпуск в июне 1922 г. был сокращен на одну неделю. Отпуск на Андреасберг в Ганноверш-Мюндене в месте слияния рек Фульда и Верра был заветной мечтой. В последующие месяцы чины и награды отошли на задний план, и после службы я отправлялся на прогулку в замковый парк Вильгельмсхее и буковые леса. Из окон нашего небольшого жилища была видна вдалеке долина Фульды, по вечерам – море огней в лежащем ниже городе.

Городской парламент Касселя под управлением обер-бургомистра Шейдемана не мог предложить ничего достойного, как и состоявшиеся ранее политические собрания. Отдавалось предпочтение симфоническим концертам в Штадтхалле. Мы слушали лекции о «закате Запада» Шпенглера, который волновал тогда умы.

Тяжелым было известие об оккупации Рурской области французами, которое показало, насколько мы бессильны и какой сильный противник нам противостоит. Будучи дежурным офицером, я должен был регистрировать сообщения 4-го военного округа и передавать их дальше по линии. Согласно Версальскому договору, в демилитаризованной зоне, протягивавшейся на 50 км к востоку от Рейна, не должно было быть ни одного немецкого солдата.

Служба свела меня со штаб-офицером батальона связи в 3-й кавалерийской дивизии капитаном Бернаи. Это была одна из самых необычных личностей нашего рода войск. В годы своей военной юности он служил в колониальных частях немецкой Юго-Западной Африки. Бернаи рассказал об атаке на плато Ватерберг, во время которого впервые в военной истории в бою были применены четыре различных средства связи: телеграф, телефон, радио и гелиограф. Он был бескомпромиссным, инициативным одиночкой. В написанной им брошюре «Основные средства связи» он подчеркивал необходимость постоянной телефонной связи высшего командования с передовой. Бернаи во время войны успешно занимался этой задачей в своей дивизии. Теперь он продумал и обосновал свои требования и дал конкретные предложения по их выполнению. Бернаи не учел одного – полевой кабель пригоден только для ближней связи, но не может обслуживать дальнюю связь. Во время командно-штабных учений шесть взводов связи кавалерийского полка обозначили свое местоположение голубым, красным, зеленым и желтым цветом, а несчастные кавалеристы на выючных лошадях тянули бесконечный основной кабель. Их главной задачей в учениях было постоянно «подтягивать» полевой кабель к передовым саперным частям. Когда же Бернаи построил на одиноко возвышавшемся холме телефонную станцию, военное руководство не захотело ей пользоваться. Его намерения не осуществились.

Несмотря на это, Бернаи был прав, когда говорил о необходимости постоянной связи между штабами и нижестоящими инстанциями, между сражающимся фронтом и тылом. Многие его идеи, тогда высмеянные, были позднее осуществлены. Бернаи выпустил вторую брошюру. Он высказывался в пользу стратегического планирования, когда провода будут делаться из прочного материала, обеспечивающего лучшую слышимость. Бернаи смотрел далеко в будущее, но практически его идеи при нем не могли быть реализованы.

По своим служебным делам я часто сталкивался с инспектором частей связи полковником Ветцелем. В это время еще только начинавшегося возрождения армии каждый разговор с ним давал повод для размышлений и новых инициатив. Он входил в группу видных инспекторов, которых собрал генерал Сект. Это были: Блейдорн, инспектор артиллерии, фон Посек, инспектор кавалерии. Ветцель был долгое время начальником оперативного отдела

Генерального штаба под командованием Людендорфа. Единственный путь для старых телеграфистов совершенствоваться в своей специальности – служба в армии – был закрыт. Нам повезло: теперь установились равноправные отношения между родами войск, мы стали представлять собой постоянную составную часть дивизии, а не анонимные мобилизационные части, как в 1914 г. Ветцель впервые понял, как налаживать связи с командованием. Его личность гарантировала нам надежный статут у дивизионного командования.

Марка продолжала обесцениваться. Железная дорога не поспевала за ценами, и время от времени билеты дешевели. Я использовал каждый день отпуска, чтобы съездить вместе с молодой женой в Бремен, Регенсбург, на море или в горы.

Весной 1923 г. вышел срок службы моего служебного коня, и он был передан в мою собственность. Я нашел покупателя, готового заплатить за него 23 тысячи марок. На эту сумму можно было приобрести пианино. Но продавец пианино не сдержал своего слова, данного накануне, и потребовал две тысячи марок сверх. Тогда я даже и не подумал заявить о спекулянте в полицию. Покупка обошлась мне дороже на один фунт масла.

Штутгарт, 1923-1924 гг.

Зимой я готовился к экзаменам в нашем военном округе. Мне предстояло их сдавать при 5-м военном округе в Штутгарте. Вслед за двухнедельной тренировочной конной поездкой по Вюртембергу под командованием майора Муффа, в отсутствие начальника штаба полковника фон Бломберга, состоялся вторичный отбор. 1 октября 1923 г. мы, шесть человек, прибыли в Штутгарт, Ольгаштрассе, 6, для продолжения обучения на офицера штаба. Мы представляли почти все рода войск: Альмендингер, Друм, Хайм, Байсвенгер, Швабедиссен и я. Нам требовалось какое-то время, прежде чем мы, практики, найдем необходимые точки соприкосновения с нашими преподавателями, теоретиками, которых мы воспринимали с недоверием. В наибольшей степени мы отстранялись от них, когда они заводили разговор о демократии и своих соотечественниках в Рудных горах. Об этом говорил выдающийся преподаватель тактики и эстет Муфф и в еще большей степени майор Гейер. Первый служил во время войны в железнодорожном отделе Генерального штаба и с наибольшей похвалой отзывался о своем тогдашнем начальнике генерале Тренере. Гейер всю войну был в помощниках у Людендорфа, который называл его «молодым офицером Генерального штаба тончайшего ума». Его циничным критическим замечаниям не хватало человеческой теплоты, подобным образом он относился и ко всему окружающему.

Только что начавшееся обучение было прервано путчем Гитлера в Мюнхене¹⁸. 9 ноября 1923 г. командующий генерал Рейнхардт собрал свой штаб и говорил о Мюнхене и баварцах. В авангарде они проявляют исключительные атакующие качества, в целом – надежные солдаты, но для командования они не подходят. Затем Муфф обратился к нам и задал вопрос, могло ли произойти нечто подобное в Штутгарте. Он попросил нас выйти на улицу в штатском, чтобы услышать, что говорят люди, и потом рассказать об этом. Событие не произвело никакого впечатления на рассудительных швабов. Под вечер наше жилище посетил лакей в ливрее и пригласил меня к командующему. Рейнхардт был крайне любезен и спросил, какое впечатление на меня произвела его утренняя речь. У меня не было оснований отягощать его открытое мнение моими представлениями, характерными для баварца. Довольный, он отпустил меня.

Связь с Мюнхеном я потерял с начала 1922 г. Мне, собственно, написали в Кассель из командования военного округа, что при принятии присяги мне не следовало упоминать о моих «обязательствах перед баварским правительством». Несмотря на это, я продолжал считать себя частью баварского контингента. Несколько дней спустя я стал свидетелем, как генерал Рейнхардт комментировал мюнхенский мятеж собравшимся вокруг него фенрихам его дивизии, которые вернулись из Баварии после того, как их мюнхенская военная школа была распущена. Он мог себе это позволить. Генералу, последнему военному министру Пруссии, мы рассказывали о наших попытках добиться взаимопонимания с унтер-офицерами и личным составом, что было очень важно для нас, молодых офицеров. Рейнхардт считал ошибкой наши сборы оружия, державшиеся в тайне от контрольной комиссии союзных держав. До того как это оружие потребуется, появится новое и лучшее. Со временем мы начинали все больше ценить этого великого солдата. Первый раз он посетил наш урок французского языка. Наши результаты были ужасны. Он позволил нашему гражданскому учителю уйти и только после этого сделал пару замечаний о важности изучения иностранных языков и продемонстрировал свое прекрасное знание французского языка. 27 января 1924 г. мы были у него в гостях вместе с учителями и нашими дамами. Его первый тост был за человека, чей 65-й день рождения мы праздновали в этот день, – кайзера Вильгельма II.

¹⁸ Так называемый «Пивной путч» 8 – 9 ноября.

Капитан Шпанг пробудил в нас глубокий интерес к военной истории. Он широкими мазками живописал перед нами картины разных походов и битв – Фридриха II Великого в XVIII в., с Наполеоном в начале XIX в., войн 1866 г.¹⁹ и 1870 – 1871 гг.²⁰, вплоть до мировой войны. С помощью схем он показывал, как полководец принимал то или иное решение. Капитан Шперрле непрерывно рассказывал об авиационных эскадрильях и авиационных дивизиях. Артиллерийский офицер штаба всю зиму рассказывал о снаряжных трубках и содержимом снаряда. Самыми скучными были уроки штабного офицера из подразделений войск связи. Он ограничивался только тем, чтобы объяснить разницу между демпферированной и недемпферированной рацией. Как должен будущий офицер штаба обращаться с этой техникой и устанавливать связь, не было сказано ни слова. Советник посольства сравнил конституции Бисмарка и Веймарскую. Этого было явно недостаточно, в его лекциях не упоминалось международное право, конвенция 1-й Гаагской конференции о законах и обычаях сухопутной войны, Женевская конвенция.

Осень 1923 г. была омрачена инфляцией. Марка страшно обесценилась. Заработок в миллионы и миллиарды новых банкнотов нужно было сразу тратить на хлеб, масло, бытовые предметы домашнего обихода, прежде чем и эти деньги потеряют в цене. Рентная марка представляла собой купюру в виде единицы с 12 нолями. Крайне скромным было жалование в 180 новых марок женатого обер-лейтенанта с 10-летним стажем. Хотя ужин в Касселе состоял в основном из жареного картофеля и хлеба с маргарином, это не могло поколебать наше жизнелюбие и нашу надежду на лучшие времена. Зато, по крайней мере, весной расцвел Ремшталь²¹. Клецки по-швабски и другие швабские изысканные блюда пополнили наше бременско-баварское меню. Вместе с нашими учителями мы отправились в двухнедельную конную поездку по весеннему Вюртембергу. Сады в цвету были невыразимо прекрасны. Крестьяне подносили кувшины сидра сначала коноводам, а потом нам, чтобы утолить жажду; обстановка была непринужденной. Когда мы наконец-то вечером располагались на ночлег в чистых комнатах, наступало время «ужина». Это значило, что наши пустые желудки принимали одну или две «четверти» вина. Затем, как правило, нам предлагали аппетитное жаркое из телятины с клецками.

Летом 1924 г. я был командирован на семь недель в 5-й артиллерийский полк на учебный плац Мюнзинген. Сначала я обучался в конной батарее капитана фон Берга, потом – в моторизованной батарее капитана Хаазе. Последний прилагал большие усилия, чтобы мы поняли, от каких факторов зависел выход на позицию и ведение огня и поддержка пехоты. Несколько недель я провел на светометрической, топографической и звукометрической батареях разведки. Не вдаваясь в подробности, я уяснил для себя их назначение. Затем прошли батальонные и полковые учения пехоты. Мы получили почетное задание доукомплектовать двумя орудиями сопровождения тяжелую артиллерию батальона. И в завершение прошли дивизионные учения на равнинной местности, которые продолжались днем и ночью без перерыва, как в условиях войны, под командованием генерала Рейнхардта. Я отвечал за подвоз боеприпасов на батарею Берга и отдавал приказы на огневой позиции. Расчеты на дальность стрельбы были не всегда верны, но возможности для проверяющих оценить результат никак не представлялось. Каждый раз, как только они собирались это сделать, двух холостых залпов было достаточно, чтобы их лошади тут же скакали прочь. Одного или двух часов сна на охапке соломы в перерывах между стрельбами вполне хватало.

Первый год на занятиях мы учились командовать усиленным пехотным полком, второй год – дивизией. Теперь нас ждал так называемый год практической подготовки в

¹⁹ Австро-прусская война.

²⁰ Франко-прусская война.

²¹ Очевидно, имеется в виду долина р. Реме у Штутгарта.

частях. Командир 5-го батальона связи в Канштатте²² майор Тон по-дружески предложил мне помочь получить назначение к нему. Но я с молодой женой хотел оказаться в привычной обстановке в Мюнхене. Это должно было мне помочь на новом месте службы.

²² Ныне в черте Штутгарта.

Мюнхен, 1924-1931 гг.

Новый командир на Лазаретштрассе майор Прюгель заявил, что теперь мне дается замечательный шанс выкинуть из головы все напрасные мечтания о службе в штабе. До того, как приступить к строевой службе, я был командирован на две недели на Мюнхенскую скотобойню. Здесь полковой ветеринар пехотных частей вел для обер-лейтенантов курс санитарного осмотра мяса. Начальство исходило из предположения, что в будущей войне из-за нехватки ветеринарных врачей войсковые офицеры будут вынуждены сами при забое выявлять вредные для солдатского питания части туши и их вырезать. В просторном помещении мы наблюдали за забоем бессловесных животных, совали свои носы в их туберкулезные легкие, рассматривали больные лимфатические железы. Мы увидели массовый забой свиней, сидели перед прозекторами и искали трихин. Особое впечатление оставил цех по переработке трепухи. Нам было тяжело присутствовать при забое лошадей. Было поучительно познакомиться с работой мясника, хотя бы нам и не пришлось в будущем заниматься этим ремеслом.

В чине старшего ротного офицера я поступил во 2-ю роту под командованием капитана Лёвенка. Он был необычайно усерден по службе, но настроен холодно по отношению к солдатам. В прошлом он был рабочим на железной дороге, пилотом дирижабля, шофером, но имел еще и небольшой опыт в службе связи. Этот свой пробел он пытался компенсировать муштрой. Мне была отдана под начало ротная конюшня. Возчики были люди старые и крепкие, которые, можно сказать, не подходили для службы связистами, но были отличные кавалеристы. Мы теперь имели собственное ремонтное депо. Я отдал приказ молодым ремонтникам первого года службы, призванным на 5 лет, являться ко мне утром к 6 часам. Старых ремонтников обучал полковник кавалерии Людвиг, он также вел занятия в офицерской кавалерийской школе с 11 до 12 часов. У меня между тем было еще конное отделение унтер-офицеров роты. Для строевой подготовки ездовых оставалось только 6—8 человек, это были фуражиры и подсобные рабочие. На пятом или шестом году обучения для них это было нелегким делом. День начинался с объезда вокруг казарменного двора. Командир, сидя на мощном белом жеребце, пускал его шагом, рядом шел конюх, который докладывал о происшествиях во время ночного дежурства. Затем выезжал конный корпус трубачей с литаврами. Завершал утренний смотр командир дивизии — генерал артиллерии барон Кресс фон Крессенштейн. Он внимательно осматривал каждое конное подразделение, но мы были всегда на высоте, и о нас отзывались как о лучшей части дивизии. Однажды на беговой дорожке моя лошадь взбрыкнула и ударила меня копытом по бедру, так что я рухнул как подкошенный. Посочувствовавший мне штабной врач прописал для лечения огромной опухоли на месте кровоизлияния «природный массаж» — то есть прогулки пешком, а поскольку я хромал, то мне предписывалось совершать их в штатском.

Один переведенный к нам из Северной Германии офицер нанес обычный визит командиру. На следующее утро на собрании офицеров майор ясно дал понять, что подобное проявление вежливости недопустимо. Как-то раз женатые старшие офицеры и обер-лейтенанты сошлись вместе в городе за кружкой пива. На следующее утро нам сделали замечание, что старший офицерский состав не может встречаться с младшими офицерами в отсутствие начальства. И это не обсуждается. Долгое время продолжалась холодная война между командиром 1-й роты капитаном Русвурмом и командиром. Капитан был коренной баварец, но как солдат сформировался вне Баварии. Теперь командир смотрел на него как на пруссака и плохо относился к нему. Мы же поладили с ним очень быстро, тем более наши жены, когда обе родили почти в одно и то же время по девочке. Мы, мужчины, забывали о неприятностях по службе, становясь на лыжи в конце недели. Арендванная на всю зиму 1-й ротой усадьба

в горах во Фрасдорф-Хоэнашау использовалась для военной подготовки. Каждый приходивший тренироваться приносил свой паек. Заготавливали и кололи дрова сообща. По вечерам, прежде чем заснуть на жесткой постели под шерстяным одеялом, пели родные песни. Каждое воскресенье находились добровольцы, старавшиеся не упустить возможности поупражняться на свежем воздухе на заснеженных склонах.

Я так пристрастился к военной истории, что выписанную зимой из министерства рейхсвера книгу «Средства связи в военной кампании на Марне в 1914 г.» проработал внимательнейшим образом. Архив министерства выслал мне журналы боевых действий корпусных и армейских подразделений телефонной связи, которые, к сожалению, велись отрывочно. Через переписку различных составителей я попытался заполнить существовавшие пробелы и согласовать между собой схемы, отражавшие ход оперативных действий, в первых томах архивных работ. Это был очень кропотливый труд, заполнявший на протяжении многих месяцев мои свободные вечера.

От попытки прослушать курс лекций по истории пришлось снова отказаться. Доцент, бывший офицер Генерального штаба, так и не смог продолжить рассказ дальше предыстории Шлезвиг-Гольштейнского конфликта 1864 г.²³ Занятия чешским языком с доцентом из Праги продолжались несколько дольше.

В июне проходили горные тренировки, их устраивали обычно каждый год совместно с батальоном горных егерей, подразделением горной артиллерии Ландсберга, саперами и двумя нашими взводами. Это были самые замечательные тренировки года. Отвлекаясь от посторонней обыденной суеты, весной в окрестностях горных курортов Шлирзе, Тегернзе, Партенкирхен, Оберсдорф и других подобных мест мы прокладывали линии связи для командования и патрулей; оборудовали позиции радиостанциями и средствами светосигнальной связи. Начальство, подобно нам, должно было пешком подниматься в горы. Они шли на это добровольно, как будто им предстояло передвигаться на лошадях или автомобилях. Берлин неодобрительно смотрел на все это и не собирался выделять средства на развитие горных войск. Наш быт и наши настроения были для берлинских инспекторов непривычными. Во время совместных парадов наши тяжелые горные ботинки и кожаные наколенники контрастировали с их обычными суконными брюками и сапогами с двухшовным голенищем. В центре внимания был командир батальона в Кемптене майор Дитль. Он был сверхтребователен к себе и своим солдатам в горах и зимой и летом. Мы гордились тем, что четыре недели в году проводили вместе с ним и во время каждой напряженной тренировки покоряли несколько вершин.

Командование рассматривало автомобильный транспорт только как средство роскоши. Большинство офицеров в 1925 г. не имело никаких водительских прав. При этом в войска все больше поставлялось транспортных средств, чья мощность на много превышала мощность конной тяги. Во время тактических занятий на местности все офицеры были конными. Во главе выросших вдвое или даже втрое моторизованных телефонных частей и подразделений радиосвязи был технический инспектор Шлафхойзер. Спустя год после службы в роте я получил водительские права. Мне подчинялся автомобильный взвод, который объединял всех шоферов и моторизованные части штаба и роты. Теперь мне не нужно было смотреть сквозь пальцы на каждую поездку. Большая часть времени уходила на то, чтобы какую-то деталь смазать маслом, вычистить или покрасить или поставить автомобиль на просмотровую яму для проверки.

Каждые два года проходили аттестации. Надо было «уведомить» аттестуемого об имевшихся недостатках. Командир указал мне на один сомнительный момент в моем поведении —

²³ Имеется в виду Датская война 1864 г., где Пруссия в союзе с Австрийской империей отняли у Дании Шлезвиг и Гольштейн.

я часто оспаривал мнение начальства. Присутствовавший при этом дивизионный командир барон фон Кресс заметил, что иногда это были похвальные ошибки. Критика должна была принудить слабых командиров раскрыть карты и допустившим ошибку дать возможность исправиться.

Летом 1925 г. состоялась учебная поездка в Падерборн со всеми штабными офицерами последних лет из всех военных округов. Из наших шести офицеров был вызван в Берлин на заключительный 3-й учебный курс только Алльмендингер. Мой письменный труд был снова отклонен, чем я был разочарован. Начальник инспекторов войск связи вызвал меня в Берлин; он сообщил мне, что моя оперативная оценка действий войсковых служб не соответствует действительности. Но вот представленная информация настолько ценна, что в несколько иной форме он мог бы ее сам охотно переработать. Оригинал моей работы мне так и не отдали. Я опубликовал ее затем в черновом варианте без гонорара в нескольких номерах «Ф-Флагге», журнале войск связи, редакторами в котором были майор Плегер и капитан Бойттель. В течение года они опубликовали много небольших статей о случаях, в которых средства связи сыграли особую роль в «Ф-Флагге», «Милитер-Вохенблатт» и «Дойчен Вер».

Мои статьи касались организации связи в сражении при Танненберге²⁴ и радиограммах Самсонова, и в Мазурском поозерье, отсутствии связи в 1-й кавалерийской дивизии во время сражения под Гумбинненом²⁵. После окончания дивизионных учений в Графенвёре Главнокомандующий 2-й группировки генерал Рейнхардт устроил прощальный вечер для офицерского корпуса 7-й дивизии перед выходом в отставку. Мы так сроднились с ним, обладавшим столь обширными познаниями и отзывчивым сердцем, что у многих храбрых солдат текли по щекам слезы. Сам железный командир дивизии барон фон Кресс произнес несколько благодарных слов. После отбоя, когда отзвучала вечерняя зоря, мы отправились в казино. Генерал Рейнхардт сидел между двумя высокопоставленными русскими офицерами, которые приняли участие в учениях. Затем он встал за столом и начал говорить нам, молодым офицерам, о той прекрасной профессии, которую он выбрал. Он напугал русских, когда осушив в последний раз стакан за наше здоровье, бросил его в стену.

Во время отпуска в 1926 г. в Швейцарии у меня появилось впечатление, что граждане Швейцарской Конфедерации, считавшиеся истинными демократами и бдительными защитниками Отечества, по нашим понятиям были такими же ярко выраженными милитаристами, что и мы. Все их мысли и дела вращались вокруг одного – выполнения нормативов по стрельбе и проходивших каждый год учений. К тому же эти незаметнейшие гражданские обращались друг к другу «господин капитан» и «господин майор». В то время как наши казарменные дворы были пусты, Люцерн был полон новобранцев, которые в любую минуту были готовы к строевой подготовке. Взволнованный, я смотрел на скульптуру «Умиращий лев» Торвальдсена, посвященную памяти швейцарских гвардейцев при штурме дворца Тюильри, видел я и Чертов мост близ Сен-Готарда, рядом был вырублен в скале православный крест в воспоминание о павших в 1799 г. солдатах Суворова²⁶.

Начальник командования сухопутными войсками генерал фон Сект провел в январе 1926 г. в Силезии первые учения для командиров и связистов. Это были большие маневры без привлечения боевых подразделений, в которых приняли участие все подразделения связи дивизии и высших штабов германской сухопутной армии. Наши полевые кабели и телефонные линии были проложены на большом пространстве, но слишком ограниченном для уста-

²⁴ Имеется в виду окружение и разгром основных сил 2-й армии Самсонова, против которой Гинденбург бросил почти все силы 8-й немецкой армии, оставив против 1-й русской армии Ренненкампа слабые заслоны.

²⁵ Имеется в виду сражение под Гумбинненом (ныне Гусев) 8-й немецкой армии с 1-й русской армией 7(20) августа 1914 г., которое немцы проиграли, но через 6 дней начали наступление на 2-ю армию Самсонова.

²⁶ Суворов осуществил свои блистательные Итальянскую кампанию и Швейцарский поход в 1799 г. и в 1800 г. умер, возвратившись в Санкт-Петербург.

новления оперативных связей – без твердых границ и базы для постоянной сети связи – кабельной и открытой проводной.

У нас появились первые моторизованные радиостанции. Автобусы были слишком большими и слишком тяжелыми, моторы их – слишком слабыми, так что автобусы застре-вали в песке и были менее маневренны, чем конные штабы. Возможно, именно тогда Сект начал сомневаться в возможности надежного управления большими массами войск. В замке Зомерфельд нас ожидал радушный прием.

На маневры 5-й и 7-й дивизий к югу от Вюрцбурга прибыл генерал-фельдмаршал фон Гинденбург. Отчетливо был слышен его низкий, грудной голос, когда в ответ на критику он делал умные замечания.

В октябре я пробыл три недели в Праге, чтобы совершенствовать свои познания в языке. Я вновь наслаждался видами прекраснейшего города Европы, где оставалось так мало немцев. Здесь, казалось, их язык исчез, на нем разговаривали только в «Немецком доме». Если к кому-либо обращались на чешском и ему было трудно ответить и он отвечал на немецком: «Я не понимаю по-чешски», ему в ответ говорили: «Я немец, но нам, всем 28 тысячам пражских немцев, не следует больше пользоваться родным языком». Немецкому театру не доставало немецкой музыки и немецких пьес. В чешском Национальном театре ставили прежде всего Сметану и Дворжака.

Я жил в чистой чешской гостинице и в течение трех недель не произнес ни слова по-немецки. Словарный запас, приобретенный в Мюнхене, позволял мне заказать пиво, богемские клецки и другие деликатесы или задать вопрос на улице. Но понять ответ, произнесенный быстро и с множеством согласных во фразе, было невозможно. Конечно, мне было интересно взглянуть на чешских солдат. Как и в Швейцарии, казармы не пустовали. С завистью я осматривал на Градчанах новенькие моторизованные зенитные пушки, которые нам, к сожалению, было запрещено иметь. Перед дворцовой резиденцией президента Масарика стоял почетный караул в форме чешских союзов добровольцев. Традиция должна была быть воссоздана всеми имевшимися средствами. Иллюстрированный журнал помещал на своих страницах множество сентиментальных, не имевших с подлинной историей ничего общего картинок, изображавших «Чешского Гонзу», этакого чешского Ганса, в глуши Сибири²⁷. В одно воскресенье вся широкая торговая площадь с чудесным ренессансным зданием ратуши заполнилась солдатами. На возвышении-трибуне стояли в пестрой форме французы вместе с инструктором генералом Миттельхаузером, югославы и румыны. Контейнер с землей из Добруджи, с полей Вердена и Италии, пропитанных и чешской кровью, был замурован в стену старого немецкого здания. Множество из тех офицеров, что прошли парадным строем под музыку немецких и австрийских военных маршей, сражались, возможно, на противоположной стороне фронта.

Достойная сожаления новость из Берлина застала меня в Праге. Командующий сухопутными войсками генерал-полковник фон Сект был отправлен в отставку, потому что ему было известно, что сын немецкого кронпринца принял участие в маневрах. Сект пользовался среди нас безусловным уважением за простое солдатское поведение, за его труды в деле нашего воспитания. Мы были благодарны ему, что он научил нас нейтрально относиться к внутривосточным конфликтам.

1 декабря 1926 г. после восьми с половиной лет службы обер-лейтенантом и 13 лет службы в армии, я стал капитаном. Вакантного места командира роты не было, так что я и дальше продолжал командовать автомобильным взводом. После сдачи экзамена на вождение образовалась очередь офицеров на получение водительских прав. Передвижение на авто-

²⁷ Восстание Чехословацкого корпуса в эшелонах на Транссибирской железной дороге от Пензы до Владивостока сыграло роковую роль в развязывании Гражданской войны в России 1918 – 1922 гг.

мобиле в городе стоило огромных нервов, и это при скорости 30 км в час. Более приятное чувство пробуждали поездки в горы. Зимой в Мисбахе, когда выпадало много снега, мы предпринимали попытки повысить проходимость наших стандартных автомобилей. Ставить машины на полозья мы начали еще раньше. Я попытался также заимствовать опыт зимних учений в Обераммергау и Гармише, проводившихся Управлением вооружений сухопутных войск. Командиру доставляло большое удовольствие наблюдать за тем, как гостей в страшный холод сажали на заднее сиденье мотоцикла, поставленного на лыжи, и везли, раскачивая, как на качелях.

Новый командующий сухопутными войсками генерал Хейе приветствовал на нашем казарменном дворе большой гарнизон Мюнхена. Мы стояли в строю на протяжении нескольких часов, пока он передвигался с редкой ловкостью в своих особых сапогах, обращаясь с краткой речью к каждой роте. О том, как пользовались его деланой любезностью, ходило много анекдотов. Он упразднил инспекторов, отведя им второстепенную роль. В дальнейшем инспекторами в войсках связи были генералы из Генерального штаба других родов войск. Это были brave офицеры, которые не представляли никакого вреда, но не понимали, как дальше развивать наше дело по мере совершенствования техники.

Весной 1927 г. я был командирован в Берлин на три месяца на курсы по подготовке автомобильных специалистов. Приходилось заниматься расчетами и экспертизами, но была и практическая работа. Мы разбирали моторы и снова их собирали, мы посещали берлинские заводы, где нас встречали не всегда приветливо. По очереди мы управляли большими автобусами вместе с другими курсантами.

Улицы Берлина были снова ухожены. Я наслаждался театром, музыкой и прогулками по Унтер-ден-Линден и Курфюрстендамм. В Берлине меня посетил шведский капитан Таге Карлсверд. На основании немецких данных, в том числе и моих статей в журнале, он издал книгу о средствах связи в битве на Марне в 1914 г. Теперь он искал в рейхсархиве и других местах подобный материал о Восточном фронте. Он пригласил меня приехать в Швецию.

В северо-западном предместье Берлина Глиникке вместе с небольшой группой зрителей я наблюдал за траурной процессией, сопровождавшей тело погибшего во время конных состязаний принца Сигизмунда из династии Гогенцоллернов от его виллы до места погребения в замковой капелле. Дорога была пустынна и шла через весенний лес. Как в старые времена, за гробом впереди вдовы и детей шел любимый конь усопшего. Случайно я оказался и на подобном траурном мероприятии; хоронили генерала Гофмана, бывшего начальника штаба на Восточном фронте, сменившего Людендорфа, у которого он был начальником оперативного отдела штаба. Гофман написал одну ценную, но язвительную книгу «Война упущенных возможностей», в которой говорил о половинчатости многих усилий. Теперь можно было только сожалеть о преждевременной смерти известного деятеля. Он заслужил почетное погребение на Кладбище инвалидов среди прусских солдат. В раздумье я читал надгробные надписи на могилах великих людей, среди них барона Манфреда фон Рихтгофена, рядом с которым я стоял когда-то.

В Моабите, где находилась наша школа и жил я, не все было гладко за блестящим фасадом. Жильцы были сама вежливость. Однако в воскресенье тон задавали коммунисты. Я видел, как маршируют тысячи людей одетых в форму Рот Фронта. Впереди шагали в ногу горнисты, синхронно делая рукой отмашку и четко держа строй. Командиры взводов и групп служили раньше, вероятно, в прусской гвардии. Это было впечатляющее зрелище, говорившее о том, что в жизни государства появился новый фактор силы. В завершение курсов нам устроили учебную поездку в Нюрнберг. В городках Зульцбах и Максхютте, где мы когда-то выступили против коммунистов, коллективы предприятий после семи прошедших лет стали с большей симпатией относиться к военным. Мы слышали от горного инженера Вагнера, что в массах господствуют национал-социалистические взгляды. После того как я сдал экза-

мен по теории и получил свидетельство специалиста по военным автомобилям, я должен был пройти обучение с шестью солдатами, чтобы получить водительские права шофера грузовика.

Отпуск вместе с женой и дочкой на острове Боркум на Северном море прервал неожиданный вызов из Мюнхена. Я стал адъютантом в батальоне. Мне пришлось включиться в дневной ритм работы командира. После утренней поездки верхом и работы в канцелярии в полдень он отправлялся в офицерскую столовую, где администратором был его бывший старший вахмистр Тишнер вместе с женой. Он проводил каждый день с крайним педантизмом и не выказывал никаких чувств, рассматривая мелкие дисциплинарные вопросы, жалобы, взыскания. Его уровень технической подготовки сводился к знанию полевых кабелей, телефонной и светосигнальной связи в примитивных, не меняющихся границах, дивизионного опыта. Перед каждым большим учением он обращался к своему знакомому в штабе и просил его заранее так расположить его батальон, чтобы у начальства не могло возникнуть никаких претензий с точки зрения тактики. Он старательно избегал давать какие-либо самостоятельные поручения нам, молодым офицерам, совершенствовать нашу военную и моральную подготовку. Его карьера окончилась 31 января 1928 г. производством в подполковники. Незадолго до этого он оказался в лазарете, избежав необходимости обратиться с прощальным словом к подчиненным. Ни одному из офицеров он не пожал руки, за моим исключением: я явился к нему, лежавшему в постели, чтобы доложить о своем отбытии. Слишком тесные отношения между отдельными офицерами превратили их в плохих мелких чиновников.

Отряд трубачей находился в непосредственном подчинении адъютанта, и обращение с ним требовало дипломатического такта. Тяжелее всего приходилось иметь дело с дирижером Братуном, который ежедневно поглощал немереное количество пива; он был человек гражданский, но хороший музыкант. У него и его подчиненных было одно важное поручение: зарабатывать деньги, военная форма была средством для этого. Они выступали на концертах, билеты на которые раскупали заранее, в погребке «Лёвенбройкеллер» и других местах. Все они были плохими солдатами. Но они были визитной карточкой батальона, поэтому музыканты старались иметь военный вид и чтобы лошади выглядели ухоженными. Для обоснования необходимости расходов на капеллу музыкантов учили на санитаров и светосигнальщиков. Из этого ничего не вышло. Но важнее всего было то, что капелла являлась чудесным средством прививать в части корпоративный дух и способствовала тому, чтобы население с большим пониманием и интересом относилось к солдатам, которых оно редко видело, но платило за них налоги.

Новому командиру удалось выдержать среднюю линию, не уклонившись ни влево, ни вправо. Он сумел получить большое преимущество тем, что предоставил нам, командиру 1-й роты и моему другу Рейну и мне – командиру 2-й, полную свободу для самообразования и в наших служебных делах. Батальон от этого не пострадал. Наконец, после почти 14 лет службы, я обрел свою гавань. Начиная с того времени, когда я был командиром взвода, я знал каждого человека. Состав менялся каждый год: уходили солдаты, отслужившие 12 лет. На их место приходило большое количество новобранцев, которых тщательно отбирали после экзаменов. Участвовали в этом и врачи-психологи. Отказов почти не было. Мы также отдавали себе отчет в том, что в условиях безработицы многие мужчины хотели получить документ, дающий права для гражданских лиц на социальное обеспечение, который мог помочь при устройстве чиновником на какой-либо даже незначительный государственный пост, конечно, если кандидат проявит достаточные усилия и сдаст соответствующий экзамен. После 4 месяцев обучения на пехотинца в учебном батальоне пехоты новобранцы поступали в роту. В течение первых лет службы в наемной армии каждый верил в то, что за 12 долгих лет он сумеет стать квалифицированным связистом. Но человеческих способ-

ностей на это явно не доставало. Один больше подходил для этой специальности, другой проявлял способности в чем-то другом. Готовность роты гарантировали 80 ефрейторов. Это были наемные солдаты на 6 – 12-м году службы, в профессиональных качествах которых сомневаться не приходилось. Старший вахмистр Колер, позднее Ктон и другие вахмистры и унтер-офицеры поступали здраво, внешне незаметно, но эффективно командовали своими частями и учебными подразделениями.

Роты были теперь частично моторизованными. Каждая рота имела около сотни кавалерийских и ездовых лошадей, 14 лошаков или пони, используемых в качестве тягловой силы в горной местности, и 20 автомобилей. Среди них были две легковые машины – «Хорьх» и «Ауди», мотоциклы, грузовики и автобусы. Не принимая во внимание меняющуюся форму исполнения служебных обязанностей, к ним относились строевая служба и стрельбы, к технической службе каждой роты связи – строительство телефонных линий, сооружение радиостанций и радиосвязь, сооружение светосигнальных устройств и светосигнальная связь, отдел кодировки, обслуживание двигателей и горная служба. Только почтовые голуби были исключены как технически устаревший вид связи. Такая многосторонность была излишне сложна, и при немногих исполнителях – нерентабельна. Она не могла привести к высокой эффективности. После двух лет моего командования такой ротой связи в ней произошли изменения: при перемене персонала были образованы 1-я телефонная рота и 2-я рота радиосвязи.

Техническое обучение, которое проводилось зимой, завершилось тренировочным обучением телефонной и радиосвязи в марте, длившимся без перерыва 10 дней. Базой для этого служили лыжные хижины рот и гостевые дома. Началась подготовка к высокогорным учениям. Автомобили были поставлены в гараж, а водители стали погонщиками. Лошаки весь остаток года отдавали свой овес ротным лошадям, питались только мелкой соломенной сечкой, и их запрягали в повозки с фуражом. Недель за шесть до учений их переводили на питание овсом, с каждым днем увеличивая рацион.

Во время маршевых учений у них по бокам слева и справа висело по тюку прессованной соломы, которые можно было легко сбросить, ничего не разбив. Когда лошаки вновь отправлялись в путь медленным шагом, солому заменяли корзинами и ящиками с приборами связи. Во время первых учений в горах было много падений в пропасть. Некоторые животные были слишком большими, пугались на узкой тропе и вместе с грузом срывались. Лошади ломали при падении вытянутые ноги, лошаки вцеплялись в лошадей и вместе благополучно скатывались вниз. В горах мы начинали с тренировочных маршей, чтобы люди освоились с подъемами и спусками, и только потом вместе с другими частями приступали к учениям по установке связи. Едва ли бы нашелся в роте в этом живописнейшем окружении хоть один человек, который не отдавал бы всего себя своему делу. Никогда не забудется марш на восходе солнца в Обераммергау под многоголосую песню «Кто хочет в радости идти, иди навстречу солнцу» или ночной бивак моей роты на высотах Блауэн-Берге за Кройтом. Однажды командир дивизии генерал фон Лееб посетил роту в горах под Оберстдорфом. Мы продемонстрировали ему работу на марше первых переносных раций «Ахемо». Закончив разговор на одной небольшой вершине, генерал расстегнул свой мундир, взял у сопровождавшего его офицера альпеншток и спустился по склону, у нас на виду, без остановки широкими прыжками, к своему автомобилю, который поджидал его внизу на расстоянии в тысячу метров. Чтобы поддержать у берлинцев интерес к горным частям, позднее стали устраиваться показательные учения, к месту проведения которых зрители прибывали на фуникулерах. Для наблюдения за скалолазами на склонах альпийского пика в Кройцке прибыл генерал Хейе и сопровождавший его военный атташе Гартенштюле. Я также видел японца Осиму, который начал непривычное для него восхождение, но из-за длинных ног своих коллег американцев отказался от этой затеи. Во время подобной тренировки у приюта на Небельгор-не

горные егеря в кожаных штанах, сев на зад, скатывались вниз по заснеженным гребням. Спуск на веревках по скальной стене горных стрелков, попавших под камнепад, привлекал меньшее внимание собравшихся, чем хохотавших и кричавших зрительниц, неудачно попытавшихся повторить спуск егерей.

Положение службы связи во время маневров жестко зависело от приказов штабов и их «тактического руководства». Штабы должны были выбирать неизвестные, часто менявшиеся наблюдательные пункты и обеспечивать связь, по которой передавались донесения различного объема, активизировать ее. Один руководитель не мог заботиться обо всем на большом пространстве. Он должен был проверять, нормально ли работает связь, приходят ли своевременно донесения, какому условному тактическому положению они соответствуют. Удовлетворяют ли они всем требованиям вышестоящего командования, было несущественным. То, что можно попытаться назначить для установки и обеспечения связи незанятых унтер-офицеров роты, не укладывалось в их представление о тактике. Но недостаточно было только «установить связь». Учения радистов проходили на большой территории. Для них старательно писались «сценарии». В них указывалось до минуты время переноса наблюдательных пунктов, текст и время передачи каждого сообщения. Все ответственные за разработку тактики при проведении учений получали целые тома этих обязательных установок. Отправленное сообщение необходимо было вовремя направить получателю и затем проверить, правильно ли оно было получено. Для этого командировали офицеров штаба, которых эта работа почтальоном повергала в невыразимую скуку. Понятно, что к таким учениям было потеряно доверие, когда офицер-связист в высоком чине часами выяснял, правильно или нет было отправлено сообщение, и обещал провести разбор учений в ближайшие месяцы. Целые центры этих радиосообщений так и не пережили эту проверку. Во время учений было сделано много ошибок невоенного характера. Было много пауз в учениях, поскольку все было расписано по времени. Это противоречило характерной особенности войск связи, чьи задачи, в отличие от других родов войск, должны были выполняться непрерывно от начала боевых действий до их окончания.

Желанную помощь я получал от ежегодной трехмесячной командировки для штабных офицеров в батальонах связи. Мюнхен был особенно предпочтителен. В роте одновременно было шесть обер-лейтенантов и старшие офицеры других родов войск. Рота проводила учения в городе и на открытой местности, длившиеся в течение трех недель; в частях, располагавшихся концентрическими кругами вокруг гарнизона, были образованы тактические штабы. Иногда их усиливали войсковыми средствами связи, тогда прибывали офицеры по поручениям или адъютанты для подключения к связи более мелких частей. Кульминационным пунктом были командно-штабные учения, к которым командир дивизии привлекал сами штабы.

Сначала отрабатывались самые простые приемы. Телефонистов упорно учили пользоваться позывными. Было поучительно наблюдать, как штабные офицеры в пылу разыгрываемого сражения забывали о них или вообще не обращали внимания на эту, как им казалось, помеху, за что телефонистов наказывали. Я принял участие в больших учениях на переправе через Дунай у Нойбурга-ан-дер-Донау, обер-лейтенант Траут, в чьем подчинении я находился, командовал «частями радиоразведки», которые раньше назывались частями Арендта. Вблизи Мюнхена усилители вызывали только сильные шумы, но на Дунае нас ожидал полный успех. Хотя наступавшие части знали, что защитники переправы пользуются различной аппаратурой, их неосторожные разговоры выдали время и место наступления, и эффект внезапности был потерян.

Светосигнальные части, которые призваны были дублировать телефонную связь, редко находили применение. Штабы вполне могли разместить их наблюдательные пункты в неподходящем месте. Имел место парадоксальный случай, когда штабы, находясь на удалении

до 2 км от светосигнального поста и на такое же расстояние проложив к нему телефонные кабели, не могли поймать световой сигнал, поскольку он распространялся на расстоянии одного километра.

Радиосвязь усовершенствовали в 1925 г. «Средняя рация 17» с потрескивавшим искровым разрядником и более сложные в устройстве Б- и И-аппараты – последние рации мировой войны – были заменены на отличные недемпфированные 20-ваттные на конной тяге, предназначенные для внутренней связи в дивизии, в 1929 г. появились 5-ваттные для внутренней связи и улучшенные 100-ваттные на машинах для оперативной связи.

Впоследствии ротные связисты считали делом чести обеспечить четкую и быструю связь. При помощи секундомера измерялось время передачи сообщения, шифровки и вызова, дешифрирования, все недочеты были по возможности сведены до минимума. Мирную церковную тишину еле слышно работавших аппаратов Морзе нарушили шумы радиопомех, доносившихся из приемника. Одна часть роты работала с передатчиком генератора помех, другая была на радиосвязи. Помехи должны были мешать нормальной связи. При наличии опытных радистов постановщики помех не добивались никакого успеха. Подведение итогов учений как в казарме, как и на открытой местности последовало сразу же по их окончании. Разработчики тактики подготовили образцы таблиц, которые нужно было составлять постоянно. Из них можно было узнать требуемое среднее время – самые лучшие и наихудшие показатели, и в них фиксировались грубые ошибки при передаче сообщений.

В августе 1928 г. я побывал у капитана Таге Карлсверда в Стокгольме. С завидным упорством он занимался сбором всех фактов, касавшихся работы связистов и средств связи в немецкой армии, сражавшейся на Западном и Восточном фронтах в маневренной войне 1914 г. Он намеревался написать об этом книгу. Мы продолжили обсуждение этой темы во время ответного визита Карлсверда в Мюнхен в 1930 г. Было лестно узнать, что в Швеции достижения немецких солдат нашли глубокое признание. У нас на родине слышались, к сожалению, другие голоса.

Каждый раз, бывая по случаю в Берлине, я встречался с генералом Ветцелем. Уйдя с поста начальника войскового управления, он стал советником Чан Кайши в Китае, затем редактором «Дойчен Вер» и «Милитер Вохенблатт». Ветцель сам писал о том, что отсутствие связи в войсках в сражении на Марне в 1914 г. имело негативные последствия. До этих пор военные историки в своих работах только вскользь упоминали об этом факторе. Мне запомнились трезвые замечания генерала Ветцеля. В свободное время я писал в упомянутых журналах о тех событиях великой войны, в которых войсковая связь сыграла важную роль.

В августе 1929 г. жена родила мне сына. Я был в это время на учениях под Ноймаркт-на-Ротте²⁸. Перед моим возвращением в Мюнхен генерал барон фон Кресс в течение 36 часов инспектировал батальон. После продолжительного марша рысью в колоннах по совсем незнакомой местности, с которой он заранее сам тщательно ознакомился, генерал осмотрел конское снаряжение в 6-м взводе. Затем был открыт «ураганный огонь», отвечавший условиям военного времени, при помощи которого он затруднял установление и функционирование связи, поскольку бойцы несли потери и уничтожались материальные средства. Бывший боец, сражавшийся в Палестине, на Синае и Кавказе, по выдержке и выносливости не имел себе равных, как и в знании новых видов вооружения и уставов по тактике, и в полководческих способностях действовать на большом оперативном театре военных действий.

Затем три недели я провел в разъездах, побывав в Страсбурге, Южной Франции и Испании, познакомился с древней культурой и с новыми достижениями цивилизации и промышленного прогресса на международной выставке в Барселоне.

²⁸ Имеется в виду Ноймаркт-Санкт-Файт на р. Ротт к востоку от Мюнхена.

Версальский договор запретил иметь резервистов и офицеров резерва, которые прежде были связующим звеном с окружающим обществом. Без понуждения и всякого давления сверху повсюду возникали союзы бывших военнослужащих. В войсках связи они образовывались в бывших гарнизонах: в Берлине – бывшие 1-й и 5-й батальоны, во Франкфурте-на-Одере – 2-й, в Кобленце – 3-й, в Карлсруэ – 4-й, в Мюнстере – 6-й, в Дрездене – 7-й.

В Мюнхене между военнослужащими, состоящими на действительной службе, и их бывшими соратниками из Товарищества баварских войск связи под руководством окружного головы Келлера и Объединением офицеров баварских войск связи сложились добрые отношения. Это позволяло шире взглянуть на мир поверх казарменных стен. На встречах каждый раз присутствовал полковник в отставке Шелленбергер. В пределах всего рейха действовал Союз военнослужащих войск связи под началом неугомонного полковника Плегера. В их журнале «Ф-Флагге» рядом с ценными статьями публиковались новости Союза, пытавшегося постоянно поддерживать интерес к нему у председателей правления.

Кадровая политика предполагала постоянное омоложение немногочисленного офицерского корпуса, и многие опытные офицеры были вынуждены преждевременно уходить в отставку. Не всегда удавалось попросить их об этом в наиболее тактичной форме, у многих уволенных осталось чувство горечи. В рейхе не было работы для еще молодых специалистов, но во многих других странах требовались немецкие офицеры-инструкторы – доказательство того, что вывалившееся в грязи злобной «немецкой» прессой солдатское образование признавалось и ценилось за границей. Немецкие офицеры преподавали в Турции, Китае, различных южноамериканских государствах. С некоторыми странами происходил обмен офицерами. В мою роту был командирован на три месяца чилийский капитан, прекрасно говоривший на немецком и бывший замечательным знатоком тактики. В Китае, где уже полвека оказывалось предпочтение немецкому образованию и немецким университетам, у Чан Кайши были советниками полковник Бауэр, генерал Ветцель, генерал-полковник фон Сект, генерал фон Фалькенхаузен. Майор Хаубс и капитан фон Кнобельсдорф преподавали там предмет «Служба организации связи».

В роте радиосвязи будничную работу выполняли за меня три офицера: Зеллинг, Маульч и барон фон Берхем. Нам помогали замечательные вахмистры и унтер-офицеры. Самым лучшим из них я предложил учиться на радиста. Они стали ценными техническими служащими и продолжили плодотворно трудиться в войсках и штабах.

Внутренняя служба оставалась в моей ответственности. Дисциплинарные взыскания играли второстепенную роль. «Тайные осведомители» все больше уклонялись от исполнения своих двусмысленных обязанностей, пока наконец эти реликты недобрых времен солдатских советов окончательно не исчезли. Я мог без этих помощников поговорить с любым подчиненным, и он со мной. Счетовод работал по-прежнему. Ему приходилось больше иметь дело с начальником финансовой части, чем со мной. Я мог свободно распоряжаться паушальной суммой и нес за нее ответственность. Прежний командир большую часть выделенных на цели образования средств не использовал и вернул. Теперь эти деньги оставались в роте. Я мог перенести полевую подготовку унтер-офицеров в незнакомую местность или организовать призовую стрельбу. Вместе с каптенармусом из унтер-офицеров я подобрал пять комплектов обмундирования, в том числе для солдат в увольнительной. В роте прошел «медосмотр», результаты которого доказали поразительную точность расчетов каптенармуса. В Якобе Брее я обнаружил выдающегося вахмистра по конюшне. Он умел обходиться с людьми и животными и сам был великолепным наездником и учителем конной езды. На «Фейерверке» он взял много призов на соревнованиях. Я перевел наиболее старых кавалеристов в автомобильные подразделения. Их обучение шло не так быстро, как у молодых механиков, но они были надежными водителями грузовиков. Лучшие кавалеристы на лучших лошадях участвовали в осенних и летних охотах, которые всегда превращались в

веселый и яркий праздник. Принц Альфонс на старый манер добродушно шутил в компании старых солдат, особенно на пикнике после охоты и на рождественские праздники. Была известна его шутка: «Мои кавалеристы мало понимают в телеграфии. Я объяснял им ее следующим образом. Вы тянете за хвост длинную таксу сзади, и раздается лай впереди. То же самое и с телеграфом – длинным проводом. Беспроволочный телеграф устроен так же, но без таксы».

Каждый военнослужащий получал много нарядов, так что во время строевой подготовки на нелюбимом казарменном дворе едва ли набиралась десятая часть личного состава. Несмотря на это, в роте всегда был порядок. Роту можно было часто видеть при исполнении разных обязанностей. Был праздник Тела Христова, нам предстояло выстроиться шпалерами вдоль пути следования торжественной процессии. Я, сидя в седле, вел ее к площади Максимилианплац, впереди нас шел отряд трубачей. Два дня спустя евангелический дивизионный пастор, прервав свою проповедь в казарме, пылая гневом, ворвался в мой кабинет: «Господин капитан, вы водили на праздник Тела Христова протестантов. Я доложу о вашем поступке командиру дивизии». Действительно, это был неприятный случай. Старший вахмистр насчитал среди вольноопределяющихся 80 католиков, и еще столько же человек записалось. В праздничный день постоянный заместитель вахмистра приказал перед выходом из казармы рассчитывать только 80 солдатам и доложил мне об этом. Я знал каждое имя в роте, всех жен моих подчиненных, знал о слабых сторонах, заботах и желаниях каждого, вот только о вероисповедании я их не расспрашивал.

К роте относилась постоянная радиостанция «Мюнхен» на Спортплац перед казармой. Отряд самых лучших радистов ежедневно поддерживал связь с Берлином и другими военными округами, через нее шла и часть служебной переписки. Небольшие гарнизоны имели свои радиостанции, которые работали каждый день по несколько часов. Для мюнхенской радиостанции были построены две мачты из стальной сетки, заменив ими старые деревянные.

В 1930 г. при Центральном почтовом управлении рейха в берлинском районе Темпельхоф были организованы общие учебные курсы для офицеров связи сухопутной армии и военно-морского флота. Офицеров-связистов на них представлял полковник Плегер. Мы прослушали интересные обзорные лекции в этом ведущем техническом учреждении. Обмен опытом, полученным в работе со столь вариативной техникой, и ее использование совместно с другими частями рейхсвера было уже вопросом частным.

Живительные горные тренировки имели одно преимущество. В пределах страны были только предгорья, Центральные Альпы давали единственную возможность для «высокогорных походов с целью отработки тактики». В роте образовали патрули, в которые входили командир и пять солдат. Летом Зеллинг взбирался с ними на Тоди (3614 м) и Юнгфрау (4158 м). Зимой, уже под мартовским солнцем ходил я с пятью солдатами, опытными горными восходителями, заслужившими в качестве поощрения возможность пробежаться на лыжах в горах Сильвретты. Мы пересекли этот горный массив с востока на запад и с запада на восток. Переходя от одной хижины к другой, мы видели возвышавшиеся рядом на свыше 3000 м вершины: Пиц-Буин, Пиц-Тасна, Драйлендершпитце и другие, на них еще не проложили канатную дорогу. Затем мы спускались по мощному леднику, фирн ослепительно блестел на солнце. Загоревшие до черноты, так что на нас обращали внимание, мы посетили Давос, Понтрезину и Брегенц, где наш последний день посвятили отдыху.

В Тюрингии, оказавшей нам сердечный прием, в 1931 г. прошло учение рот радиосвязи 5-го, 6-го и 7-го батальонов связи; многочисленные внутренние границы напомнили о минувших временах партикуляризма. О чистоте улиц в пределах бывших узких границ заботились столичные в прошлом власти. Отношение к соседям в приграничных местностях было хуже, чем между чужими странами. Во взаимодействии частей, чего не практиковалось

раньше, совершенствовалась радиосвязь, заимствовался чужой опыт, и отдельные ошибки уже не повторялись. Наши роты сработались настолько, что командирам для руководства нами достаточно было одного незаметного знака. Командующий полковник Закс по результатам первых двух дней учений присудил нам первенство по скорости передачи сообщений и наименьшему числу ошибок. Затем были официально объявлены эти результаты, чтобы ни у кого не было тайной обиды.

После возвращения с маневров для меня была неожиданной новостью о моем переводе 1 октября 1931 г. в Кёнигсберг в Восточной Пруссии в должности штаб-офицера войск связи 1-го военного округа. Прощание с моей ротой, которой я командовал четыре года и которая стала одной большой семьей, далось мне исключительно тяжело. Я и мой вышестоящий командир майор Лёвенек часто спорили, но и он все меньше стал вмешиваться в мои дела. Даже выдающийся командир дивизии генерал фон Лееб хвалил не один раз мою роту. Теперь меня меньше пугала дальняя сторона, чем канцелярская работа.

Восточная Пруссия, 1931-1933 гг.

Двое суток в пути по железной дороге дали мне время вернуться в воспоминаниях к последним десяти годам моей жизни. Фундаментные стены сгоревшего в поражении пышного здания имперской немецкой армии оказались настолько прочными, что выдержали еще землетрясение пятилетней гражданской войны. Затем небольшое чистенькое здание – рейхсвер – соответствовало значению находившейся вокруг государственности. Средство для восстановления бывшего величия и значимости без всяких внешних украшательств отсутствовало. Вполне осознанно жители дома одарили налогоплательщика своим безукоризненным ручным трудом. Обитатели верхних, светлых этажей прошли через столько испытаний телесных и духовных, что за ними было признано право быть руководителями государственного предприятия. Они не были холодными и трезвыми рутинерами или унифицированными генеральными директорами, но умными, имевшими жизненный опыт, сердечными людьми, которые внутренне и внешне научились управлять собой и совершенствовались попечительством. Стоит только назвать командиров 7-й Баварской дивизии, с которым меня свела судьба и по службе, и чисто по-человечески: генералы риттер фон Мель, фон Руйт, барон фон Кресс и риттер фон Лееб были сильными личностями. Они заслужили доверие своих подчиненных тем, что понимали как само собой разумеющееся обязательность военнослужащего выполнять приказ. Они подтвердили правоту одного изречения, которое так сформулировал Освальд Шпенглер в докладе перед командованием мюнхенского военного округа: «Мольтке после немецко-французской войны 1870 – 1871 гг. превзошел в одном пункте Бисмарка. Это касалось выстраивания иерархии офицерского корпуса в сравнении с таковой тогдашнего чиновничества. Мольтке при повышении в звании сдал так много экзаменов и прошел столько аттестаций, что решительно разделался со всеми своими недочетами. Тем самым он побудил других постоянно совершенствовать свои знания, чтобы результат свидетельствовал о качественных и важных достижениях и только лучшие назначались бы на ответственные должности. Средний чиновник не чувствовал себя обязанным заботиться о своем дальнейшем образовании, тем более когда он получил постоянное место работы. При всем своем безразличии и преждевременном старении вплоть до 65 лет он не мог быть отстранен от дел».

На вокзал на Фридрихштрассе, откуда я отправлялся в дальний путь в сторону Берлина и дальше, прибыли Бриан²⁹ и Лаваль³⁰ для переговоров с правительством рейха. Несколько жидких голосов прокричали: «Да здравствует Франция!» В Европе еще не установился прочный мир. Обещания Версальского договора, как, например, всеобщее разоружение, были не выполнены, только нас, немцев, он принудил к этому.

Поляки, чехи, итальянцы, французы – у всех была всеобщая воинская повинность. Германия спустя 12 лет после войны продолжала оставаться в неравноправном положении. «Польский коридор» разделял немецкое государство на две части. Немецкие солдаты на участке между Коницем³¹ и Мариенбургом³² должны были сдать свое оружие, даже штыки, в plombированные товарные вагоны. Польские кондукторы проверяли билеты в любое время суток.

²⁹ Бриан Аристид (1862 – 1932) – французский политический деятель. В описываемое время, с апреля по январь 1932 г., руководил французской дипломатией.

³⁰ Лаваль Пьер (1883 – 1945) – французский политический деятель. Занимал различные посты в правительстве в 1925 – 1926 гг., 1930 г. В 1931 – 1932 гг. премьер-министр. Позже, в июне 1935 – январе 1936 г., также премьер-министр. Сотрудничал с гитлеровцами в 1940 – 1945 гг., за что был казнен.

³¹ Ныне Хойнице в Польше.

³² Ныне Мальборк в Польше.

Ранним дождливым утром 1 октября 1931 г. в Кёнигсберге³³, одетый в светлый спортивный костюм, я стоял на Кранцер-Аллее на остановке трамвая, едущего в направлении города. Мой новый шеф, начальник штаба полковник фон Рейхенау, еще до войны, тогда в чине лейтенанта прусской гвардии, занимался спортом. Отличавшийся наследственной полнотой, которая заставляла его наклоняться немного вперед, он не пропускал ни дня занятий бегом и теннисом. Прежде он был командиром 5-го батальона связи в Каннштатте³⁴, потом – инспектором войск связи. Он был в курсе наших проблем, но они его не интересовали. Он предоставил мне свободу деятельности на моем новом месте работы, и, когда я просил его о чем-нибудь, он охотно шел мне навстречу. Его интересы сосредотачивались на внутривнутриполитических вопросах, которые он обсуждал в конце недели в кругу знакомых. По возвращении он отработывал карамболи³⁵.

Командующий 1-м военным округом генерал фон Бломберг был разносторонне образованным аристократом. Слушать его продуманные критические замечания было наслаждением. Имея жену и пятерых детей, он был примером образцовой семейной жизни. В его прихожей я часто встречал офицеров-канцеляристов, видел посетителей и слышал их разговоры. Чаще всего мне приходилось доставать ему книги. Он прочитывал все новинки политической и военной тематики. Бломберг зачастую длительное время отсутствовал, участвуя в заседаниях Комитета по разоружению в Женеве.

Моя служба свела меня с начальником оперативного управления штаба подполковником фон Салмутом, который ясно и по-деловому, но с некоторой долей услужливости излагал свое мнение. Небольшой штаб связистов был подобран очень удачно. Технический обер-инспектор Пестингер, великолепный знаток своего дела, разрабатывал аппарат войсковой связи, коммутаторы и радиостанции для военного округа и гарнизонов, занимался тарифами и доставкой оборудования. Офицер ландвера обер-лейтенант Клейндинст, старательнейший человек, который мне когда-либо встречался, все нескончаемые списки личной подготовки и схемы связей при мобилизации держал в голове и порядке.

Горы бумаг в моем кабинете все так же росли. Из-за сигар, выкуриваемых мной одна за другой, воздух был отравлен. Голова уже с утра была тяжелая. И тогда я прекратил курить раз и навсегда. Постепенно я обрел смысл и понимание многих дел, которыми мне было нужно заниматься, прежде всего это: связь между рейхом и нашим отдаленным военным округом, связь между командованием военного округа и гарнизонами, районами формирования войск и пограничными территориями, стационарные радиостанции и станции прослушивания, аппараты, собаки связи, частные вопросы подготовки к мобилизации, учебные занятия для офицеров штаба.

Командование военного округа переехало в три новых здания на Кранцер-Аллее, которые для вражеских самолетов должны были выглядеть как жилые дома. Полуподвальный этаж имел мощное бетонное перекрытие. Здесь располагался коммутатор. Ежедневно велись разговоры о вражеских бомбардировщиках, против которых не было действенной защиты. С той стороны границы от поляков слышались на повышенных тонах требования репрессалий и ввода войск в провинцию, которую защищал небольшой отряд солдат. Подобное происходило в 1923 г. в Рурской области, занятой французами. Проводная связь с рейхом поддерживалась по двум подводным кабелям, которые выходили на сушу в Пиллау³⁶, где среди береговых батарей располагался усилительный пункт системы передачи с ЧРК. Покрашенный в белый цвет, он представлял собой со стороны Данцигского залива прекрасную цель. Зна-

³³ С 1946 г. – Калининград.

³⁴ Ныне район Штутгарта.

³⁵ Карамболи – удары в бильярде.

³⁶ Ныне Балтийск.

чение подводного кабеля по-разному оценивали флотский офицер капитан-лейтенант фон Фридебург и морской комендант Пиллау с его штабом. Мнения были прямо противоположными: одни утверждали, что в первую же ночь конфликта кабель выловят и перережут, другие говорили, что противник его не найдет, да и не будет он о кабеле тревожиться.

Междугородные кабели из Пиллау, Эльбинга³⁷, Алленштейна³⁸ и Инстербурга³⁹ сходились в Кёнигсберге в шахте перед зданием центральной телефонной станции на Херкулес-плац. Отверстия в решетчатой крышке люка, выходящего на тротуар, предоставляли прекрасную возможность перерубить кабель осколком или повредить его каким-нибудь другим способом в результате диверсии. Мною были сделаны предложения, как обезопасить эту жизненно важную связь. Предложения, где речь шла о паре сотен марок, рассматривались целый месяц в трех министерствах; в пределах этого треугольника бумаги ходили туда-сюда: от министерства почт рейха в министерство рейхсвера, затем в министерство внутренних дел рейха, в «компетенции» которого была воздушная оборона. Дело окончилось ничем. У стационарной радиостанции имелась большая деревянная мачта, крепившаяся множеством растяжек. Одно случайное попадание могло нанести непоправимый урон этому сооружению и оборвать резервную связь. Я предложил возвести стальную мачту без промежуточных опор, как в Мюнхене, которую построили два года спустя. Цитадели Кёнигсберга по условиям мирного договора было оставлено несколько тяжелых орудий армии рейха. Крепостной холм был соединен с кабельной сетью цитадели. Средства для строительства были так неумело использованы, что невозможно было вести переговоры между фортами, не говоря уже о переходе к почтовой телефонной междугородной связи.

Офицер связи в цитадели был старше меня, все обостренно воспринимавшим. Поэтому было затруднительно предлагать ему какие-либо рационализаторские планы. Мы пупинизировали⁴⁰ телефонную сеть цитадели и добились в работе необходимого взаимопонимания. В укреплениях Лётцена⁴¹ мы обнаружили забытый всеми крепостной кабель, который мы также пупинизировали и вновь восстановили телефонную крепостную сеть. Комендант крепости проявил большую заинтересованность в поиске. Его офицер штаба, мой старый учитель военной истории Шпанг, оказал мне большую поддержку. Инспектор войск связи генерал фон Бонин и я побывали в его бывшем батальоне в Лётцене. Активной поддержки всем моим начинаниям я от него не получил. В Восточной Пруссии фон

Бонина называли «красным полковником», потому что он на посту начальника штаба 1-го военного округа попытался привить офицерам социал-демократические взгляды с помощью организаций подобного толка. В аграрной провинции он потерпел фиаско. Старики охотнее поддержали консервативного депутата рейхстага фон Ольденбурга-Янушау. Молодежь стояла за национал-социалистов, которые были готовы защищать приграничную провинцию. Никто из немногочисленных социал-демократов, соратники которых в рейхе были известны своими антивоенными взглядами, не надеялся, что им окажут действенную поддержку в деле защиты большевизма.

Начальник 7-го отделения контроля (связи), чья помощь была бы особенно ценна для меня, считал тренировки в горах более важным и занимательным занятием. Мне так и не удалось его увидеть в течение двух лет моего пребывания в Восточной Пруссии. При желании вполне можно было бы совместить работу и развлечения. Однажды мой друг дипломи-

³⁷ Ныне Эльблонг в Польше.

³⁸ Ныне Олытын в Польше.

³⁹ Ныне Черняховск.

⁴⁰ Михаил Пупин (1858 – 1935) – американский физик. Изобретатель индукционной катушки, используемой в линиях телефонной связи, которая уменьшает демпфирование и увеличивает радиус действия телефонных аппаратов.

⁴¹ Ныне Гжицко в Польше.

рованный инженер капитан Бойтель прибыл в Пиллау для инспектирования 20 телефонистов флота. В мою бытность штабным офицером войск связи я должен был проинспектировать сотни таких телефонистов 1-го дивизиона, но флоту потребовался для этого дипломированный инженер из Берлина, вместо того чтобы поручить ему, например, рассчитать здесь проект модернизации крепостной телефонной сети. Начальником вновь построенной радиоприемной станции кенигсберской цитадели был мой подчиненный обер-лейтенант Рандевиг, один из самых изобретательных молодых офицеров-связистов и в то же время завсегдагой всех вечеринок в казино. Несмотря на это, мы с ним быстро нашли общий язык. Начальника крепостной радиостанции, тоже моего подчиненного, надо было всегда подталкивать, с Рандевигом дело обстояло наоборот. Его нужно было скорее сдерживать.

В приграничных районах провинции, где ощущался недостаток в обычных средствах связи, люди на свои средства восполняли их в целях обороны страны; им было чуждо бюрократическое мышление. Я не получал от них никаких счетов за выполненную ими работу, хотя местной телефонной сети от нее была одна только польза. Почтовый советник Келер, председатель комитета по надзору за строительством телеграфной сети в Гумбиннене, проложил линию связи через заброшенную пустошь Роминтер⁴². Новую телефонную станцию в Лётцене он доукомплектовал параллельно подключавшейся аварийной подстанцией в подвальном помещении, которая приводилась в действие одним переключением простого тумблера. Председатель комитета по надзору за строительством в Алленштейне почтовый советник Вестфаль оборудовал бесплатно в подвале нового почтового отделения Ортельсбурга⁴³ подобную аварийную подстанцию. Он вместе со мной объехал свой пограничный округ, и мы остановили готовую начаться автоматизацию почтовых мест. Она привела бы только к сокращению почтовых работников, которые прекрасно ориентировались в местных условиях.

Клейндинст постарался разыскать в архивах донесения о наступлениях русских в 1914 – 1915 гг. Результат обработки богатого материала был крайне поучителен. В 1914 г. отсутствовало всякое взаимодействие между военным командованием и почтой рейха. Еще не было понимания того, насколько важен сбор разведанных через почтовую сеть, ведь именно через нее войска связывались друг с другом. Представление о тотальной войне, требовавшей предельного напряжения сил и средств, было еще впереди. Впервые заронили мысль о ней казаки. Так случилось, что отважные и сознательные почтовые служащие, которые вплоть до вторжения неприятеля и даже какое-время спустя после него сидели за своими аппаратами, не знали всех ценностей их наблюдений. Ни один дешифровальщик не задумался о том, что на территориях, не занятых войсками и за которыми не велось наблюдение, можно было через гражданские линии собирать сведения о противнике, вместо того чтобы задействовать кавалерию. Когда в сражении при Танненберге в августе 1914 г. Людендорф попробовал связаться с помощью почты с 1-м резервным и 17-м корпусами, наступавшими с флангов с целью охвата противника, обнаружилось, что почтовые служащие в панике бежали. На многих рабочих местах никого не оказалось. Все забыли даже отключить связь. Уцелевшая телефонная сеть так и не была использована. 8-е телеграфное управление тыла, перед которым могли быть поставлены подобные задачи, бездействовало в Диршу⁴⁴, как до сражения, так и во время его. Опытные тактики могли, вероятно, не иметь никакого представления о своих задачах и возможностях.

О результатах моих исследований я рассказал на учебных занятиях в Обществе офицеров-резервистов, говорил я и о соответствующих возможностях современного положения.

⁴² Ныне Краснолесье.

⁴³ Ныне Щитно в Польше.

⁴⁴ Ныне Тчев в Польше.

Мы напечатали карту в масштабе 1:100 000, на которой цветом отметили все почтовые линии и места конечных подключений для районов сосредоточения всех тех соединений, которые подлежали мобилизации. Из нее можно было узнать, как выйти на связь с передовыми и соседними частями или гражданскими учреждениями.

Рейхсканцлер фон Папен посетил Восточную Пруссию, чтобы на пустоши в Роминтере подстрелить оленя, как он это проделывал ранее вместе с кайзером у своего охотничьего замка. Папен заявил при посещении Гумбиннена, что экономия требует упразднения главного почтового управления. На следующий день Келер посетил меня и попросил о помощи. Рейхенау составил подписанную Бломбергом телеграмму министру рейхсвера с просьбой в целях обороны страны сохранить важное учреждение. В течение недели пришел положительный ответ. Меня обрадовали перспективы моей дальнейшей деятельности. Молодые почтовые советники, уже видевшие себя «в рейхе», были разочарованы.

Каждую зиму треть всех войсковых аппаратов связи подвергалась проверке. В основном все они функционировали нормально. Я познакомился со всеми небольшими гарнизонами на границе, с офицерами-связистами и знал все взводы, как и их командиров. В декабре 1931 г. в сильный снегопад я посетил учебные курсы собак связи на учебном плацу Арюс. Эти храбрые животные были теперь в пехоте и артиллерии. Теперь линии связи получили продолжение в собачьих следах. Причем в местах их пересечения не происходило путаницы, у собак пехоты и собак артиллерии было разное чутье. Однажды вечером мы сидели с лесничими, когда раздался сигнал тревоги: на плацу волк. Чья-то шутка, что это сбежавшая собака, не подтвердилась. В этот же вечер был застрелен матерый волк, который пришел из Польши через пустошь Йоханнис-бургер. Один старый солдат на чисто выметенном учебном плацу в Арюсе, в самом дальнем заброшенном уголке немецкого рейха – на ледяном Востоке, охваченный воспоминаниями, рассказывал о рейхсканцлере Брюнинге. Он знал его как отважного командира пулеметной роты времен войны. Ему передавались наша вера в успех и надежда покончить с бедственным положением в рейхе и избежать опасности войны. Или целый ряд «чрезвычайных приказов» вел к успеху?

Многие пограничные гарнизоны имели мрачный вид. Люди коротали длинные ночи в казино. У многих пристрастие к алкоголю играло не последнюю роль. Меня удивляло, что двое ротных командиров не находили ничего необычного в том, что задолженность их рот превысила 100 тысяч марок. Мне доставляли головную боль даже тысяча или две тысячи марок, когда в Мюнхене у моей роты накапливались задолженности за форму и тому подобное. Мой конюх ефрейтор Дашнер доставил моего коня из Мюнхена в Кёнигсберг. Он хотел, привыкший служить под моим началом, перевестись в Восточную Пруссию. После восьми дней раздумий он попросился обратно в Мюнхен. Человек из баварского леса не мог приспособиться к непривычному поведению людей другого склада.

Везде встречались зальцбургские названия: Ульмер, Неслинггер, Зиннхубер. Земля, с которой 200 лет назад были изгнаны ее предки, не видела ни одного из них. В то время как для нас не было никакой границы между Германией и Австрией, для местного населения это была далекая, все еще католическая страна. К католицизму жители Восточной Пруссии испытывали недоверие, как и в отношении католической Польши, ее недружественного соседа, расположившегося между ними и рейхом. Это противостояние напомнило о временах первой битвы под Танненбергом в 1410 г., когда поляки одержали победу над рыцарями Тевтонского ордена⁴⁵. Я прочитал книгу «Генрих фон Плауэн» Вихерта и побывал в этих исторических местах. Другим справочником о важных исторических событиях был «Путеводитель по полям сражений в Восточной Пруссии» полковника фон Рейхенау.

⁴⁵ Имеется в виду Грюнвальдская битва 15 июля 1410 г. у селений Грюнвальд и Танненберг (Стембарк).

Мне было нелегко освоиться на новом месте. Здесь мои способности вряд ли могли принести какую-либо пользу. Служба в гвардии, аристократическое происхождение, страсть к охоте, карточная игра. Не завел я и никаких «связей в местном обществе». Пока не приехала моя семья, я самостоятельно выбирался на экскурсии в выходные. Я ездил на побережье Балтийского моря, Куршскую косу, в Пиллау, на фабрику янтаря в Палмникен⁴⁶, в Брюстерорт⁴⁷. Большинство впечатлений были неповторимы. В Кёнигсберге рвы и валы цитадели, берега Замкового и Верхнего прудов покрывал ковер ярких цветов. По вечерам в старом винном ресторане «Блутгерихт» в замке меня согревало бургундское. Постоянно дул свежий ветер, преимущественно «Казацкий зефир» с востока. Однажды в отеле «Кройц» меня привлекла в меню «баварская ливерная колбаса». На серебряном подносе официант принес несколько ломтиков холодной колбасы – известного баварского национального блюда. Поданное холодное баварское пиво не имело никакого вкуса. Непогода заставляла прибегать к общепринятым напиткам в качестве противоядия от сырости и ветра. По поводу грога ходила непереносимая шутка – для него необходим ром, по возможности сахар, вода излишня. Летом требовалось холодное пиво; для полезности добавлялась «беленькая», чистейшая картофельная водка.

В темный ноябрь приехала моя семья. Квартира была прекрасна, но ее продувало с востока на запад и с запада на восток. В продуваемой ветрами комнате, несмотря на большую кафельную печь, невозможно было жить. Западные архитекторы не приняли во внимание своеобразный климат страны.

Проходившие распродажи облегчали ведение домашнего хозяйства. Цены на рынке были в два раза меньше мюнхенских, в гостинице, правда, цены были вдвое выше. Никогда прежде нам не доводилось видеть такого изобилия дешевых окороков, гусей, карпов, как в Кёнигсберге. Для отдыха от канцелярских забот я отправлялся зимой на полуостров Земланд у Раушена⁴⁸ или совершал пробежку на лыжах вместе с женой по заснеженной узкой полосе песчаного пляжа, с одной стороны от которого бушевал прибой, с другой поднимался крутой обрывистый берег. Весной, когда мы шли из Кранца⁴⁹ в Розиттен⁵⁰, нам преградил дорогу могучий лось. Мы сошли с велосипедов и рассматривали его в восхищении какое-то время, пока он не скрылся в лесной глуши. Мы наблюдали, как парил над дюнами в потоке восходящего воздуха планерист. В Розиттене на орнитологической станции нас встретил профессор Тинеман, он рассказывал нам не только о кольцевании птиц, но и о местных обычаях. На конном заводе Тракенен, в охотничьем замке кайзера в Роминтене (ныне Краснолесье), мы наблюдали за великолепными быстроногими жеребцами. На небольшом пароходе мы плавали по Мазурским озерам в окружении бесконечных лесов. В глубоком благоговении мы стояли перед памятником Танненбергской битве⁵¹ и воспринимали его не как символ победы в когда-то бывшей кровавой битве, но скорее как устремленный к небу знак, предупреждавший народы Востока: «До этого места, и ни шагу дальше!» Одна из боковых ниш памятника была посвящена бойцам телеграфных и иных войск связи, павшим на Первой мировой войне. Мы побывали в замках ордена в Западной Пруссии в Мариенвердере⁵² и

⁴⁶ Ныне Янтарный.

⁴⁷ Ныне Маяк в составе поселения Донское.

⁴⁸ Ныне Светлогорск.

⁴⁹ Ныне Зеленоградск.

⁵⁰ Ныне Богатово.

⁵¹ В 1945 г. немцы его взорвали.

⁵² Ныне польский Квидзын.

Мариенбурге⁵³, видели памятники с надписью: «Эта земля останется немецкой». Мало кто из местных жителей знал обо всех этих красотах родной земли.

В марте 1932 г. полковник фон Рейхенау совместно с офицерами генерального штаба и офицерами-связистами повторил на местности – на высотах Егерхёе и у Ангебурга⁵⁴ – сражение в Мазурском поозерье в 1914 г. В полдень мы прошли на буерах по Швенцайт-Зе и на лыжах большое расстояние по слежавшемуся снегу Мауэр-Зе. Постоянно дувший сильный ветер нанес метровый слой снега в ветровой тени и оголил, превратив в застывшую наледь, наветренные склоны. Затем энергичный капитан приступил к бурной деятельности, чтобы напомнить о забытой всеми провинции. Она была все так же мало населена, и, казалось, правительство рейха списало ее, что и являлось конечной целью воинственного соседа. Рейхенау отправил обер-лейтенанту Мартину из тренировочного батальона сенсационное сообщение: «Внимание! Говорит Остмарк. Сегодня ночью польские войска перешли границу Восточной Пруссии». Это сообщение выглядело настолько правдоподобным, что ему многие поверили. Мартин, один из лучших знатоков бесчисленных пограничных инцидентов, наглядно описал, как незащищенные пограничные казармы рейхсвера подверглись неожиданному нападению польских войск.

Посыпались жалобы, что теперь неопределенность и опасения умножатся, кредиты будут отозваны. Правительство рейха заявило, что агрессивные действия в отношении провинции приведут к ответным мерам и ситуация, подобная оккупации Рура, не повторится. Было решено укрепить «Хейльсбергский треугольник». Версальский договор запрещал строительство оборонительных сооружений в приграничной 50-километровой полосе. Хейльсберг⁵⁵, расположенный в центре провинции, не подпадал под этот запрет, с тактической точки зрения он имел выгодное местоположение. В течение кратких летних месяцев 1932 г. были возведены внушительные для того времени укрепления, говорившие о готовности к обороне. Все это, начиная от покупки земли для строительства до выполнения работ согласно принятым планам, было блестящим достижением саперов и тех, кто помогал им. Наше участие заключалось в обеспечении связи – в прокладке крепостного кабеля в зоне обороны. Удалось обеспечить надежную связь между наблюдательными пунктами и боевыми позициями, командными пунктами и частями. В техническом плане мы удачно применили многожильный кабель и армирование. Как и в предыдущих случаях, просьба о помощи не находила никакого отклика и у инспекторов, и у военного управления. Это давало то преимущество, что никакие предписания, принятые за столами, крытыми зеленым сукном, не тормозили работу связистов, которые подладились под быстрый темп саперов. Вот только завершение строительства привело к политическим осложнениям. Город Эльбинг (Эльблонг) прислал безработных, которые вместо того, чтобы работать, доили для себя коров на лугу и преследовали крестьянских девушек. Их пришлось отослать обратно. Во время учения по противовоздушной обороне, которое охватило всю провинцию, мы выставили 600 наблюдателей за воздухом и караульные противовоздушные команды и проверили их готовность. В заключение я устроил учебную воздушную тревогу для жителей Кёнигсберга. Вместо того чтобы не мешать горожанам вовремя спуститься в подвалы, коммунистическая пресса призвала народ выйти на улицу и помешать «фашистским закулисным силам» злоупотребить его доверием.

Летом 1932 г. в Тюрингии прошли учения войск связи всех армейских дивизий. Маневры готовили подполковник Шмидт, начальник инспекции войск связи, и капитаны Винтер и Расп. Им удалось придать маневрам на большой территории энергичное «свобод-

⁵³ Ныне польский Мальборк.

⁵⁴ Ныне Венгожево (Польша).

⁵⁵ Ныне Лидзбарк-Варминьски.

ное течение» в максимально приближенных к боевым условиям. В качестве представителей 1-й дивизии я, вместе с несколькими подразделениями телеграфной и радиосвязи, и капитаны связи Шмундт и Фангор прибыли в исходное место расквартирования в Баварию, в Хоф. На месте нас встретили бело-голубые баварские, белозеленые саксонские и бело-черные прусские флаги. Но приветствовали подобным образом не нас, а отмечали День артиллериста полевой артиллерии, к празднованию которого ожидалось прибытие кронпринца Рупрехта Баварского. Сразу по приезде нас пригласили на торжественное мероприятие. Вопрос был довольно щекотливым, так как требовалось соблюсти некие правила. В Хофе не было гарнизона, к которому я мог бы присоединиться. Я обратился за советом к командующему гарнизоном Нюрнберга. Первым вопросом капитана Боденшатца было: «Будет ли личный состав приветствовать Рупрехта как короля?» Этого предусмотрено не было. Я задал еще один вопрос: «Уместны черно-красно-золотые флаги?» Это не имело отношения к делу. Говорить об этом в последний момент выглядело бы глупой отговоркой гостей, приглашенных к нашему досточтимому хозяину. Итак, мы отправились на праздничный вечер, больше не поднимая вопрос о флагах. Мои офицеры были усажены за отдельный стол. Я представил их кронпринцу, который дружески нас приветствовал. Отряд трубачей из бывшего 6-го полка полевой артиллерии из Фюрта в старой униформе, к которой полагался красный плюмаж на шлемах, играл военные марши. Генерал фон Гюслинг приветствовал генерал-фельдмаршала. Затем подошли государственные служащие: бургомистр и председатель окружного управления. Для них Рупрехт был некоронованный король, которому они оказывали соответствующие почести. Подобное случилось впервые в индустриальном городе, который прежде называли красным, как и Хохбург.

Когда кронпринц прощался со всеми, мы сидели в кругу старых генералов и придворных. Нас потрясло, как они были далеки от проблем, которые были для нас первоочередными. «Польский коридор» и опасность войны для отдаленной провинции были для них, здесь, к югу от Майна, так же далеки, как в «Фаусте» Гёте: «...там далеко в Турции народы бьются». То, что они не имели никакого представления об учениях радистов, было для почетных престарелых господ объяснимо. Учения шли без перерыва целую неделю. С помощью наших радиостанций мы поддерживали связь с корпусом и соседями, одновременно по карте согласно плану мы проигрывали ситуацию с несуществующей телефонной связью. За это мы заслужили особую похвалу от инспектора полковника фон Бонина и его начальника подполковника Шмидта. При окончательном подведении итогов в Моксион-отеле в Зальфельде мы услышали о нейтральной широкоохватной проволочной сети, подключенной в учебных целях к почте рейха.

В осенних маневрах в Восточной Пруссии 1-я пехотная дивизия противостояла конной бригаде из 1-го и 2-го конных полков, прибывшей с восточной границы. Подобно тому как саперы блокируют железнодорожное сообщение, военные подразделения почты должны прерывать телефонную и телеграфную связь. Однако привычные мероприятия были недостаточны. Советник почт Келер был готов пожертвовать уже действовавшей линией связи Гольдап⁵⁶ – Даркемен⁵⁷. Это значило, наряду с его уже проложенными линиями связи, выбросить деньги на ветер.

На последний день учений, которые должен был проводить 1-й отдел командования в Берлине в лице генерала Хассе, замок Дона-Шлобиттен⁵⁸ был выбран для размещения штаба. Была поставлена задача – организовать обширную сеть связи для командования и всех промежуточных инстанций и приступить к ее использованию. 1-й батальон связи полу-

⁵⁶ Ныне Голдап в Польше.

⁵⁷ Ныне Озёрск.

⁵⁸ Ныне Шлобити в Польше.

чал необходимых специалистов из дивизии. Мы подключали нашу сеть только к почтовой связи. Для эксплуатации сети мы привлекли телефонисток из Кёнигсбергской цитадели. Это были замечательные специалисты, последние представители бывшего Женского корпуса связи, сформированного в 1918 г. Тем самым мужчины-телефонисты высвобождались и могли быть использованы на фронте. Полковник Хот, начальник оперативного управления штаба, как только прибыл по месту командировки, сразу же взялся за телефон, стоявший на ночном столике, чтобы проверить, как действует связь, и услышал милый женский голос. Он принимал и раньше участие в маневрах и всегда сталкивался с равнодушным отношением личного состава. Церемониал размещения на постой в княжеском замке был торжественным действием. Ливрейные лакеи допустили при этом только одну ошибку – за ужином они наполнили бокал вином лишь *один раз* наполовину. Затем присутствовавшим была предложена *одна* посредственная сигара и *одна* небольшая бутылка пива. Это не могло утолить нашу жажду после целого дня жары и пыли. В окрестностях замка не было ни одного ресторана. Мы, молодежь, объединились с гувернером. Он – учитель физкультуры – по рекомендации Рейхенау должен был тренировать имевшего слабое здоровье их светлейшество. Вечером мы распили с ним ящик пива, добытого не совсем легальным способом. Маневры проходили по плану. Командованию был важен результат. В последний день появился министр рейхсвера генерал фон Шлейхер. Бледный и обрюзгший кабинетный червь был разительной противоположностью жилистому генералу Хассе, стройному генералу фон Бломбергу и загорелым офицерам соединений. То, что Шлейхер рассказал нам о коневодстве, было для нас, солдат, которые здесь на границе принимали близко к сердцу важные вопросы, чистым пустяком. Вечером многочисленное семейство Дона собралось в избранном кругу. Шлейхер заставил ждать себя полчаса. Затем он сказал молодой княгине, не извинившись, с непередаваемым нахальством: «Ну, теперь мы можем пойти обедать».

Напоследок редкие представители далекого города рейха хотели услышать нечто важное. Кузен князя прошел с небольшой группой через огромный зал аудиенций замка, затем провел всех в роскошную спальню и с понятной гордостью сказал: «В этой постели в качестве гостей моих предков спали все правившие Гогенцоллерны начиная с Фридриха II Великого». В одной из гостиных лежали на полу и висели на стенах турецкие ковры и стояла шахматная доска с фигурками из слоновой кости. Этот ценный предмет подарил когда-то германский император одному из князей Дона за храбрость, когда тот в сражении под Веной захватил шатер турецкого султана.

При проведении маневров поместья и замки играли важную роль для постоя. Был составлен своего рода «календарь постоя». Радужное отношение к солдатам выказывали как в замках, так и в «усадебках» зажиточных крестьян. Много было выпито и съедено. Обширная, недавно освоенная страна рождала щедрых и великодушных, возможно, несколько грубоватых людей. Владельцы поместий и хуторяне гарцевали на местных замечательных лошадях. Летом можно было наблюдать, как по полю несется галопом запряженная четверкой лошадей подвода. Напротив, дома безземельных крестьян имели заброшенный вид. Ничто не говорило о любви к домашнему очагу – ни один ставень, ни один забор, ни сад при доме. Неудивительно, что патриархальные консерваторы, которые прозевали момент социального надлома, теряли голоса избирателей в пользу новой партии. Гостиницы в небольших городках были неухожены. Собственно, в Гумбиннене⁵⁹ на мое требование принести меню следовал один и тот же ответ: «Есть котлета с огурцом, бутерброд с сыром или колбасой». Огурцы нейтрализовали жир. Сыр был представлен засохшим тильзитером, колбаса была твердокопченной. Тратилось больше денег на выпивку, чем на нормальную еду. Зимой

⁵⁹ Ныне Гусев.

я проводил одну неделю в Алленштейне⁶⁰, другую – на учебе офицеров-резервистов в Гумбиннене, что было в основном повтором занятий почтовиков рейха. Однажды в Кёнигсберге я созвал на совещание почтовых служащих высшего и среднего звена. После официальной части они ожидали, что я выставлю им бочку баварского пива и свиные колбаски с кренделями для угощения на моей квартире. После еще долгое время вспоминали о том, что все эти чиновники, которые ежедневно видят друг друга на работе, первый раз за всю их долгую почтовую службу собрались вместе у меня и поднимали тосты на брудершафт.

Егерский батальон в Ортельсбурге⁶¹ в новых казармах «Граф Йорк» сохранил старую традицию и в охотном деле. У него был «Соколиный двор», на котором обер-лейтенант Кнабе держал соколов, ястребов и орланов-белохвостов. Подобно конной охоте Средневековья кавалеристы мчались галопом, а над ними парили хищные птицы, готовые наброситься на зайцев, кроликов и уток. С усмешкой рассказывали о том, как встречали офицеров, переведенных из рейха на дальнюю границу. Об их приезде узнавали еще на предыдущей станции. В ранних зимних сумерках к поезду подавались сани в окружении конных солдат, увешанных карабинами. Прибывшему офицеру шептали на ухо, что местность кишит волчьими стаями и потому необходимо на всякий случай обезопасить себя. Потом ехали через темный лес, солдаты постоянно постреливали в воздух, у пассажира в санях росло чувство тревоги. Сделав огромный крюк и прибыв наконец в часть, новичка поздравляли с тем, что он выпутался из опасной ситуации, и все заканчивалось приветственным тостом. Розыгрыш могли устроить и во время облавы на дикого кабана. На охотника, сидевшего в засаде, выпускали домашнюю свинью, выкрашенную до черноты с помощью сапожной ваксы. То-то было потехи после меткого выстрела.

Осенью 1932 г. начальник штаба фон Шаппуи вместе со мной посетил министерство рейхсвера, где полковник фон Бредов, начальник управления министерства, и министри-альди-ригент Клаузенер, представлявший министерство внутренних дел рейха, объявили на довольно нервном заседании о запрете штурмовых отрядов. Сложные внутривластные отношения, в которые вмешалось правительство рейха, были безрадостны. Нам предстояла задача защитить находившиеся под угрозой границы и поставить на учет каждого добровольца. Небольшие боеготовые гарнизоны не могли удержать провинцию. 11 декабря 1932 г. на учебных курсах в школе артиллеристов и связистов в Йютербоге по радио мы услышали речь нового рейхсканцлера фон Шлейхера. Она нас глубоко разочаровала.

Гитлер был пару раз в Кёнигсберге, он останавливался у пастора военного округа Мюллера. Ни для кого не было тайной, что он по вечерам беседовал с ним и Рейхенау. В середине января 1933 г. Мюллер пришел ко мне в приемную Бломберга и Рейхенау. Он показал мне документ министра рейхсвера, в котором «брауншвейгский регирунгсрат Гитлер» приглашался на его служебную квартиру для встречи. Мюллер раньше служил на флоте и был примерным военным капелланом. В замковой церкви, где венчались на царство прусские короли, висели знамена восточнопрусских полков, под которыми они ходили в атаку вплоть до последней войны включительно. За каждым богослужением, когда почти все офицеры гарнизона и даже небольшое число католиков заполняли всю церковь, громко звучала военная музыка. Один только вид этого часто производил на меня глубокое впечатление. Большая заслуга Мюллера была в том, что он содержал в порядке военные кладбища в самых живописных местах вблизи полей сражений. Повсюду на табличках были известные имена храбрых немецких солдат последней войны, и среди захоронений выделялась тщательно ухоженная могила с надписью: «Неизвестный русский солдат».

⁶⁰ Ныне польский Олыптын.

⁶¹ Ныне Щитно в Польше.

Нас застали врасплох события 30 января 1933 г.⁶² Мы были недалеко от большевизма, о методах которого мы много узнали еще в Баварии. Мы понимали, что растущее число голосов за коммунистов с их радикализмом привело с другой стороны к реакции, которая действовала при помощи тех же радикальных методов. В ответ на проводимую коммунистами даже в рейхстаге политику измены родине начали появляться объединения, в которых наряду с авантюристами действовали энергичные бойцы добровольческого корпуса, о которых правительство некогда плохо отзывалось. Пока для нас ничего не изменилось, разве что генерал фон Бломберг стал министром рейхсвера, фон Рейхенау – начальником министерского управления. Сменившие их генерал фон Браухич и полковник Гёпнер имели больше времени для войсковой работы, в том числе это касалось 1-го батальона связи. Его командир был человеком слабым, его боевые офицеры Штамер, Кутчер, Негенданк, Хан чаще действовали самостоятельно. Об этом пошли слухи; моя роль дипломата – замолвить словечко о батальоне – была делом нелегким. Браухич вскоре попытался вместо гаулейтера Коха с его пролетарскими замашками найти более сговорчивого человека для приграничной провинции. Он хотел встретиться с Гитлером, чтобы обсудить этот вопрос, но последний поддерживал Коха, поскольку тот обеспечил ему голоса избирателей.

После военных бедствий преодолеть разобщенность и тяжелую безработицу не смогли ни «президентский кабинет», ни «чрезвычайные меры», но мы попытались поселить в солдатских сердцах надежду на человека из народа, который в стальной буре ураганного огня заслужил Железный крест 1-го класса.

Мои усилия улучшить связь с рейхом и в самой провинции на этот раз сопровождал успех. Новый рейхсминистр почт Онезорге, который в противоположность предыдущим министрам мог мыслить стратегически, озаботился в наикратчайший срок выполнить наши пожелания: третий морской кабель из города Леба⁶³ в Померании получил новую радиоусилительную станцию недалеко от батарей Пиллау. Для полевого кабеля на линии фортов в Кёнигсберге был оборудован пункт подключения к сети связи цитадели. Подвал кёнигсбергской телефонной станции, где располагался кабель, получил бетонное перекрытие. Автоматизация в пограничном округе была отложена. Одновременно проснулся интерес к армии: мой друг Фрич оказался представителем Управления вооружения сухопутных войск, он намеревался заменить непрочный подводный кабель дециметровый радиосвязью между Земландом и Померанией.

Летом 1933 г. Браухич отдал командующему кёнигсбергской цитадели полковнику Хейцу приказ о проведении командно-штабного учения батальона связи и других частей связи. Он сам тщательно проверил многие подразделения. Я сопровождал его вместе с начальником оперативного управления штаба капитаном Бушенхагеном, который раньше служил в частях связи.

До этого я отдыхал с моей семьей, как и в прошлом году, в Нойтифе⁶⁴ недалеко от Пиллау. Только для нас были и необозримый пляж на приморской косе⁶⁵, и прибой Балтийского моря.

Морская служба Восточной Пруссии переправила нас в Сопот. Мы любовались прекрасным городом Данциг; Версальский мирный договор, не спросив мнения его жителей, отделил его от рейха⁶⁶. Зажиточность и дух немецкой Ганзы преодолела века. Жалкое зрелище представляла служба на Троицу в просторной Мариенкирхе. Усталый священник про-

⁶² Назначение Гитлера рейхсканцлером, т. е. приход нацистской партии НСДАП к власти в Германии.

⁶³ Город Леба, став польским, сохранил свое изначально славянское название.

⁶⁴ На Балтийской косе через пролив рядом с Балтийском (бывший Пиллау) на другой стороне пролива.

⁶⁵ Балтийская коса, в то время коса Фрише-Нерунг.

⁶⁶ Ранее был славянским городом Гданьском.

износил проповедь общине в двести престарелых прихожан в храме, который был возведен для тысяч верующих.

Из Баварии я взял с собой своего коня восточнофризской породы. Это было могучее животное, которое принимали то за ирландскую лошадь для охоты, то за ломовика. У нее была прекрасная поступь, но она была слишком медлительна для быстрой восточнопрусской охоты. Один важный чин – штандартенфюрер штурмовых отрядов – купил с выгодой у полковника Гёпнера его коня. Этот человек сопровождал меня в поездке в Берлин в Военную академию.

Прощание с этой землей, которая своими красотами – морем, лесами и озерами, своими мужественными людьми и полями сражений наших предков в борьбе с Востоком – вошла и поселилась в моем сердце, далось мне нелегко. Для моих детей, которые путали восточнопрусский диалект с мюнхенским, расставание было не таким тяжелым.

Берлин, 1933-1935 гг.

Начальник Военной академии, в целях конспирации называвшийся тогда «офицер учебных курсов в Берлине», полковник Рудольф Шмидт провел летом 1933 г. учебную экскурсию по маршруту Кёнигсзе – Алльгой. Поднявшись на фуникулере в кавалерийских сапогах на вершину Цугшпитце, я был рад, что меня не видел в этом подъемнике ни один мой старый спутник в горных походах. Шмидт вместе с начальником Войскового управления генералом Адамом подыскивал нового учителя тактики. Меня наметили преподавателем предмета «Служба связи». Опытный преподаватель Шмидт, бывший офицер Генштаба и командир роты связи, задавал мне спонтанные вопросы, из которых я понял, как он видит роль моего предмета в решении поставленных им задач, и в итоге мне, как первому учителю-специалисту нового предмета, он предоставил свободу действий. Я вспомнил время, проведенное на штабной работе десять лет назад, и решил с наибольшей пользой применить свой опыт. В академии было два учебных курса на третьем, два на втором и три на первом году обучения. Я избегал в лекциях говорить о чисто технических темах и затрагивал вопросы техники лишь в той мере, в какой они были важны для связистов в управлении войсками. Далее я намеревался сократить небольшое количество часов, посвященных тактике, с трактовкой которой не был бы согласен преподаватель тактики. В первый год я давал материал в рамках усиленного полка, на второй – дивизии и третий – корпуса. Я пытался в своем предмете раскрыть в максимальной степени все его взаимосвязи. Именно ощущение того, что сеть радиосвязи объединяет все инстанции сверху донизу и соединяет тебя с соседями и на частях связи лежит постоянная обязанность эту связь поддерживать, в корне отличает ее от других родов войск. Артиллерист решает свои задачи на поле боя – от разведки цели и до открытия огня, сапер овладел умением устройства переправ, и тем исчерпывается их непродолжительная ограниченная задача. Нельзя представить сеть связи без взаимодействия с главным командованием. Руководитель курсов третьего года обучения подполковник Паулюс привлек меня к решению своей задачи – научить высшее руководство действовать в условиях войны. Его лекции, а часто и мои регулярно посещал болгарский военный атташе полковник Драганов. У него был Железный крест за Первую мировую войну, и говорил он по-немецки без акцента. Частые разговоры с ним во время учебных поездок и позднее в его доме выявили единство во взглядах профессиональных офицеров с этой и той стороны границы. Последний третий год вел подполковник Ойген Мюллер. Он присутствовал на каждой моей лекции. Это поначалу мешало мне, но потом показало мне значимость моих занятий и дало возможность шире рассмотреть некоторые темы. Наиболее поучительными были штабные учения по карте, которые штабные офицеры перед завершением своего трехгодичного обучения проводили сами. Некоторое их волнение и скованность были очевидны. Стиль «командования» каждого отражал будущие его особенности у командира или штабного офицера. Шмидт присутствовал на учениях постоянно, как и «специальный учитель» капитан фон Цильберг из службы обеспечения, и я в качестве «учителя связи». Шмидт иногда просил нас высказать свою точку зрения и обосновать наше тактическое видение, внося тем самым оживление в рутинный ход экзаменов. Кроме того, он часто вносил изменения в тактику, когда экзаменующиеся менялись ролями, и привлекал также иностранный опыт военного руководства. За это он подвергался резкой и циничной критике. В Военной академии никогда не разбирались стратегия и военные операции, проводимые в отношении какой-либо страны. Учителя тактики вторых курсов не проявляли особого интереса к моей работе. С такими преподавателями первых курсов, как фон Шелл, Линдемманн, Блюментритт, быстрее находили общий язык. Мой бывший командир роты из Мюнхена, в настоящем командир

3-го батальона связи в Потсдаме, майор Русвурм, был настолько щедр, что снабдил меня телефоном и радио-установкой для большей наглядности обучения в академии.

Мы провели так называемые «штабные учения», в которых был задействован дивизионный штаб со всеми консультантами согласно штатам военного времени, в здании академии. Были представлены начальники, подчиненные и соседи, соединенные телефонной и радиосвязью. Была наглядно продемонстрирована необходимость в быстром получении и передаче донесений и приказов при наличии большого количества референтов и связистов, работавших в охваченном суматохой и при постоянной нехватке времени верховном штабе. Это было полной противоположностью штабным учениям, проводившимся в условиях избытка времени и в спокойной обстановке. Проводились также обычно в дополнение к штабным командно-штабные учения в полевых условиях при плохой и хорошей погоде, днем и ночью.

На втором курсе плодотворно сотрудничал с Военной академией швейцарский капитан Берли. Аргентинский военный атташе майор Раттенбах, слушавший лекции майора фон Шелла, был не совсем приятной личностью. Он имел привычку во время нашей поездки по городской железной дороге настойчиво приставать ко мне с непубличными вопросами. На следующий год к Шеллу вернулся из годичной командировки в США майор Ведемейер. Другой учебный курс читали два китайца. Один был прилежен, второй – лентяй. В связи с войной Японии против Китая японский военный атташе Осима не мог добиться ответа на вопрос, почему они еще здесь.

Новая профессия преподавателя открывала для меня новые возможности. Поскольку я имел небольшое количество лекционных часов, у меня было много свободного времени для занятий днем и ночью. Правда, на подготовку к лекциям у меня уходило времени в три раза больше, чем на преподавательскую работу на кафедре. Каждый четверг в большом зале военного министерства устраивались доклады, авторами которых были не только люди науки, выступали с сообщениями о состоянии дел в своей области некоторые рейхсминистры. На смену своим неизвестным предшественникам, которые не проявляли никакой заботы о солдатах, пришли достойные деятели, как Гюртнер, граф Шверин фон Крозиг, Онезорге, Фрик и Геббельс. Они всячески избегали высказывать свое мнение по военным вопросам. После бесконечных дебатов о требовании Версальского договора полного разоружения, в реализации которого Германия значительно продвинулась, в отличие от остальных стран, было само собой разумеющимся, что Гитлер заявил о выходе Германии из Лиги Наций.

Ежедневная утренняя прогулка верхом совершалась в Тиргартене, где собирался высший свет столицы рейха, и породистые лошади несли седоков по ухоженным дорожкам для верховой езды, где встречали знакомых, и посвященные шептались и злословили о злодеяниях штурмовиков. Пеструю картину представляла публика, собиравшаяся каждую неделю под звуки оркестра на открытом манеже у вокзала «Зоологический сад», здесь были женщины-амазонки, лица гражданские и военные в форме. Трубачи своей игрой горячили лошадей, которых всадники заставляли то идти шагом, то переходить на рысь и галоп. На второй год я стал заниматься конным спортом в лесу Груневальд; там я со своим фракийцем наслаждался утренним одиночеством в бесконечных сосновых лесах с небольшими озерами. В семь часов взнузданный конь уже стоял перед моим жилищем в районе Берлина Шмаргендорф. Через 10 минут, миновав «Дикого вепря» и «Уголок роз», я оказывался в лесу. Прекрасный город давал возможность встретить много знакомых. С моими баварскими товарищами Рейном и Распом я встречался выпить пива. Жена и дети посещали театр, зоопарк, музеи и универмаги, ходили на прогулки в лес. По случаю я посетил в министерстве авиации майора Мартини, который с несколькими офицерами связи перешел из сухопутных войск в люфтваффе для организации группы воздушной связи. В академии было несколько боевых офицеров-летчиков, как Зейдемманн, не потерявших связь с армией. Их охотно принял пре-

подаватель люфтваффе полковник Клеппе. Специалист по воздушной разведке, он преподавал и другие предметы военного летного дела.

На лекциях говорили о важности так называемого вертикального охвата, эту задачу решали парашютно-десантные войска. Никто не придавал этому значения, и говорили об этом с насмешкой, как о развлекательном материале для газет. Преподаватели так планировали свои лекции, что у них оставалось время для продолжительных поездок. Две зимы я провел с третьим курсом в Оберйохе в Баварии, катаясь на лыжах.

Военная академия располагалась в казармах бывшего гвардейского полка полевой артиллерии в Моабите, это был малопосещаемый и непривлекательный берлинский район тюрем и казарм. Шмидт хлопотал о строительстве нового здания в западных районах города по образцу Университетского городка. Его просьбу отклонил его друг, всемогущий начальник главного управления сухопутных войск полковник Фромм. Это обошлось бы слишком дорого, так как нужно было строить конюшни для нескольких сотен лошадей Моабита. Мысли командиров сухопутных частей и их начальства постоянно вращались вокруг одного и того же – лошадей, больших суммах на их содержание, уход и обучение, и при этом получался минимальный коэффициент полезного действия на выходе. Я сам вырос в общении с этими благородными, достойными любви созданиями. Однако если мы бы открыли глаза, то мы должны были бы признать, что пришло другое время – более мощных машин, которым был не нужен овес и требовалось меньше людей для их обслуживания.

В марте 1934 г. во Дворце спорта на Потсдамерштрассе состоялось торжественное мероприятие Союза Кюфхейзера. Я представил мою жену 87-летнему президенту Германии, который был в форме прусского генерал-фельдмаршала, в остроконечном шлеме и с маршальским жезлом. Начальник штаба СА (штурмовых отрядов) рейхсминистр Рём произнес длинную путаную речь. Ему обещали, что он станет военным министром рейха и вермахт вольтется в СА. Мы были уверены, что Гинденбург никогда не согласится на это.

1 мая на Темпельхоферфельд я наблюдал сплоченную толпу в миллион человек. Тот, кто прочувствовал ненависть гражданской войны, слышал речи о классовой борьбе и забастовках, пережил злоупотребления вооруженной силой из-за слабости правительства, должен был только радоваться, видя, как рабочие и служащие и их работодатели объединяются в общенародный союз без всякого военного вмешательства человека с ружьем.

Три недели спустя жена подарила мне нашего третьего ребенка – девочку. Прошло несколько часов после ее рождения, и на Троицу над ее родным городом величественно проплыл гордый цеппелин.

Была командировка в Гольштейн, на побережье Балтийского моря, к военным морякам в Киле. Нашу яхту качал свежий бриз.

В Берлине после путча Рёма ничего не изменилось. О жертвах среди членов СА сожалели мало. Генералы фон Шлейхер и фон Бредов подпали под подозрение. У них не было никакой связи с частями, которые об этом ничего не знали. О смерти фон Кара⁶⁷, Клаузенера и мести всем остальным, не имевшим к этому никакого отношения, узнали лишь позднее. Такая вопиющая внесудебная расправа была позором для Германии.

Затем в летной школе в Брауншвайге подполковник Линдеманн прочел свой курс, который посетили учитель авиаторов полковник Клеппе и я в качестве гостя. После устрашающего инструктажа о том, каким способом необходимо совершить прыжок на парашюте в особо опасной ситуации, мы приступили к ежедневным полетам на самолетах различных типов. Для привязанных к земле новичков было трудно ориентироваться в воздушном пространстве без исходных данных. Стартовала машина против ветра, затем описывала высокую кривую и только затем брала курс на цель. Прежде чем пилот успевал ориентироваться

⁶⁷ В 1923 г. подавлявшего «Пивной путч».

по карте, он уже был над целью, например над вокзалом, где он должен был пересчитать вагоны. Авиатора раздражал надоедливый парашют и гурт в открытой машине, очки и ветер. Опытный пилот сам помогал наблюдателю, если раньше видел цель.

В прошлом году право наблюдателю пройти первым, когда все еще находились на земле, объясняли как пожелание благополучного возвращения. У нас случилось и такое, когда какой-нибудь пилот, несмотря на предупреждение, играл с ручкой парашюта, последний раскрывался, и помощник пилота обеими руками лихорадочно запихивал парашютный шелк в хвостовую часть самолета, чтобы его не намотало на винты. Мы практиковали также сбрасывание вымпелов с донесениями, полученными при боевой тактической разведке. Некоторые сбрасывали в пикирующем полете жестяные банки, планшеты с картами и схемами. Спокойно прошел полет на «Юнкерсе-52». Мы легли на курс по компасу и определили угол сноса, испытали работу бомбосбрасывателя. Самым волнующим был полет на истребителе, и нас еще вдобавок укачало. Делать мертвую петлю запрещалось, разрешался только иммельман. Подъем шел круто вверх до мертвой точки, затем машина опрокидывалась влево или вправо и с возрастающей скоростью устремлялась вниз. Мы получили задание атаковать воздушную и наземную цель. В воздухе висел макет, который нужно было поразить снизу. Я находился в турели, оснащенной пулеметом, и, поборов свой страх, начал делать упражнения на прицеливание, когда, как мне показалось, нам грозит столкновение с другой машиной. Затем самолет спикировал вниз. Хорошо, что радиопеленгатор вышел из строя, иначе он показал бы, что я очень редко попадал в цель. Результаты проходивших одновременно занятий по теории полетов были весьма скромны. Преподаватель предмета «Связь и средства связи» капитан Заттлер, который некогда в Мюнхене сменил меня на посту командира роты радиосвязи, показывал фотоснимки самолетов Первой мировой войны, вместо того чтобы рассказать о радиосвязи в воздухе и навигации. Практические полетные задания ставил лейтенант фон Берхем, тоже из моей роты в Мюнхене, получивший направление в авиацию. Все только обустроивалось. Нам были важны сами полеты, которые часто отменяли из-за того, что некоторых наших товарищей укачивало. Клепке отважно летал ежедневно с пилотами – офицерами штаба, которые пилотировали спортивные машины. Нам было не по душе подобное сопровождение. Мы сомневались в их авиаторских способностях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.